

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Актуальные проблемы германистики,
романистики и русистики**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ
ежегодной международной научной конференции
3–4 февраля 2012 года
г. Екатеринбург, Россия

Екатеринбург 2012

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

Под редакцией:
доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. Сергеева

Научный редактор:
кандидат педагогических наук, доцент
Е. Е. Горшкова

Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики / Сборник
А 43 тезисов докладов ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 3–4 февраля 2012 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 130 с.

Сборник включает тезисы докладов и сообщений, прочитанных в рамках конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованных кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» 3–4 февраля 2012 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

УДК 811.1/2
ББК Ш 140/159
А 43

© Институт иностранных языков, 2012
© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2012

Содержание

Пленарные доклады

<i>Гиниатуллин И. А.</i> Иноязычная межкультурно-коммуникативная активность в современном обучении иностранному языку.....	9
<i>Shen Sanshan.</i> Chinese calligraphy	11

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, диалектологии, языковых систем и др.

<i>Анашкина Н. Ю.</i> Предметы одежды и аксессуары в английском фольклоре	12
<i>Аникина Т. В.</i> Виды виртуальных имен собственных	13
<i>Антонова И. В.</i> Особенности усечения компонентного состава фразеологических единиц коммуникативного класса современного английского языка	14
<i>Богоявленская Ю. В.</i> Парцеллирующее членение с корреляцией (на материале французского и русского языков).....	15
<i>Братчикова Е. А.</i> Теория фонетического значения в аспекте психолингвистики	16
<i>Буренкова С. В.</i> О взаимовлиянии языка и культуры народа (на материале русского языка).....	18
<i>Гендлер И. В.</i> Специфика терминов фламенко	19
<i>Голованова Е. И.</i> Феномен перекатегоризации в русской филологической терминологии	20
<i>Каджая Л. А.</i> Специализированный научный дискурс: гидрогеохимическое описание в русском и английском языках	21
<i>Копенкина И. Б., Скребова Е. Г.</i> Семантико-функциональное описание сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов (на материале немецкого и английского языков)	22
<i>Кравцов С. М., Пиеничная А. Ю.</i> Конверсия в словообразовании в сопоставлении с омонимией (на материале русского и французского языков).....	23
<i>Лазарев В. А., Михайлова Л. М.</i> Теория прототипов в процессе категоризации	24
<i>Ларцева Е. В.</i> Современный статус американского варианта английского языка и перспективы его развития.....	25

<i>Лукин О. В.</i> Об эклектичности теории частей речи	26
<i>Лукичева М. В.</i> Ономаσιологические модели названий лиц по профессии	27
<i>Нифанова Т. С.</i> Сопоставительное изучение способов выражения субъектно-объектных отношений, закрепленных в значении лексических единиц	28
<i>Плетнева Н. В.</i> Семантические процессы в усечениях современного английского языка	29
<i>Постникова Е. А.</i> Гендерные исследования в лингвистике	30
<i>Соколова О. Л.</i> Субстантивация наречий в современном французском языке	31
<i>Сулименко Н. Е.</i> Полиситуативность в её отношении к полидискурсивности	32
<i>Хренов В. В.</i> Вопрос о родственных связях турецкого и корейского языка в филологии Турции середины XX в.	33
<i>Хрущева О. А.</i> Бленд-культурема: понятие, сущность, особенности	34
<i>Чайкисова А. В.</i> Модальность как языковая категория: традиционное и новое	35
<i>Чугунова С. А.</i> Корпоральная основа культурно-специфичных концептов времени	37
<i>Шумарин С. И.</i> Отношения синонимии в сфере аббревиации	38
Сопоставительная лингвистика, фразеология и переводоведение	
<i>Алексеева М. Л.</i> Техника передачи безэквивалентной лексики в середине XX в.	39
<i>Берчатова И. С.</i> Способы передачи английских аббревиатур, используемых в виртуальном общении, на русский язык	40
<i>Божко Е. М.</i> Переводческие ошибки в переводах художественной литературы	41
<i>Воронин Р. А.</i> Структурно-типологический метод изучения фразеологии	42
<i>Готлан Ю. А., Дронова Л. П.</i> Исторические и генетические связи англ. <i>sleep</i>	43
<i>Гузикова В. В.</i> Лингвокультурологический анализ улич Бирмингема, Генуи и Екатеринбурга	44
<i>Доброниченко Е. В.</i> Семантика свадьбы как ритуала в русской, немецкой и английской лингвокультурах	46

Драгой Ю. В. Виды метафорического переноса значения в фразеологизмах, отражающих психическую деятельность человека (на материале английского и русского языков)	47
Завьялова Н. А. Китайские, японские, русские и английские фразеологические единицы со значением «абсурдные действия» как фрагмент дискурса повседневности	48
Загороднева Е. В. К вопросу о гендерной референции фразеологической единицы: интергендерная или метагендерная референция, терминологическое разграничение	49
Игнатович Я. П., Федуленкова Т. Н. Степени уровня абстракции частично переосмысленных фразеологизмов с глаголом <i>give</i>	50
Истратова Ю. А. Французская поэтическая ономастика XX века .	51
Клюшина З. В. Проблемы перевода английских глагольных фразеологизмов с компонентом <i>take</i>	52
Коптева О. В. Различные подходы к определению лакунарности... 53	
Маклакова Е. М. Глагольные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках	54
Малькова В. В. Семантические различия устойчивых сравнений русского и немецкого языков	56
Марычева Е. П., Федуленкова Т. Н. Алгоритмы изучения фразеологической единицы (на материале германских языков)	57
Новикова Ю. В., Ласкова М. В. Типология переводческих ошибок в сатирическом произведении (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и трех её переводов)	58
Нуруллина А. Г. Компоненты «Грех», «Дьявол» и «Ад» во фразеологических единицах английского и русского языков	60
Самарина И. В. Специфика перевода имен-прозвищ на материале английских волшебных сказок.....	61
Скоробогатова Т. И. Способность фразеологии к «исторической аккумуляции»: функции ФЕ, обуславливающие связь фразеологии с историей народа — носителя языка	61
Сынкова А. С. Фразеологизм и слово: вопрос эквивалентности	62
Федуленкова Т. Н. Признаки алломорфизма структуры германской фразеологии.....	64
Харлов И. Е. Языковой образ человека на материале английского языка	65
Щербакова О. Н. Национально-культурная специфика компонента эмоции в русском и немецком языках	66

<i>Ялалова Р. Р.</i> Структурно-грамматический анализ фразеологических единиц, характеризующих «болезнь-здоровье», в английском, немецком и русском языках	67
--	----

Дискурс-анализ и политическая лингвистика

<i>Желтухина М. Р.</i> Невербальные варианты медиавоздействия в современном политическом дискурсе русской, английской и немецкой лингвокультур	69
<i>Казанцева Ю. Н.</i> Эмотивный потенциал речевых актов в педагогическом дискурсе	70
<i>Кобозева М. А.</i> Реализация речевой стратегии «Репрезентация проблемы» с применением оптативной конструкции в научно-популярном дискурсе	71
<i>Магомадова Т. Д.</i> К вопросу о метафорической природе современного медиадискурса	72
<i>Матыгина Е. Б.</i> Метафорические кластеры в личностном дискурсе и медийном представлении женщин-политиков США	73
<i>Микерова К. Г.</i> Паралингвистические и лингвистические средства репрезентации иронии в педагогическом дискурсе	74
<i>Никифорова Э. Ш.</i> Речевое воздействие в профессиональной коммуникации	75
<i>Олешков М. Ю.</i> Дейксис устного политического текста	76
<i>Полюгова Е. В.</i> Доказательство как форма аргументации (на примере туристической рекламы Интернет-дискурса)	77
<i>Уланович О. И.</i> Языковая звукоизобразительная суггестия в обеспечении воздействия рекламного слогана	79
<i>Шишкина Т. С.</i> Речевой жанр неформального интервью: предметная область и основные подходы к прагматической репрезентации	80
<i>Шустрова Е. В.</i> Стереотипы и мифы в афроамериканской карикатуре на Б. Обаму	81

Литературоведение, стилистика и интерпретация текста

<i>Ананьина М. А.</i> Специфика функционирования художественного слова в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит»	83
<i>Бортников В. И.</i> «Внутренний» отсчёт пространства как категориальная монологическая характеристика Сатаны в переводе 1777 г. Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай»	84

<i>Быкова Т. Ю.</i> Артефактная метафорика в советской прессе довоенного периода	85
<i>Велижанина Е. М.</i> Функционально-стилевой и жанровый статус притчевого дискурса Нового Завета.....	86
<i>Голованов И. А.</i> Язык и образы фольклора в произведениях А. Платонова 1920-х гг.	87
<i>Доброва С. И.</i> Типология символических концептов в фольклорном тексте	88
<i>Ермолова М. В.</i> Образ заходящего солнца в рассказах Рэя Брэдбери «Погожий день» и «Берег на закате».....	89
<i>Кейзер С. В., Уланович О. И.</i> Литературная стилизация как создание эстетической иллюзии	90
<i>Кузина Ю. В.</i> Сопоставление систем художественных образов в сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» и её переводах на русский язык	91
<i>Мальцева И. Г.</i> Роман «Тропен» Роберта Мюллера	92
<i>Марова Н. Д.</i> Что такое театация?	93
<i>Орлова О. Ю.</i> Фоностилистический аспект заглавий англоязычной литературной сказки	94
<i>Подвигина Н. Б.</i> Понятие образности в поэтической речи	95
<i>Разумкова Н. В.</i> «И меня сравнением не смущая»: к вопросу о цветовой картине мира в лирических произведениях О. Мандельштама.....	96
<i>Фоменко Е. Г.</i> Текстотипологический инвариант индивидуально-авторской концептосферы	97
Теория и методика обучения языку и межкультурная коммуникация	
<i>Батюшкина М. В.</i> Лингвометодические основы построения акцентологического материала в учебном процессе с учетом теории речемыслительной деятельности	99
<i>Безбородова С. А.</i> Средства новых информационных технологий и их возможности в процессе обучения иностранным языкам	100
<i>Брылина Е. А.</i> Первая переводная грамматика английского языка на русский — грамматика М. Пермского (1766 г.).....	102
<i>Ваганова Т. П.</i> Оценка и оценочность: в чем разница?	102
<i>Горшкова Е. Е.</i> Сложности дистанционного языкового образования	103
<i>Дмитриева О. А.</i> Языковая мода как коммуникативная характеристика языковой личности	105

<i>Захарова М. А.</i> Наглядность при обучении иностранному языку детей с нарушением костно-мышечной системы	106
<i>Конров В. Ю.</i> Сопоставительный синтаксис в преподавании русского и английского языков как иностранных	107
<i>Korepanov K. I., Korepanov V. K.</i> Strategic prospects of Spanish as a world-wide language of business communication	108
<i>Куницыкова М. О.</i> Искусственный билингвизм и языковая игра	109
<i>Лиань Ма.</i> Произведения Анны Ахматовой как методический материал для филологического анализа для студентов, изучающий русский язык как иностранный	111
<i>Мысик М. С.</i> Место иностранного языка в высшем профессиональном образовании (в контексте стандартов нового поколения)	112
<i>Походзей Г. В.</i> Роль внеаудиторной работы в процессе изучения иностранного языка (ИЯ)	113
<i>Роготнева Н. С.</i> Практикум перспективной самостоятельной работы как эффективная организационная форма процесса развития иноязычной лингво-нормативной учебной компетенции	115
<i>Романова Г. В.</i> Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку в средней общеобразовательной школе	116
<i>Рябинина С. А.</i> Проектная технология как механизм формирования функционально грамотной личности в ОС «Школа 2100»	117
<i>Соловьева А. С.</i> Образ России в сознании европейской молодежи	118
<i>Тарасова Л. В.</i> Реализация условий дифференциации процесса обучения английскому языку	119
<i>Титова Е. Ю.</i> К вопросу об усилении иноязычной подготовки будущих специалистов технического профиля	120
<i>Джираторн Тривиссорн.</i> Отношения между Таиландом и Россией в области образования на русском языке	121
<i>Фетисова А. А.</i> Формирование межкультурной компетенции учащихся (на примере способов выражения благодарности)	123
<i>Синьфу Хоу.</i> «А зори здесь тихие» в Китае	124
<i>Чиршева Г. Н.</i> Специфика определения родного языка ребенка-билингва	125
<i>Шарифуллина Э. Р., Сергеева Н. Н.</i> Возможности мультимедийного учебника в развитии социокультурной компетенции	127

Пленарные доклады

И. А. Гиниятуллин

Екатеринбург, Россия, profgin123@yahoo.com

Иноязычная межкультурно-коммуникативная активность в современном обучении иностранным языкам

Под иноязычной межкультурной активностью мы будем понимать динамичное интегративное качество языковой личности и характеристику её коммуникативного поведения, которые отражают инициативность и интенсивность действий межкультурного общения, стремящегося к оптимальному результату.

При этом мы исходим из того, что межкультурная коммуникация основывается на *когнитивно-продуктивной деятельности, предметом которой выступают релевантные для взаимодействия представители разных культур межкультурные различия на фоне сходства между культурами. Данная деятельность содержит коммуникативно-когнитивные действия восприятия, распознавания, интерпретации феноменов другой культуры (в последнюю входят межкультурное сопоставление, выявление различий на фоне общего, максимально достижимое понимание, включение понятого в имеющиеся знания, представления, оценки, их подтверждение/отрицание, расширение, коррекция, их эмоциональное переживание, выводы для возможных речевых и неречевых действий по отношению к субъектам и объектам другой культуры), а также коммуникативно-продуктивные действия применения результатов этой интерпретации для оптимизации последующей речевой и неречевой коммуникации, других актуальных видов социально обусловленной деятельности и для рефлектируемого личностного развития.* Разумеется, не все виды действий входят в каждый конкретный акт межкультурного общения. Мы полагаем, что содержание межкультурной составляющей в обучении иностранным языкам формируется именно с исходной позиции «релевантные межкультурные различия + основные действия с ними». В ходе этих действий решаются соответствующие учебные или реальные межкультурно-коммуникативные задачи.

Межкультурно-коммуникативная активность может проявляться, например:

— в распознавании релевантных межкультурных различий — в межкультурной «наблюдательности»;

— в наличии/отсутствии осознанно осуществляемых познаватель-но-продуктивных межкультурных действий в рамках определённых единиц иноязычной речевой коммуникации;

— в количестве и разнообразии межкультурно-коммуникативных задач, которые решаются общающимся в определённых отрезках речевого общения или в течение определённых единиц времени коммуникации;

— в адекватной целям общения полноте и последовательности решения межкультурно-коммуникативных задач;

— в количестве: интерпретируемых при решении межкультурно-коммуникативной задачи культурных феноменов, используемых источников информации, субъектов и объектов другой культуры, с которыми осуществляется взаимодействие;

— в поступательной результативности коммуникативно-продуктивных действий на основе интерпретации межкультурных различий;

— в степени самостоятельности решения межкультурно-коммуникативных задач;

— в степени отклонения их конечного правильного решения от первоначального стереотипного варианта и в другом.

Межкультурно-коммуникативная активность, как и речевая активность, имеет деятельностную природу, поэтому она представляет собой (с учетом индивидуальных особенностей) **развиваемый и поддающийся саморегуляции феномен**. Её потенциальная значимость для современного обучения иностранным языкам, которое становится всё более межкультурным, определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, она **способна комплексно отражать** объёмы межкультурно-коммуникативной практики в соотношении с временными характеристиками, а также многие качественные параметры речи, важные для осуществления межкультурного характера обучения. Как бы сложны и системны ни были процессы овладения межкультурной коммуникацией в связи с иноязычной речью, их успех зависит в конечном итоге именно от объёма и позитивных характеристик соответствующей практики. Во-вторых, это уже отмеченная **развиваемость** межкультурно-коммуникативной активности. И, наконец, в-третьих, это её относительная **измеряемость**.

С точки зрения компетентностного подхода данная активность может рассматриваться как **компонент межкультурной и одновременно специальной лингвопознавательной компетенции**.

© Гиниатуллин И. А., 2012

Sanshan Shen

Гуаньдун, Китай, st.conference@gmail.com

Chinese calligraphy

Chinese calligraphy (Brush calligraphy), which is universally known as an art unique to Asian cultures. We may name Shu (calligraphy), Hua (painting), Qin (a string musical instrument) and Poetry of many genres as the basic skills and disciplines of the Chinese basic course of spiritual education.

Chinese experts regard “Shu Fa” (calligraphy) as the most abstract and sublime form of art in Chinese culture, it is also often thought to be most revealing of one’s personality and inner spirituality. During the imperial era, calligraphy exam was used as an important criterion for selection of executives to the Imperial court and was considered to be one of the most severe. Unlike other visual art techniques, all calligraphy strokes are permanent and incorrigible, demanding careful planning and confident execution. Such are the skills required for an administrator / executive. While one has to conform to the defined structure of words, the expression can be extremely creative. To exercise humanistic imagination and touch under the faceless laws and regulations is also a virtue well appreciated.

By controlling the concentration of ink, the thickness and adsorptivity of the paper, and the flexibility of the brush, the artist is free to produce an infinite variety of styles and forms. In contrast to western calligraphy, diffusing ink blots and dry brush strokes are viewed as a natural impromptu expression rather than a fault. While western calligraphy often pursue font-like uniformity, homogeneity of characters in one size is only a craft. To the artist, calligraphy is a mental exercise that coordinates the mind and the body to choose the best styling in expressing the content of the passage. It is a most relaxing yet highly disciplined exercise indeed for one’s physical and spiritual well being. Historically, many calligraphy artists were well-known for their longevity.

© *Shen Sanshan, 2012*

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, диалектологии, языковых систем и др.

Н. Ю. Анашкина

Екатеринбург, Россия, anashkin@k66.ru

Предметы одежды и аксессуары в английском фольклоре

Для исследования концептуализации предметов одежды и аксессуаров в сознании создателей произведений Nursery Rhymes (NR) из 400 текстов стихов были выбраны существительные, обозначающие одежду и аксессуары. Общее количество данных существительных составило 43 единицы, а количество их употреблений в текстах — 161 раз (4,9% от общего количества употреблений всех существительных в анализируемых текстах). Языковая картина мира стихов показывает отсутствие в «мире», отображённом посредством текстов стихов NR, «культы одежды», главная функция которой — защита от факторов окружающей среды: дождя, холода, жары. Выдвинутое предположение подтверждает высокая частотность употребления родового термина *clothes/одежда* (14), наличие абстрактных существительных *silk/одежда из шёлка*, *leather/одежда из кожи*, *green/одежда зелёного цвета*, *velvet/одежда из бархата*, *rags/лохмотья* без уточнения конкретных предметов одежды. Отдельные предметы одежды и обуви представлены немногочисленным составом (*shoe/туфель* — 21, *gown / платье* — 9, *coat/плащ* — 8, *petticoat/нижняя юбка* — 5, *breeches/бриджи* — 4), украшения (*ring/кольцо* — 9, *ribbon/лента* — 6, *rosette/розетка* — 1, *chain/цепь* — 1) и аксессуары (*hat/шляпа* — 12, *wig/парик* — 7, *pocket/сумка* — 4, *bow/галстук-бабочка* — 1, *demi-veil/вуаль* — 1). Лексический состав лексико-семантической группы содержит 5 единиц, обозначающих головные уборы: *hat/шляпа* — 12, *bonnet/шляпка* — 1, *cap/чепец* — 1, *tasaroni/шляпа с пером* — 1, *opera hat/шляпа-цилиндр* — 1. Столь продолжительный номинативный ряд единиц, обозначающих головные уборы, свидетельствует о значимости данного предмета туалета, идентифицирующего социальную, национальную и половую принадлежность людей. Наибольшей частотностью употребления отмечена лексема *shoe/туфель, ботинок* (21 употребление), т. к. обувь являлась самым не-

обходимым предметом в путешествиях и передвижениях, большинство из которых были пешими. Дистрибутивно единицы ЛСГ встречаются во фразеологических оборотах, обозначая межличностные отношения: *can you make me a cambric shirt/сшей мне батистовую рубашку* («выйди за меня замуж»), *wear the breeches/носить бриджи* «держат мужа под каблуком». Зелёный цвет одежды или интерьера считался несчастливым («Wear green and you'll soon wear black»).

© Анашкина Н. Ю., 2012

Т. В. Аникина

Нижний Тагил, Россия, anikishna@mail.ru

Виды виртуальных имен собственных

Возникновение виртуальных компьютерных имен обусловлено необходимостью идентификации пользователя в пределах одной виртуальной среды — форума, чата, конференции.

С технической точки зрения, компьютерное имя представляет собой неповторимую последовательность символов (цифр, букв латинского алфавита, специальных графических символов): *256789, 20wpoNEN, _abc_, Cinder, _True_, Отчаенный, Времена года*. В пределах одной виртуальной среды общения не может быть абсолютных тезок и однофамильцев.

В Интернет-коммуникации для именованых пользователей известны следующие формы компьютерного имени собственного: логин, доменное имя и никнейм.

Логин (логиноним) — последовательность символов, идентифицирующих пользователя при получении доступа в компьютерную систему; часть электронного адреса, представляющая собой имя собственное пользователя. К логину прилагается секретная информация, которая известна только владельцу логина и серверу — пароль. Таким образом, логин — идентифицирующая пользователя логическая учетная запись, используемая в сочетании с паролем в процессе авторизации (*oklibeday, van, mylogin, adminloginname, super, best, vlastelinkolec, petro, lenin, kovboy*).

Доменное имя — это определенная буквенная последовательность, обозначающая имя сайта или используемая в именах электронных почтовых ящиков (*hosting.caravan.ru, hotmail.com, SBrown.rambler.com, www.libris.com, www.nic.ru, sozdaysait.com*). Каждое доменное имя соответствует конкретному IP-адресу (сетевому имени), который представляет собой числовой эквивалент доменного имени. Например,

доменное имя сайта *www.yandex.ru* соответствует IP-адресу (сетевому имени) 213.180.204.11.

Никнейм (ник) — имя, используемое для общения он-лайн в чате (*PosLeДниЙ NiGGaДЯЙ, -EvAnEsCeNcE-, micky07, HA100ЯЩАЯ, ДиКаЯ_КоШеЧка_МуРьК, Жемчужинка, ШиЫкарная_ЗвИзда*).

Если логин обычно безликий и представляет собой число или бессмысленную последовательность букв, то никнейм используется для самовыражения его обладателя и несет определенную смысловую нагрузку.

Выбор компьютерного имени происходит под влиянием различных внеязыковых факторов, в том числе цели использования самого имени. Главное условие при выборе виртуального имени — это его информативность.

Итак, компьютерное имя с одной стороны представляет собой номинативную структуру, способную откликаться на социально-культурные перемены. С другой стороны, именно формула имени выступает как хранитель информации о данном индивидууме в базе знаний носителей языка и поэтому является достаточно консервативной. Интернет будет непременно развиваться, именно поэтому требуются новые научные подходы к анализу имен собственных в Интернете, к осмыслению новой ономастической ситуации.

© Аникина Т. В., 2012

И. В. Антонова

Северодвинск, Россия, treasurelisland@yandex.ru

Особенности усечения компонентного состава фразеологических единиц коммуникативного класса современного английского языка

Проблема усечения фразеологизмов представляет собой существенную часть общей проблемы языковой компрессии. Изменение состава пословицы в сторону сокращения компонентного состава, порождая изначально окказиональные образования, является наиболее продуктивным, пополняющим фразеологический фонд языка.

Следует отметить, что коммуникативные фразеологические единицы, чаще, чем какие-либо другие фразеологические единицы, подвергаются процессу клиппирования (от английского слова ‘clipping’ — отсечение), т. е. сокращению компонентного состава (Федуленкова Т. Н., Антонова И. В. Усечение как тенденция развития коммуникативных фразеологических единиц ... Архангельск, 2010).

В зависимости от того, какая структурная часть пословицы подверглась усечению, полученные образования подразделяем на 4 группы, классифицируя, присваиваем им следующие названия: 1) инициальные, 2) финальные, 3) билатеральные (Fedulenkova T. N Approach to the clipping of communicative phraseological units. Strasbourg, 2003); 4) контаминированные.

Фразеологический фонд языка пополняется следующими видами квантитативно-усеченных вариантов:

С усечением формального подлежащего с глаголом-связкой; с усечением предиката; с усечением местоименного подлежащего и глагола-связки; с усечением союза *if* с последующим местоимением; с усечением придаточного предложения в конечной части пословицы; с усечением придаточного предложения в начальной части пословицы; с усечением последней части пословицы в функции главного предложения.

Квантитативно-усеченные дериваты это аллюзии в их широком смысле, т. е. пословицы, подвергшиеся усечению значимых компонентов и тем структурным изменениям, которые меняют статус пословицы как коммуникативной единицы языка и переводят ее в номинативную единицу.

© Антонова И. В., 2012

Ю. В. Богоявленская

Екатеринбург, Россия, jvbog@yandex.ru

Парцеллирующее членение с корреляцией (на материале французского и русского языков)

Под парцелляцией понимаем синтаксическую категорию, имеющую структурную, семантико-синтаксическую и коммуникативную функции. Ее сущность заключается в преднамеренном интонационном и позиционном отчленении элементов единой синтаксической структуры предложения на две и более части: основную (базовую) часть и парцеллят, с целью актуализации значимой части высказывания. При парцелляции между частями конструкции устанавливаются коммуникативно-актуализирующие отношения, накладывающиеся на основные и вторичные связи и отношения. Под парцелляцией также понимается сам прием расчленения структуры предложения, в результате которого получается экспрессивный вариант стилистически нейтрального предложения.

Парцелляция предложения с коррелятом в основной части — это случаи парцелляции лексического повтора, имеющего, как правило, синтаксическое распространение, приложения и параллельного члена.

Исследователями отмечается широкая распространенность лексического повтора в устной речи и поэзии, но сравнительная редкость его использования в потоке связной монологической речи письменного литературного языка. Однако, как показывает наше исследование, в газетных публицистических текстах повтор того или иного слова или группы слов встречается часто и способствует большей выразительности, а также придает определенный ритм повествованию. Признание повтора с синтаксическим распространением особым видом парцелляции содержится в работах Ю. В. Ванникова, А. П. Сковородникова. Повтор толкуется как отсеченный отрезок основной части, другими словами — парцеллятом с повтором, представляющим элемент одной синтаксической единицы, расчлененной на части. Следовательно, повтор находится в том же предложении. Кроме того, повторенное слово или словосочетание находится в форме, зависящей от основной части и создает грамматическую и лексическую спаянность частей синтаксической структуры. Одним из факторов, вызывающим парцеллирование, является перегруженность того или иного члена предложения грамматическими связями или же общая перегруженность предложения.

© Богоявленская Ю. В., 2012

Е. А. Братчикова

Балашов, Россия, eabratchikova@mail.ru

Теория фонетического значения в аспекте психолингвистики

*Работа выполнена в рамках Тематического плана Министерства
образования и науки РФ*

Проблема содержательности звуков речи как их потенциальной способности передавать незвуковые представления отмечена волнообразным вниманием со стороны теоретиков языка. Впервые идея существования отприродной связи между звуками слова и тем, что оно обозначает, была высказана античными философами, которых интересовал вопрос выбора имени для того или иного объекта действительности. В дальнейшем интерес к данной проблеме то затухал, то разгорался с новой силой.

Осознание того, что феномен фонетической содержательности представляет собой явление не только лингвистического, но и психологического порядка, при исследовании которого необходимо опираться на психику говорящих, способствовало привлечению к изучению

корреляции «звук/смысл» экспериментальных методов. Результатом многочисленных экспериментов явился вывод о том, что те или иные различия звуков могут ощущаться реципиентами как наделенные символическими значениями величины, а значит в сознании носителей как конкретного языка, так и разных языков звуки обладают определенным смыслом.

Понимание психической природы корреляции звучания и значения в тесной связи с человеком говорящим (языковой личностью) привело к выделению в рамках психолингвистики особого раздела — фоносемантики, занимающегося изучением соотношения в языковом сознании звука и смысла и его экспликации в языке и речевой деятельности его носителей.

Основные положения теории фонетического значения были сформулированы А. П. Журавлевым (Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974). Помимо общепринятых лексического и грамматического значений ученый обосновал необходимость выделения фонетического значения, под которым понимается содержательность формы языкового знака. Фонетическое значение принципиально отличается от других видов значения своим расплывчатым характером и тем, что оно не осознается в полной мере носителями языка. Его другая важная особенность состоит в отсутствии денотата, что обуславливает невозможность охарактеризовать фонетическое значение путем указания денотата. Единственно возможный путь описания звуковой символики — перечисление оценочных признаков, причем важны реакции не одного отдельного носителя языка, а многих реципиентов, поскольку фонетическое значение — это ассоциации или впечатления, с которыми связан тот или иной звук в сознании говорящих на данном языке.

В основе фонетического значения и шире звукоизобразительности лежит механизм синестемии, представляющий собой присущие перцептивной деятельности человека различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей и между ощущениями и эмоциями. Данный механизм, универсальный для говорящих на любом языке, обуславливает возможность перехода от чисто акустических характеристик стимула (высота, интенсивность), находящихся в прямой зависимости от акустико-артикуляционных параметров звука, к характеристикам другой модальности ощущений (например, размер, форма) или к более сложной модальности когнитивного и эмотивного опыта (например, оппозиция «хороший/плохой», «сильный/слабый»). Действием названного механизма определяется наличие в фонетическом значении разных языков универсальных черт.

Вместе с тем, фонетическое значение, в основе которого лежат ингерентные, потенциально присущие звуку характеристики, обуславливающие его способность символизировать то или иное значение, подвергается определенным изменениям под влиянием языкового опыта говорящего. Фонетическое значение испытывает на себе влияние фонологической и лексической систем конкретного языка, а потому имеет национально специфические характеристики. Следовательно, экспрессивные значения звуков — вторичный феномен, зависящий от чувствительности говорящих, и в связи с этим он субъективен и изменчив от культуры к культуре.

Фонетическое значение проявляется на разных уровнях: на уровне изолированных звуков, на уровне отдельных лексем, как звукоподражательных и звукоименных, так и незвукоизобразительных, а также на уровне текста или его фрагмента. При этом на любом уровне фонетическое значение остается сущностью восприятия экспрессивного качества звучащего события, результатом оценки и переработки звуковой субстанции языка воспринимающим сознанием.

© Братчикова Е. А., 2012

С. В. Буренкова

Омск, Россия, burenkova_anna@mail.ru

О взаимовлиянии языка и культуры народа (на материале русского языка)

Изучение любого языка неразрывно связано с познанием культуры его носителей. Исследование семантики языковых единиц, их смысловых отношений помогает получить доступ к концептам, отражающим культурные идеалы и нормы. В плане исследования русского национального характера, склада ума немалый интерес представляют описание концептов: «*правда*», «*истина*», «*дух*», «*душа*», «*грусть*», «*судьба*», «*тоска*», «*дружба*», «*свобода*» и др. Подвергая детальному анализу семантику подобных слов и привлекая данные истории, литературы, географии и др., ученые убедительно доказывают наличие определённых черт национального менталитета, например то, что русский характер склонен к *подчинению обстоятельствам, смирению, выжидательности, упованию на случай* («*тоска*», «*участь*», «*лихолетье*», «*мыкаться*»).

Принято считать, что русский ленив, бесхозяйственен, не отличается сильным влечением к порядку, соблюдению норм, тщательности, аккуратности и т. д. Как писал В. И. Даль, «русский крепок на трёх сваях: авось, небось, да как-нибудь». Подобные особенности жизнедеятельности ста-

новятся явными при сравнении культур. Так, возможно, конфессиональные отличия, существующие между католической и православной церковью, объясняют присущие немцам *стоицизм* и *самостоятельность*, характерные для русского народа *смирение*, *силу воли* и *искание совершенного добра*, определяют *обязательность труда* для немецкой нации и *избирательное отношение русских к трудовой деятельности*.

Особенности национального характера и менталитета, нормы и ценности культуры, специфика жизнедеятельности оказывают влияние на (речевое) поведение представителей той или иной культуры. Русское человека отличает, например, качество говорить обо всём, что его интересует, собеседником при этом может быть и незнакомый человек.

Учитывая сложность описания национального характера и менталитета, определенную приблизительность, субъективность лингвистических изысканий в этой области, необходимо подчеркнуть, что комплексное исследование характера и менталитета нации возможно с привлечением разных методов, в том числе и языковых.

© Буренкова С. В., 2012

И. В. Гендлер

Тюмень, Россия, otiumlatinum@yandex.ru

Специфика терминов фламенко

Понятие терминологии фламенко весьма условно, так как фламенкология, хотя она и изучается в университетах, не является академической наукой в привычном понимании. Несмотря на обилие словарей фламенко, у каждого педагога есть свои обозначения для каких-либо особенностей этого искусства. Термины фламенко можно разделить на две большие группы: предельно конкретные и образные обозначения.

К первым относятся понятия, характеризующие особенности техники: *tacón* (*каблу́к* — удар каблуком в танце), *pitos* (*щелчки пальцами*). Более сложные термины этой группы в своей семантике содержат смысл движения в танце: *llamada* (*вызов*), *ida* (*уход*).

Конкретный термин может быть синонимом образного: так, *tiñecas* (*запястья* — плавные движения кистью) могут называться и *floreo* (*переборы, изыски, украшения* — указание на функцию этого движения). Уникальный термин *corazón de la mano* (*сердце руки* — образное наименование середины ладони) сочетает в себе метафору и объяснение техники флорео, которое начинается именно с легкого и очень короткого движения середины ладони, напоминающего биение сердца.

Один из самых знаменитых терминов фламенко *cante jondo* (*глубокое пение*) также фактически объясняет сложную технику этого искусства, которое Федерико Гарсия Лорка назвал «таинственным отсветом первремен». Танец всегда должен сопровождаться *jaleos* — характерными выкриками одобрения и поощрения исполнителя. Семантика этого слова (*беспорядок, шум, толчея, базар, скандал, спор, ругань*) раскрывает не смысл этого действия — он противоположен — а эмоциональный накал происходящего. Наконец, самым важным, программным термином фламенко является *duende* (*черт, бес, домовый, гном, карлик, привидение, обаяние, гений*) — понятие, обозначающее состояние исполнителя фламенко, вдохновение, погруженность в танец.

Кредо человека фламенко выражено фразой: «*Мы не танцуем фламенко, мы его живем*». Источник образного богатства словаря фламенко — в жизненности этого искусства, которое раскрывается в реальных, понятных и емких определениях.

© Гендлер И. В., 2012

Е. И. Голованова

Челябинск, Россия, ligol@csu.ru

Феномен перекатегоризации в русской филологической терминологии

В области науки процессы перекатегоризации, т. е. перевода объекта мыслительной деятельности из одной категории в другую, широко представлены, поскольку в них реализуются возможности соприкосновения, взаимоперехода и развития ментальных объектов и категорий.

Отражение названных процессов в научной терминологии, в частности филологической, прежде всего связано с отглагольными существительными. Отглагольным именам свойственная широкая референция, благодаря чему они выступают экономным средством усложнения и развития научного знания.

В докладе содержится анализ самой продуктивной в научной терминологии модели «*процесс* → *результат процесса*», при которой динамический объект мысли переводится в категорию статических объектов. Возможно выделение взаимосвязанных групп лингвистических терминов, в семантике которых отражен процесс перекатегоризации: термины риторики и стилистики: *описание, повествование, рассуждение, объяснение; вступление; сравнение; имитация; воздействие; умолчание; суждение*; термины синтаксиса: *сочетание; сочинение, подчинение; примыкание, согласование, управление; дополнение, определение,*

связка; обращение; термины словообразования и теории номинации: усечение, заимствование, мотивация; термины ортологии; произношение, кодификация, редукция; термины лингводидактики: чтение, письмо, изложение, сочинение. Среди приведенных не только наименования, сохранившие в качестве терминологических значения, соотносимые с первичной категоризацией («процесс», «действие»), но и наименования, для которых процесс терминологизации совпал с процессом перекатегоризации (хотя первичное значение нетрудно восстановить).

Аналогичные примеры широко представлены в литературоведческой терминологии: *рассказ, завязка, развязка, загадка, действие, изображение, подражание, послание, посвящение* и т. п. В основе терминологических наименований, обозначающих различные объекты литературоведения (литературные и фольклорные жанры, элементы композиции и структуры произведения и др.), лежит операция перевода объекта из категории процессов в категорию предметов, что отражается в грамматических свойствах и контекстуальной сочетаемости соответствующих лексем.

На примере терминов *монтаж, импровизация, строфика, метрика, ритмика* рассмотрены явления регулярной многозначности в литературоведческой терминологии, проанализированы возможности упорядочения терминологических значений в словарях и уточнены дефиниции некоторых терминов.

© Голованова Е. И., 2012

Л. А. Каджая

Пермь, Россия, kadzhaya@psu.ru

Специализированный научный дискурс: гидрогеохимическое описание в русском и английском языках

Любое научное сообщество, являющееся социальным институтом, для решения определённой социально значимой задачи предоставляет своим исследователям «набор категорий, аналогов или прототипов, с помощью которых они могут воспринимать и изучать окружающий мир», то есть, по сути, предписывает некоторое множество «образцов деятельности, обусловленных функционально» (Макаров М. П. Основы теории дискурса. М., 2003).

Научное описание является институциональным, поскольку оно осуществляется в соответствии с нормами, выработанными специалистами в определённых областях знания.

В частности, гидрогеохимический дискурс также имеет некоторую структуру, определяемую исследовательской традицией в соответствующих научных дисциплинах. Эта структура может быть описана как определённая последовательность коммуникативно-познавательных действий. Состав этих действий охарактеризован в работах по методологии и методике гидрогеохимии.

Определённый «репертуар» познавательных-речевых действий гидрогеохимического описания определяет содержательно-смысловую организацию дискурса на русском, английском или каком-либо другом языке и является нормативной для каждого отдельного автора. Однако последовательность описания — нежёсткая, логика изложения допускает варианты.

Как в русском, так и в английском языке сложились репродуктивные речевые формы объективации осуществляемых познавательных действий (в результативном плане — смыслов). В каждом из рассмотренных случаев налицо коммуникативно целесообразная организация языковых и речевых средств разных уровней.

Рассмотрение особенностей содержательной структуры гидрогеохимического описания и типичных речевых средств актуализации репродуктивных смыслов в русском и английском языке имеет практическое значение и может использоваться в практике обучения иностранных студентов и аспирантов-геологов переводу с русского языка на английский и наоборот.

© Каджая Л. А., 2012

И. Б. Копенкина, Е. Г. Скребова

Воронеж, Россия, dolgorukaja1@ Rambler.ru

Семантико-функциональное описание сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов (на материале немецкого и английского языков)

Семантико-функциональный подход, интенсивно развивающийся в последние годы, закономерно привлекает к себе внимание лингвистов. Отличительной характеристикой предложения в рамках данного подхода является его многоаспектность, сложная взаимосвязь формальных, структурных и семантических признаков, образующих «доминирующее начало» синтаксической конструкции и обеспечивающих ее качественно устойчивую определенность. Отличие сложноподчиненных предложений от других типов сложного предложения заключается в семантико-функ-

циональной зависимости конструктивных частей — простых предложений в их составе, каждое из которых содержит предметную ситуацию и конституирующую структурное единство компонентов предикацию.

В немецком и английском языках семантико-функциональная зависимость конструктивных частей сложного синтаксического целого развивается в двух направлениях: атрибуции и предикации. Это связано со структурными особенностями ситуации, фиксируемой в главной части, а также со способами репрезентации комплексной ситуации.

Синтаксические конструкции, в которых ситуация придаточной части определяет какой-либо компонент ситуации главной части, избираемый в качестве актуального, являются атрибутивными (или в традиционной терминологии — определительными).

Синтаксические конструкции, в которых ситуация придаточной части соотносится с ситуацией главной части в целом, являются обстоятельственными. В построениях, относящихся к этому типу, между ситуациями устанавливаются определенные отношения, формирующие в сознании говорящего представление о комплексной ситуации.

С учетом названных типов семантико-функциональной зависимости конструктивных частей различаются два класса немецких и английских сложноподчиненных предложений с пространственным соотношением компонентов, а именно определительные и обстоятельственные.

© Копенкина И. Б., Скребова Е. Г., 2012

С. М. Кравцов

Ростов-на-Дону, Россия, sergei_kravtsov@mail.ru

А. Ю. Пшеничная

Ростов-на-Дону, Россия, psalina@yandex.ru

Конверсия в словообразовании в сопоставлении с омонимией (на материале русского и французского языков)

Пониманием конверсии мотивированное слово, образованное посредством её, и мотивирующее его слово характеризуются идентичностью плана выражения. Одна и та же материальная последовательность, соответствующая лексемам разных частей речи, создаёт некое подобие омонимии форм, при которой, как и при конверсии, наблюдается звуковое и графическое совпадение различных языковых единиц. Общность форм производящего и производного, образованного способом конверсии, а также слов, находящихся в отношениях омонимии, — причина близости данных явлений и сложности их различения.

Проблема разграничения этих понятий обуславливается, в частности, отсутствием единства у учёных в понимании омонимии.

В одних источниках, омонимы трактуются как слова, не имеющие общих сем, и отграничиваются от слов, связанных отношениями конверсии (Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002), в других — как слова, разные по значению (Lopatnikova N. N., Movchovitch N. A.. *Lexicologie du français moderne*. М., 2001).

С целью более качественного сопоставления конверсии с омонимией необходимо также рассмотреть причины возникновения в языке лексических омонимов. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» выделяются четыре источника лексической омонимии.

Сопоставление конверсии с омонимией является актуальным, ибо ввиду идентичности форм лексических омонимов и слов, связанных отношениями конверсии, данные понятия не всегда разграничиваются лингвистами.

© Кравцов С. М., Пиеничная А. Ю., 2012

В. А. Лазарев, Л. М. Михайлова

Ростов-на-Дону, Россия, diara21@mail.ru

Теория прототипов в процессе категоризации

Большинство высказываний выражают какое-либо событие в широком понимании этого слова, следовательно, формирование смысла высказывания связано с категоризацией данного события. Чтобы передать слушающему такое содержание, которое будет достаточным для понимания ситуации, говорящий, прежде всего, должен интерпретировать выражаемое событие как проявление некоторой категории (действие, состояние, отношение) и отразить это в соответствующей категоризации используемых языковых средств.

Категоризация обладает конкретными понятийными и процессуальными характеристиками. Это, с одной стороны, картотека категорий объектов и явлений, с другой стороны, сам процесс категоризации, то есть соотнесение тех или иных объектов с конкретной категорией и присвоение им соответствующих названий.

Категоризация объектов совершается эмпирически и вербально — при помощи языковых средств. Данное положение следует из тесной взаимосвязи языка и мышления. Категоризация реальных объектов мира отражается в соответствующей категоризации выражающих их семиотических единиц. Отсюда следует, что экстериоризация информации, или переход от мысли к слову, происходит посредством категоризации.

Подход к теории прототипов базируется на предположении, что человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения — восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой.

В целом, категоризация может базироваться на трех основных принципах: *актуализация* (реализация исходного системного значения), *перекатегоризация* (изменение его исходного значения) и *поликатегоризация* (одновременная реализация значений нескольких категорий). Актуализация предполагает реализацию прототипических характеристик той категории, к которой та или иная языковая единица относится на системном уровне, перекатегоризация — реализацию прототипических характеристик другой категории, поликатегоризация — одновременную реализацию прототипических характеристик нескольких категорий.

© Лазарев В. А., Михайлова Л. М., 2012

Е. В. Ларцева

Екатеринбург, Россия, ekalarceva@yandex.ru

Современный статус американского варианта английского языка и перспективы его развития

Во второй половине XX века английский язык приобрел статус глобального. Результатом исторического развития английского языка в мире стало появление различных национальных вариантов, среди которых важное место занимает американский вариант английского языка. Целью нашей статьи является изучение современного статуса американского варианта английского языка и рассмотрение различных подходов зарубежных лингвистов к определению вероятных перспектив его развития.

В 1985 году Б. Качру предложил модель распространения английского языка в мире в виде трех концентрических кругов, указывающих на пути проникновения языка в те или иные страны, а также на его статус в данной стране.

Принимая во внимание данную теорию, можно констатировать, что в настоящее время американский вариант английского языка оказывает влияние на всех уровнях, представленных в указанной схеме. Наиболее ярким примером лингвистического влияния США на страны внутреннего круга сегодня является влияние американского английского на британский вариант английского языка — проблема, которая интенсивно обсуждается не только в работах зарубежных ученых, но также в

сети Интернет и прессе. Данное влияние проявляется на всех уровнях языковой системы: в орфографии, лексике, фонетике, грамматике.

Показательным примером влияния американского английского и американской культуры в странах внешнего круга является лингвистическая ситуация в Камеруне.

Влияние американского варианта английского языка в странах расширяющегося круга обусловлено главным образом широким распространением и популярностью американской музыки, кино, литературы, телепередач, Интернет-сайтов в мире.

Американский вариант английского языка оказывает влияние и на другие языки.

Можно констатировать, что существуют различные подходы к определению перспектив развития американского английского (Э. А. Анчимб, Д. Кристал, М. Дью и Дж. Дженкинс, Д. Грэддол).

© Ларцева Е. В., 2012

О. В. Лукин

Ярославль, Россия, oloukine@mail.ru

Об эклектичности теории частей речи

Основная проблема современной теории частей речи — ее непревзойденная эклектичность. Смешение разнообразных взглядов и воззрений сопровождало эту теорию на всем пути ее становления и развития.

У истоков теории частей речи, как принято считать, стоял Аристотель Стагирит. Категории Аристотеля, выведенные из особенностей строения его родного языка, в истории языкознания оказались принципом описания всех других языков. Во времена Платона или Аристотеля были заложены философские и логические основы, приведшие к появлению теории частей речи.

Стоики придали платоновским и аристотелевским идеям совершенно иной поворот, хотя, на первый взгляд, они и углубили теорию частей речи, добавив в ее номенклатуру несколько новых членов. Александрийские филологи подошли к частям речи с иных позиций, нежели Платон и Аристотель или стоики, но именно они выделили и описали те части речи, которые известны сейчас каждому школьнику. Наслоение взглядов стоиков и александрийцев на идеи Платона и Аристотеля привнесло в теорию частей речи действительно много нового, отличного от ее истинных первоисточков.

Эклектичность частеречной теории проявляется в разных исходных положениях отдельных исследователей, в разных критериях оценок,

«точках отсчета» при характеристике всей системы, каждой части речи, каждого из критериев выделения и всех критериев в их взаимосвязи.

Эклектичность теории частей речи остается и, по всей очевидности, будет оставаться ее характерным свойством: развиваясь от философских и логических, онтологических, эпистемологических через риторические и филологические к собственно лингвистическим (как правило и в первую очередь, грамматическим и лексическим) аспектам, теория частей речи охватывает как собственно лингвистические, так и когнитивные, психологические, психо- и нейролингвистические явления, связанные с человеческой способностью говорить, с разнообразными аспектами языковой системы и речевой деятельности человека.

© Лукин О. В., 2012

М. В. Лукичева

Екатеринбург, Россия, lukicheva56@yandex.ru

Ономасиологические модели названий лиц по профессии

Названия лиц по профессии — это первичные номинации, т. к. создаются для понятий, не имеющих названия. Имя профессии содержит «метку», способствующую появлению в сознании человека представления о профессии — сигнальная функция, наряду с которой выполняются информационная, селективная и статусная функции. По возможности, имя профессии отражает представление о ней, близкое к реальности. Имя вызывает в сознании человека ассоциации и стимулы. При этом релевантны как понятийно-когнитивные аспекты (денотат), так и эмоциональная оценка представления (коннотат). Селективная функция позволяет исключить не приемлемые для конкретного лица профессии, а статусная проявляется в возможности самопрезентации человека в социальном пространстве, фиксирует отношение общества к носителю той или иной профессиональной роли: так, переименование профессий *Informationselektroniker* и *Zahnarzhelferin* в *zahnmedizinische Fachangestellte* и *Radio- und Fernsehtechniker* повысило их социальный статус.

Реалистичность и привлекательность имени профессии зависит от выбора номинативных признаков (ономасиологический критерий). Номинативные механизмы формирования названий профессий поддаются типологизации. 1-ю группу образуют профессии, названия которых указывают на действие, выполняемое лицом (модель «Действие — агенс»): *Lehrer*, *Verkäufer*. Наиболее активна 2-я ономасиологическая макромодель: «Объект — агенс. Ее разновидности: а) «Изготавливаемый предмет —

агенса»: *Maurer, Bandagist* (иногда профессии названы лишь по одному из изготавливаемых предметов: *Tischler, Täschner*); б) «Обрабатываемый материал — (действие) — агенса»: *Pelzveredler*; в) «Действие — предмет изготовления — агенса»: *Straßenbauer* (частотные компоненты *-macher, -hersteller, -bauer*); г) «Научная деятельность — агенса»: *Antropologe*; д) «Объект ухода — агенса»: *Kälberpfleger*; е) «Предмет обслуживания — агенса»: *Anlagemechaniker* (частотные компоненты *-mechaniker* и *-monteur*). 3-я модель «Средство действия — агенса»: *Bildjournalist, Isolierfacharbeiter*. В единицах 4-й группы («Место действия — агенса») названы предприятия/сферы, в которых работает лицо: *Museumführer, Bürokaufmann*. Единицы 5-й группы («Дескриптант — агенса») объединяют дескриптивно-агентивные отношения ономазиологических базиса и признака: *Reiseverkehrskaufmann*.

© Лукичева М. В., 2012

Т. С. Нифанова

Северодвинск, Россия, nifanova@atnet.ru

Сопоставительное изучение способов выражения субъектно-объектных отношений, закрепленных в значении лексических единиц

В научной литературе восприятие человеком мира трактуется как активная деятельность субъекта по отражению объективной действительности. Окружающий мир может быть описан на разных уровнях, включая и языковой. Сопоставительный подход к данной проблеме позволяет обнаружить особенности выражения субъектно-объектных отношений, закрепленные в значении лексических единиц разных языков. К физическим параметрам объектов, имеющим для человека первостепенное значение, относят цвет.

Обследование цветообозначений английского и французского языков, характеризующих объекты 'воды' и 'облака', выявило ряд межъязыковых сходств: а) параметр 'цвет' закрепляется в значении денотативно связанных единиц обоих языков; б) цветовые характеристики фиксируются как во внутренней форме, так и в значении названий представителей водной флоры и фауны; в) оба языка включают желтый, белый, черный и красный цвета; г) в контекстах для описания моря используются оттенки синего и зеленого цветов; д) кроме морей цветовые характеристики получают реки, озера, бухты, каналы; е) при описании облаков используются белый и черный цвета.

Лишь в английском языке: а) цветовые характеристики водных объектов охватывают желто-красно-коричневые оттенки; б) характери-

ка водных источников ограничивается оттенками прилагательного *blue*; в) в контекстах колористика моря передается с помощью прилагательного *grey* или его оттенков; г) вместо цвета водных источников часто используются слова-интенсификаторы цвета; е) в контекстах цвет рек и озер сравнивается с блеском серебра или же уподобляется отраженному солнечному или лунному свету; ж) кроме белого и черного цветов, при описании облаков используется серый и голубоватый цвета. Во французском языке: а) цветовые характеристики морских существ концентрируются вокруг пастельных тонов; б) при описании рек и озер чаще используются цвета радужного спектра; в) в описаниях облаков в дополнение к белому и черному цветам используются черно-белый, серый, серо-белый, красный, рыжий, желтый, желтовато-белый как сметана цвета.

© Нифанова Т. С., 2012

Н. В. Плетнева

Екатеринбург, Россия, pletnevaalex@mail.ru

Семантические процессы в усечениях современного английского языка

Усечения представляют собой явление, заслуживающее особого внимания. Усечения являются лексическими единицами со своими структурными, семантическими и функциональными особенностями.

В семантическом плане усечения достаточно разнообразны. При образовании усечение так или иначе опирается на семантику полного слова.

Для анализа изменения значения усечений необходимо рассмотреть существующие в лингвистике классификации изменения значения.

До сих пор наиболее авторитетной является классификация, предложенная немецким лингвистом XIX века Германом Паулем.

Схема этой классификации следующая:

- I. Сужение значения.
- II. Расширение значения.
- III. Смещение (сдвиг или перенос значения).
- IV. Прочие типы.

Значение усечения и полного слова может совпадать, или же усечение может передавать только от одного из значений полного слова. Особый интерес представляет тот факт, что в ряде случаев, значение усечения отличается от значения исходного слова. При образовании усечения может происходить расширение или сужения значения, метафорический или метонимический перенос, а также изменение коннотаций усечения.

В процессе функционирования данные сокращенные единицы способны развивать собственную семантическую структуру, отличающуюся от значения полного слова, в результате чего возможна потеря семантической связи между усечением и полным словом.

Примечательно, что усечения часто являются омонимами как обычных слов, так и других усечений, что, во-первых, отражает распространенность усечений в английском языке, а, во-вторых, тот факт, что по структурным, семантическим и функциональным аспектам усечения приближаются к характеристикам обычных слов.

В результате детального семантического анализа 5 230 усечений современного английского языка мы пришли к определенным выводам.

Так, значение усечения и полного слова может совпадать (42,2% от общего числа проанализированных усечений). При этом усечение отличается от полного слова стилистической окраской, оно стилистически маркировано. Усечения такого типа даются в словаре со стилистическими пометами: colloquial (informal), slang, taboo, offensive, disapproving.

Также значение усечения может быть полностью тождественно одному из значений многозначного слова (31,8%). Соответственно сфера употребления такого усечения ограничена этим одним значением.

Заслуживающим особого внимания, оказался тот факт, что при образовании усечений возможны следующие изменения значения:

Сужение значения усечения (7,2%).

Расширение значения усечения (1,5%).

Метонимический перенос (4,9%).

Метафорический перенос (3,4%).

Ухудшение значения (4,5%).

Улучшение значения (1,5%).

Следует отдельно отметить те усечения, при изменении значения которых оно также может быть стилистически маркировано.

Важным представляется вывод о том, что усечения способны развивать собственную семантическую структуру. Образуюсь как однозначное слово, усечение со временем становится многозначным.

© Плетнева Н. В., 2012

Е. А. Постникова

Северодвинск, Россия, ekaterinanatolievna@gmail.com

Гендерные исследования в лингвистике

В современное лингвистическое описание включен термин «гендер», который определяет пол как социокультурный концепт, форми-

рующийся в рамках системы этнически обусловленных стереотипных представлений (Барышникова Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII—XX вв.): дисс... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004. — С. 4). Активно изучается проблема взаимосвязи языка и пола его носителей.

Лингвисты классифицируют гендерные исследования по разным аспектам и выделяют различное количество направлений. Большинство лингвистов указывают на социолингвистическое и лингвокультурологическое направления изучения гендера в языке; исследования гендера в области языка как системы противопоставляются исследованиям гендера в коммуникативном аспекте; как различные направления лингвистической гендерологии выделяются проблемы маскулинности и феминности. При этом феминистская лингвистика, основанная на идеях дискриминации женщин, подвергает критике язык за его ориентированность не на человека вообще, а на мужчину.

Характеризуя объект гендерных исследований, лингвисты отмечают большую разработанность гендерной составляющей европейских языков и малочисленность трудов по сопоставительной лингвокультурологии (Ожгихина Е. С. Концептуальный анализ рекламного текста с позиции гендера: дисс... канд. филол. наук. — Уфа, 2006. — С. 27).

Анализ публикаций показывает, что гендерные исследования проводятся на разнообразном материале: материале художественной литературы, языка средств массовой коммуникации и Интернет—коммуникации.

Обзор современных гендерных исследований в области лингвистики позволяет сделать вывод о том, что тематика гендера, феминности, реализации женских образов в языке является актуальной и перспективной для филологов.

© Постникова Е. А., 2012

О. Л. Соколова

Екатеринбург, Россия, olgalsokol@mail.ru

Субстантивация наречий в современном французском языке

Конверсия, или переход лексической единицы в другую лексикограмматическую категорию, не сопровождающийся изменением формы, традиционно считается одним из продуктивных способов словообразования во французском языке. Это обусловлено подвижностью границ

между лексико-грамматическими категориями и, во многих случаях, отсутствием морфологических показателей принадлежности лексических единиц к той или иной лексико-грамматической категории.

Наиболее частотны и достаточно подробно описаны конверсия между существительными и прилагательными, между прилагательными и наречиями. Как правило, такой переход становится возможным и частым по причине сходства значений, которые могут выражать лексические единицы, относящиеся к этим категориям: существительные, прилагательные и наречия могут называть качества, признаки, обладать субъективно-оценочным значением. Например: *le faux* — ложь, фальшь (существительное), *un fondement faux* — ложное основание (прилагательное), *chanter faux* — петь фальшиво (наречие).

Однако, в современном французском языке встречается субстантивация наречий, имеющих временное значение.

В предложении *Je crois à notre demain* наречие *завтра* становится существительным — оно является косвенным дополнением, сопровождается предлогом и притяжательным местоимением (прилагательным).

Parler de l'aujourd'hui malheureux наречие *сегодня* также становится существительным — оно выполняет функцию косвенного дополнения, ему предшествует определенный артикль и предлог, оно сопровождается прилагательным в форме мужского рода.

Tu es d'hier, de demain, de toujours. В этом предложении наречия *вчера, сегодня, всегда* сначала субстантивировались, а затем послужили основой для создания аналитического прилагательного по модели предлог+существительное.

Таким образом, некоторые наречия с темпоральным значением во французском языке могут приобретать признаки существительных: употребляться с предлогами, детерминативами, прилагательными и выполнять функции дополнения в предложении.

© Соколова О. Л., 2012

Н. Е. Сулименко

Санкт-Петербург, Россия, sulimenko2007@rambler.ru

Полиситуативность в её отношении к полидискурсивности

При всей близости этих понятий как лингвистических терминов между ними нельзя ставить знак равенства, и лучше всего их различие, как это часто бывает в лингвистике, выявляется при анализе **лексической структуры текста** как произведения речетворческого

процесса. Дело в том, что полидискурсивный текст может быть моно-ситуативен (ср., например, описание грозы в разностильных текстах), а полиситуативный текст — монодискурсивным (например, художественным). Стремление к целостному знанию в гуманитарной сфере побуждает учёных говорить о **сближении разных типов дискурсов**, например, собственно научного и создаваемого художниками слова. Проблема **дискурсивных практик** и обслуживающих их текстов «упирается» в необходимость **истолкования природы ситуации**.

Теория дискурса, как и теория вербального представления ситуации, отрицает упрощённое и редуцированное понимание языка как системы знаков, не отличающейся от других знаковых систем, и «помещает лингвистику в междисциплинарную науку — **человековедение**, — объектом которой является человек... в *человеческую* (выделено автором — Н. С.) систему языка вработаны социальность и когнитивность» (Ревзина О. Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка // Критика и семиотика. — Новосибирск, 2004. — Вып. 7). Если вслед за Н. Д. Арутюновой, понимать дискурс как «речь, погружённую в жизнь» (Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. — 1990), любое из оснований, связанных с **«жизненными» потребностями субъекта, его жизненным пространством**, результатами его деятельности, может служить отправным моментом для классификации типов дискурсов. Интегральные концепции языка и его единиц (Ю. С. Степанов, Ю. Д. Апресян, Е. С. Кубрякова, О. Г. Ревзина и др.) позволяют рассматривать дискурс и как системно-речевое, коммуникативное, и как лингвокультурологическое, когнитивное явление (Ван Дейк), как один из возможных миров со своим лексиконом и грамматикой, как «язык в языке» (Ю. С. Степанов), как «текст, погружённый в жизнь», во взаимодействии с экстралингвистическими факторами (Н. Д. Арутюнова), как результат процесса взаимодействия в определённом социокультурном пространстве (Н. Б. Вахтин, В. Головки).

© Сулименко Н. Е., 2012

В. В. Хренов

Екатеринбург, Россия, val-khrenov@yandex.ru

Вопрос о родственных связях турецкого и корейского языка в филологии Турции середины XX в.

Корейская война 1950—1953 гг. стала важным событием, которое обозначило начало истории многостороннего развития корейско-

турецких отношений: в этом вооруженном противостоянии КНДР и Республики Корея на стороне последней принимали участие воинские контингенты стран-членов ООН, в числе которых была и Турция.

В самой Турции вопрос о родстве турецкого и корейского языка был впервые затронут высшим партийным руководством страны в самом начале войны в Корее. В начале июля 1950 г., когда в национальном парламенте обсуждалась возможность отправки контингента на Корейский полуостров, генеральный секретарь Народно-Республиканской партии Касым Гюлек в интервью газете «Джумхуриет» обратил внимание на то, что некоторые слова, употребляемые в турецком языке, можно также встретить в корейском языке (Cumhuriyet. 5 Temmuz 1950)

Вскоре именно это высказывание К. Гюлека, равно как и тесный контакт солдат турецких бригад с корейским населением в зоне военных действий, способствовал появлению в турецкой филологии направления, связанного с установлением родственных связей турецкого и корейского языка.

Разработкой этого направления в Турции стал филолог Хасан Эрен. В результате своего исследования он пришел к выводу, что связующим звеном между турецким и корейским является китайский язык, элементы которого проникли в них в I тысячелетии н. э. через кочевые тюркские племена, мигрировавшие впоследствии на запад; большая же часть китайской лексики попала в корейский язык на протяжении более длительного контакта Китая и корейских государств (Hasan Eren. Kore diliyle Türk dili arasında akrabalık var mıydı, 1952).

В подтверждение данной теории приведем лишь некоторые из примеров выявленных нами в результате изучения этих языков: «вода» (кит. Shou; кор. Su; тур. Su.), «окно, стекло» (кит. chuang; кор. chang; тур. Cam [dzham]). Ряд слов имеет схожую этимологию, но различные значения (Например, тур. Subay (офицер) образовано от кит. Shoubai, где Shou (рука, руководить) и bai (сотня); кор. Subek).

© Хренов В. В., 2012

О. А. Хрущева

Оренбург, Россия, hrox@mail.ru

Бленд-культурема: понятие, сущность, особенности

Лексический состав языка — слова и словосочетания — являются отражением национальной культуры во всем ее многообразии и формируют языковую картину мира, определяющую восприятие всей окру-

жающей носителя языка действительности. Наряду с вышеназванными языковыми единицами, бленды также являются средством передачи специфической национально-культурной информации. В то время как пословицы и поговорки выражают многовековую мудрость народа и берегают его традиции, а идиомы и фразеологические обороты репрезентируют менталитет нации, в блендах коррелятами зачастую выступают лексемы, представляющие собой определенную социальную значимость на конкретном этапе развития общества, что делает их в равной мере культурно мотивированными.

Культурно обусловленные бленды, интерпретация которых осуществляется на основе общих и ситуативных фоновых знаний, иначе могут быть названы блендами-культуремами.

Бленды-культуремы могут быть образованы на основе пословиц, прецедентных высказываний, имен и названий: *Thyme Square* < *thyme* + *Time Square* — название ресторана.

В основу культурно-мотивированного бленда может быть положено устойчивое выражение, распространенное среди носителей языка. К примеру, бленд *thick and tired*, образованный от прилагательного *thick* — толстый и устойчивого словосочетания *sick and tired* — сытый по горло, является шуткой о людях, активно пытающихся избавиться от лишнего веса.

Очевидно, что при восприятии блендов-культурем, функционирующих в чужой культуре, возникают существенные трудности в связи с недостаточным уровнем лингвистических и экстралингвистических знаний реципиента. Однако ряд культурно-мотивированных блендов может быть отнесен к общему лингвокультурологическому фонду, что способствует адекватному восприятию и осмыслению значения подобных единиц. Примером такого универсального бленда-культуремы может служить название книжного магазина *Moby Dickens*, так как составляющие его корреляты известны каждому образованному человеку.

© Хрущева О. А., 2012

А. В. Чайкисова

Иркутск, Россия, anncher@rambler.ru

Модальность как языковая категория: традиционное и новое

Категория модальности была и остается одной из самых сложных и одновременно привлекающих внимание исследователей проблем в

лингвистике. Истоки данной категории восходят к философии и модальной логике. Логико-философские концепции модальности оказали значительное влияние на ее лингвистическую трактовку, среди которых следует упомянуть размышления Аристотеля о понятиях необходимости и возможности, рассмотрение И. Кантом трех видов суждений: проблематических, ассерторических и аподиктических и, соответственно, трех категорий: Возможности, Действительности и Необходимости, выделение финским философом Г. Х. фон Вригтом эпистемической и деонтической модальности. Несмотря на существующий параллелизм исследований модальности в логике и лингвистике, в целом цели и задачи логики и лингвистики расходятся. В логике не рассматривается говорящий, а в современных лингвистических исследованиях говорящий находится в центре внимания. В лингвистике модальность изучалась в рамках различных направлений: в концепции модусно-диктумного членения предложения Ш. Балли, которая переключается с идеями Ч. Филлмора, выделяющего в предложении пропозицию и модальность, а также с концепцией В. В. Виноградова, который указывал на синтаксический характер модальности; с позиций функционально-семантического подхода и др. В рамках интенсивно развивающегося в настоящее время когнитивного подхода к анализу языковых явлений актуальными становятся когнитивные исследования проблем модальности. Предпринимаются попытки найти когнитивное обоснование того, почему одни и те же языковые средства могут использоваться для выражения разных модальных значений. И. Свитсер объясняет это метафорическим переносом от физического мира к миру более абстрактному (Sweetser, E. From etymology to pragmatics. Cambridge, 1990). Работа И. Свитсер основана на теории Л. Талми, согласно которой существует когнитивно-семантическая категория динамики сил, обобщающая традиционные языковые категории, в том числе и модальность (Talmy, L. Force dynamics in language and cognition Cambridge, 2000). Интересен подход Я. Ньютса, который считает, что квалификационные категории, в том числе и модальность, являются основными понятиями в человеческой концептуализации и составляют центральные измерения нашей концептуальной системы для хранения и обработки знаний о мире (Nuyts, J. Epistemic modality, language and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2001).

© Чайкисова А. В., 2012

С. А. Чугунова

Брянск, Россия, chuginovasvetal@rambler.ru

Корпореальная основа культурно-специфичных концептов времени

В настоящее время в когнитивной науке все больше утверждается «корпореальный поворот», «поворот к телу». Восстановление роли тела как базы для языковой коммуникации «меняет систему представлений об означивании, требуя выхода за пределы принятой «по уговору» системы значений как конечной области реализации процессов перевода знаков» (Залевская А. А. Некоторые особенности естественного семиозиса. Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь, 2004. С. 50).

Особенность темпоральной лексики состоит в том, что зачастую она не является собственно темпоральной. Согласно теории концептуальной метафоры, думать и говорить о времени, которое прямо не воспринимается, можно благодаря концептуальной проекции (Lakoff G. & Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 1980). Время является продуктом вторичной концептуализации пространственных, построенных на чувственном опыте, концептов. Однако с позиции феноменологического подхода, темпоральный опыт — это реальный чувственный опыт и может быть прослежен до когнитивных процессов и структур. В некотором смысле феноменологический подход оказывается близким теории концептуальной метонимии (Barcelona A. *Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update. Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Mouton de Gruyter, 2002). Концепты времени и пространства входят в более общий домен движущегося тела человека (Чугунова С. А. *Концептуализация времени в разных культурах: Дис... докт. филол. наук*. Тверь, 2009).

В структурировании концептуального домена времени и темпоральных концептов огромное значение приобретают корпореальные отношения по осям «впереди-позади» и «верх-низ». При этом темпоральные события/времена (прошлое и будущее) оказываются впереди или позади субъекта, выше или ниже него; настоящее ассоциируется с самим наблюдателем. Корпореальная ось «лево-право», как правило, игнорируются в исследованиях концептуализации времени. Однако эксперименты с носителями разных языков (в том числе собственные с носителями русского языка) демонстрируют автоматическую активизацию этой оси в когнитивном пространстве индивида в процессе переработки темпоральных концептов: ПРОШЛОЕ есть ЛЕВО, БУДУЩЕЕ есть ПРАВО.

© Чугунова С. А., 2012

Отношения синонимии в сфере аббревиации

В современном языкознании сложилась определенная традиция описания аббревиатур как результата компрессивного словообразования. Предметом описания, как правило, являются структурные особенности аббревиатур разных типов. В последнее время появляются работы, посвященные функционированию аббревиатур в речи, анализу семантических процессов в сфере аббревиации. Внимание исследователей привлекают вопросы формирования многозначности, разграничения полисемии и омонимии инициальных аббревиатур. Не менее интересным является вопрос о синонимических отношениях в сфере аббревиации.

И. С. Улуханов, выявляя типологию отношений между мотивированными и немотивированными синонимами, входящими в один синонимический ряд, разграничивает отношения однокоренных синонимов и разнокоренных синонимов.

Оба типа синонимии представлены и в сфере аббревиации. Однокоренные синонимы выделяются в пределах одного словообразовательного гнезда. В синонимические отношения вступают аббревиатуры и некоторые их производные: *БК* (бытовой компьютер) — *БКшка*, *БМП* (боевая машина пехоты) — *БМПшка*, *CD* — *CDшка*, *DVD* — *дивидишка*. К синонимам такого типа можно отнести и соотносительные пары типа *РАФ* — *рафик*, *ГАЗ* — *газик*, *УАЗ* — *уазик* и т. п., обозначающие автомобили марки РАФ, ГАЗ или УАЗ, произведенные на соответствующем предприятии. Большую группу однокоренных синонимов составляют словообразовательные синонимы (кодериваты), формирующие словообразовательные категории, например, СК имен существительных со значением лица (*МЧСовец* / *эмчэсовец* — *МЧСник* / *эмчэсник*; *кавээновец* — *кавээнник*; *ДПНИст* / *дпнист* — *ДПНИшник* / *дпнишник*), СК относительных имен прилагательных, мотивированных именами существительными (*кавээновский* — *кавээнный*, *пиаровский* — *пиарный*, *вузовский* — *вузный*).

Для сферы аббревиации характерна и разнокоренная синонимия, когда в синонимические отношения вступают разные аббревиатуры, относящиеся к одному денотату: *ЕР* (*ЕдРо*) — *ПЖВ* (*ПЖиВ*).

Несомненно, что синонимические отношения в сфере аббревиации нуждаются в специальном изучении и описании.

Сопоставительная лингвистика, фразеология и переводоведение

М. Л. Алексеева

Екатеринбург, Россия, maria. alekseyeva@gmail.com

Техника передачи безэквивалентной лексики в середине XX в.

Во второй половине XX в. возникло и начало бурно развиваться переводоведение как самостоятельная дисциплина. Начиная с 50-х гг. XX в. большинство крупных отечественных и зарубежных ученых в своих работах в той или иной степени уделяли внимание проблеме трансляции безэквивалентной лексики, предлагая перечень наиболее вероятных возможностей их передачи. В докладе анализируются классификации, представленные в работах Я. И. Рецкера 1950, Г. Ю. Балля 1952, Г. В. Шаткова 1952, Г. В. Чернова 1958, В. Н. Комиссарова, Я. И. Рецкера, В. И. Тархова, 1960, R. W. Jumpelt 1961, В. Г. Гака 1962, O. Kade 1964; I. Levy 1969.

Для наименования переводческих операций в этот период развития переводческой мысли использовались термины способ, прием и техника перевода. Они выявлялись путем сопоставительного анализа оригинала и перевода, как правило, на основе конкретной языковой пары и типа текстов. Такое деление основывалось на наличии между языками черт семантического и структурного сходства, так называемых языковых параллелей (Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М., 2003). Поэтому авторы указывали отдельные приемы из каждого типа переводческих операций.

Исходная проблема и способы ее решения характеризовались не лингвистическими категориями, а понятиями, которые максимально просто и однозначно фиксируют цель поиска — подходящий эквивалент (Schmidt Н. Приемы перевода как средство развития переводческой компетентности // *Fremdsprachen*. 1990. № 1). Приемы перевода рассматривались как универсальные способы создания эквивалента в тексте перевода.

Все вышеперечисленные работы внесли существенный вклад в становление самостоятельной науки о переводе и до сегодняшнего дня не потеряли своего теоретического значения. Однако большинство переводоведов трактовало данную проблему довольно широко:

описывались приемы передачи слов, не имеющих непосредственных лексических соответствий, т. е. весь слой безэквивалентной лексики, который неоднороден в своем составе, а каждая группа безэквивалентной лексики требует особого подхода при переводе.

© Алексеева М. Л., 2012

И. С. Берчатова

Екатеринбург, Россия, berchatova.inna@gmail.com

Способы передачи английских аббревиатур, используемых в виртуальном общении, на русский язык

В настоящее время аббревиация стала одним из самых распространенных способов создания номинативных единиц. Подобное явление наблюдается почти во всех странах, национальных языках и обнаруживает как сходство, так и различие в путях развития.

Вслед за И. В. Арнольд под термином «аббревиатура» мы понимаем «сокращенные лексические единицы, образованные сложением начальных букв словосочетания или предложения» (Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М., 1990).

Аббревиатуры английского языка, использующиеся в виртуальном общении, передаются на русский язык: транскрипцией исходных единиц — *АФЭЙК (AFAIK— As Far As I Know)*, *АСЭП (ASAP— As Soon As Possible)*; транслитерацией — *ИМХО (IMHO— In My Humble Opinion)*, *ЛОЛ (LOL— Laughing Out Loud)*, *АФАЙК (AFAIK)*, *БТВ (BTW— By The Way)*, *АСАП (ASAP)*, *ГФ (GF— Girlfriend)*, *БФ (BF— Boyfriend)*; заимствованием иностранного сокращения (то есть передача исходного сокращения латинскими буквами) — *LOL, AFAIK, IMHO*; калькированием — *ПМСМ (По Моему Скромному Мнению)*, *ЧаВО (Часто Задаваемые Вопросы)*; эквивалентами — *ржунимагу, хохочу во всю глотку, НеПНИ (Не Претендую На Истину)*; транскрипцией сокращения с подгонкой коррелята в заимствующем языке (то есть перевод транскрибированного варианта исходного английского сокращения) — *ИМХО* (в значении — *Имею Мнение Хрен Оспорить*); англоязычным сокращением без переключения раскладки клавиатуры — *ЗЫ (PS— Post Scriptum)*.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, одно и то же англоязычное сокращение может функционировать в русском языке в нескольких видах, а значит, пере-

даваться двумя, а то и тремя разными способами. Во-вторых, самым продуктивным способом передачи английского сокращения на русский язык является транслитерация.

© Берчатова И. С., 2012

Е. М. Божко

Екатеринбург, Россия, ekaterina.bozhko@gmail.com

Переводческие ошибки в переводах художественной литературы

Проблемами ошибок перевода занимается теория переводческих несоответствий. Термин «переводческие ошибки» может пониматься как: отступление от нормативного требования эквивалентности (Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988); степень несоответствия оригиналу (Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. М., 1999); мера дезинформирующего воздействия на читателя (Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2001). В узком смысле ошибка может быть смысловой — буквализмом или вольностью (Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. М., 1999).

В. Н. Комиссаров делит переводческие ошибки на 2 группы: 1) связанные *со степенью отклонения от содержания текста оригинала*: а) полностью искажающие оригинал; б) неточности перевода; в) стилистические ошибки-шероховатости перевода; 2) нарушения *нормы и узуса языка перевода* (Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990). Л. К. Латышев классифицирует ошибки на *собственно переводческие* (в трансляции содержания) и *языковые* (в адаптации) (Латышев Л. К. Технология перевода. М., 2000]. А. Б. Шевнин связывает ошибки с переводческой компетенцией, необходимой переводчику для успешной профессиональной деятельности (Шевнин А. Б. Эрратология. Екатеринбург, 2003).

На современном этапе предлагается новая классификация переводческих ошибок. Д. М. Бузаджи делит переводческие ошибки на ошибки *предметной и понятийной логичности*. Первые связаны с неспособностью сопоставить смысл перевода с описываемой в оригинале действительностью, и подразделяются на: *общие* (погрешности против фоновых знаний читателя о мире вообще); *специальные* (погрешности против логики предметной области, описываемой в тексте); и *частные логические нарушения* (нарушения логики в рамках какого-либо отрезка текста). Второй тип ошибок характеризует перевод,

логически противоречивый в языковом плане (Бузаджи Д. М. Белые нитки. Логические аспекты перевода // URL: <http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>).

© Божко Е. М., 2012

Р. А. Воронин

Северодвинск, Россия, doctor.voronin2010@yandex.ru

Структурно-типологический метод изучения фразеологии

В изучении фразеологии особого внимания в силу своей универсальности заслуживает предложенный Д. О. Добровольским структурно-типологический метод, актуальность которого к 90-м г. г. XX века проявилась в том, что в лингвистике назрела необходимость включения фразеологии в типологические исследования, так как результаты изучения фразеологизмов разных языков до тех пор не подвергались широкому типологическому обобщению с целью выявления закономерностей, присущих этому уровню языка в целом.

Структурно-типологический анализ фразеологии можно определить как направление, рассматривающее внутреннюю организацию фразеологической системы различных языков в отвлечении от экстралингвистических и генетических факторов.

Структурно-типологический анализ фразеологии включает четыре этапа: 1) отбор языков, образующих типологический ряд; 2) выделение ведущего типологического признака, являющегося основанием типологического ряда; 3) формулировка базовой гипотезы; 4) анализ фразеологических систем избранных языков с целью проверки рабочей гипотезы (Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка, М., 1996, с. 34).

Инициатор рассматриваемого метода, Д. О. Добровольский, проводил сопоставление фразеологических систем немецкого, английского и нидерландского языков с рабочей гипотезой о прямой зависимости между аналитизмом языка и степенью регулярности его фразеологической системы.

Особо подчеркнем, что данная методология основывается на выявлении имплицативных зависимостей между спецификой организации различных элементов языковой структуры, идеи о которых были смело почерпнуты автором в трудах лингвистов типологической школы В. Д. Аракина, относящихся к началу 80-х г. г. XX века, и прежде всего в трудах Федуленковой Т. Н. (см., например: Федуленкова Т. Н.

Проблема общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков: на материале английского, немецкого и шведского языков. М., 1984, с. 70—175), что в настоящее время даёт исследователям возможность подключить фразеологические признаки к типологической модели того или иного языка.

© Воронин Р. А., 2012

Ю. А. Готлан, Л. П. Дронова

Томск, Россия, noll@xaker.ru

Исторические и генетические связи англ. clean

Англ. clean является основным средством выражения понятия «чистота» в английском языке.

Исторический анализ показал, что на протяжении всех периодов лексикографические источники отмечают в семантической структуре этого слова конкретные значения ‘без примеси и инородных веществ’ и переносные значения (‘морально чистый, целомудренный, невинный’, ‘благородный’, ‘верный’, ‘без ритуального осквернения или гигиенических загрязнений’, ‘остроумный, пронизательный, интеллектуальный’), где clean определяет явления этической и социальной сферы. Значение ‘блестящий, сверкающий’ можно рассматривать как производное от ‘чистый до блеска’, поскольку предмет, с которого удалены пятна и грязь, начищенный до блеска становится блестящим, ярким. Нечто чистое как не содержащее не только никаких примесей, но и не имеющее чего-либо значимого для субъекта выражается значением ‘пустой’. Производные от ‘без примеси и грязи’ значения конкретизируют исходное: ‘чистый’ по отношению к физическим действиям как ‘без лишних движений’ и поэтому ‘ловкий, проворный’, ‘без каких-либо отклонений во внешнем виде, фигуре’ ‘хорошо сложенный, стройный’, ‘без помех и препятствий’ как ‘открытый, свободный’, значение ‘совершенный, правильный’ выражает нормативную оценку. Отмеченное в 18 веке значение ‘не тусклый’ конкретизирует значение ‘без примеси и грязи’ по отношению к новой денотативной сфере — драгоценным камням, алмазам.

Внешняя реконструкция показала не столь однозначную картину в других западногерманских языках. Семантически более близкой англ. clean оказалась предполагаемая родственная лексика в кельтских языках. Привлечение данных генетически близкой лексики других индоевропейских языков позволяет сделать вывод о том, что значение

‘светлый, блестящий’ было исходным, а ‘чистый, без грязи и примеси’ — вторичным, производным.

Сходство в семантике англ. clean и его кельтских соответствий, а также тот факт истории, что предки англо-саксов (ингвеоны) расселились на континенте на территории, прежде занимаемой кельтами, позволяет предположить в данном случае германское заимствование из кельтских языков в германские в ранний период истории (до первого передвижения согласных).

© Готлан Ю. А., Дронова Л. П., 2012

В. В. Гузикова

Екатеринбург, Россия, V.Guzikova@el.ru

Лингвокультурологический анализ улиц Бирмингема, Генуи и Екатеринбурга

Развитие ономастической науки в настоящее время характеризуется освоением неразработанных областей онимического пространства, одной из которых в течение долгого времени оставалась урбанонимия. Современный этап развития общества способствует выдвиганию города на роль важнейшего центра современной человеческой культуры и как культурная реалья привлекает пристальное внимание представителей различных областей научного знания, включая историков, географов, культурологов, философов, лингвистов и др.

Изучение и систематизация урбанонимической лексики необходима для заполнения белых пятен, образующихся в результате недостаточного привлечения явления урбанонимии для характеристики онимического пространства каждого отдельно взятого языка. Повышенный интерес к городу как к культурной универсалии, влияющей на формирование современной урбанонимической культуры, определяет тему и осуществление сопоставительного исследования систем наименований внутригородских объектов в разных языках у разных народов. Изучение признаков, отличающих или объединяющих ономастические системы отдельных народов, представляет, прежде всего, культурологический интерес. Как известно, лингвистическая картина мира варьируется от языка к языку, следовательно, механизм языкового выражения на самом деле не может быть единым для всех языков.

Вербальный материал, описывающий пространственное восприятие города, соотносится с картиной мира, образуя один из фрагментов в языковой картине мира, но особое место среди языковых

средств означивания принадлежит собственным именам. Именной пласт любого города – это и его летопись (зачастую переписываемая в полном соответствии с привычками этого жанра) и действующая знаковая ‘форма’, помогающая связать фрагменты городского ландшафта.

Ономастическое пространство по-разному представлено в языковой картине мира русского, английского и итальянского социумов, описание и объяснение этой специфики представляется важным для развития культурологической лингвистики. Сравнительно-сопоставительный анализ современных названий внутригородских объектов г. Бирмингема, г. Генуи и г. Екатеринбурга позволит установить универсальные принципы функционирования системы урбанонимов во второй половине XX века, а также выявить этнокультурную специфику этого разряда собственных имен, обусловленную культурно-историческими различиями трех стран. Целью настоящей статьи является выявление сходств и различий в формировании и функционировании урбанонимических систем английского, итальянского и русского языков, в создании ими определенного фрагмента языковой картины мира.

Сравнение названий улиц Бирмингема, Генуи и Екатеринбурга позволяет говорить о наличии ряда сходств и различий в их системах названий. Топонимообразующие элементы, участвующие в формировании названий улиц Бирмингема, Генуи и Екатеринбурга, в целом отражают типологическое сходство внутригородских объектов, отличается лишь доля участия того или иного топонимообразующего элемента в топонимии каждого города. Специфическим является использование отдельных топонимообразующих элементов, характерных только или преимущественно для одного города. Сходство основ названий улиц, независимо развивающихся в разных городах, определяется общностью исходных категорий, на которые они опираются. Сопоставление принципов номинации позволяет сделать заключение о том, что названия улиц находятся в тесной зависимости от духа эпохи и соответствуют культурно-историческому и идейно-эстетическому контекстам общественной жизни человечества вообще, поэтому совпадения в принципах номинации также вполне закономерны. Во всех трех городах интерпретация пространственных объектов идет не только по линии их практической ценности, но также и через призму действующей религии, идеологии, эстетики, морали, моды.

© Гузикова В. В., 2012

Е. В. Доброниченко

Волгоград, Россия, evd-dobro@yandex.ru

Семантика свадьбы как ритуала в русской, немецкой и английской лингвокультурах

Ритуализация общения направлена на развлечение адресанта при достижении желаемого результата и на развлечение адресата, участвующего в театрализованном ритуале. Вслед за В. И. Карасиком, к важнейшим признакам ритуальной коммуникации мы относим высокую символическую нагруженность, содержательную рекурсивность и жесткую формальную фиксацию. Тот факт, что практически все атрибуты ритуального действия (предметы, цвета, пища и т. д.) маркируются повышенной семиотической нагруженностью, подтверждает значимость символической функции ритуала. Социокультурное значение ритуала ярко проявляется в современном мире благодаря процессам глобализации, приводящим к обогащению культуры новыми ценностями и мировоззренческими смыслами. Наименования свадебного ритуала в русской, немецкой и английской лингвокультурах характеризуются соответственно разными признаками: «породнение, взятие себе мужа/жены», «высокий праздник» и «торжественное обещание». Однако различия в первосмыслах в процессе исторического развития компенсируются общностью этнокультурных поведенческих программ и тождественностью семантических признаков. Поэтому современные лексикографические интерпретации слов **свадьба**, *Hochzeit* и *wedding* оказываются близки, хотя отмечаются и некоторые различия: свадьба — 1. *Брачный обряд. 2. Празднество по случаю вступления в брак. 3. собир. Люди, присутствующие на празднестве заключения брака (Толковый словарь Ушакова)*; **Hochzeit** — 1. *mit der Eheschließung verbundenes Fest, verbundene Feier. 2. (Druckersprache) doppelt gesetztes Wort oder Zeile (Duden — Deutsches Universalwörterbuch)*; **wedding** — *a marriage ceremony and the meal or party that usually follows it (Oxford Advanced Learner's Dictionary)*. В докладе предлагаются результаты семантического исследования паремического фонда, а также пословиц и поговорок, встречающихся в современных СМИ, в виде основных представлений в сознании современных носителей русского, немецкого и английского языков для установления сходства и различия в восприятии свадебного ритуала представителями различных лингвокультур. Универсальный для всех лингвокультур свадебный ритуал реализует в своей семантике следы менталитета определенного народа, выявление которых важно для эффективности межкультурной коммуникации.

© Доброниченко Е. В., 2012

Ю. В. Драгой

п. Октябрьский, Россия, julyadragoj@yandex.ru

**Виды метафорического переноса
значения в фразеологизмах, отражающих
психическую деятельность человека
(на материале английского и русского языков)**

Глобальное значение в фразеологизмах (ФЕ) формируется, как известно, на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания. Большая часть ФЕ в изучаемых языках базируется на метафоре (рус. 55,7%, англ. 58,4%). Анализируемые фразеологизмы и в русском и в английском языках представлены 9 группами метафорических ФЕ, которые основаны на следующих типах переноса:

1) перенос по сходству действия (или общего впечатления от действия): рус. плыть по течению, окинуть взглядом; англ. lick smb's boots; turn smth. in one's mind;

2) перенос по сходству признака: рус. ветряная мельница, беструнная балалайка; англ. a bad mixer, a lump of clay;

3) перенос по сходству положения: рус. смотреть со своей колокольни, быть под башмаком; англ. sit on a barrel of gun-powder, be on the high ropes;

4) перенос по сходству с физическим состоянием от пребывания в каком-либо месте: рус. не в своей тарелке; англ. be on the nettles;

5) перенос по сходству с конкретными физиологическими ощущениями состояния: рус. волосы на голове поднимаются, сердце падает; англ. one's heart sank into one's boots;

6) перенос по сходству с поведением животного: рус. извиваться ужом; англ. to play possum;

7) перенос по внешнему сходству: рус. туча тучей, мыльный пузырь; англ. boiled (stuffed) shirt, a straight arrow;

8) перенос по сходству от внешнего воздействия: рус. мурашки по спине; англ. send a (cold) shiver down smb's back (spine);

9) перенос по сходству с результатами и интенсивностью протекания физических явлений: рус. камень с души; англ. lift a load from smb's mind.

Наиболее частотным типом метафорического переноса в обоих языках является перенос по сходству действия (рус. 71,1%, англ. 69,8%). Менее частотным оказывается перенос по сходству признака (рус. 15,7%, англ. 16,2%).

© Драгой Ю. В., 2012

Китайские, японские, русские и английские фразеологические единицы со значением «абсурдные действия» как фрагмент дискурса повседневности

Отраженная во фразеологии повседневность — дискурс, наполненный культурно-языковыми значениями, описывающими реальность из будничных событий, данный дискурс воспринимается как нечто привычное и в достаточной мере устойчивое. При этом мы исходим из широкого понимания понятия дискурса как «языкового континуума» («речь» по Ф. де Соссюру), а «дискурс-анализ» трактуется нами, вслед за М. Л. Макаровым (Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003), как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социальной-культурной обусловленности». Мы исходим из широкого понимания фразеологии и включаем в ее рамки словосочетания и паремии.

Нами проанализированы 1000 ФЕ японского, китайского, русского и английского языков. Во всех анализируемых лингвокультурах обнаружены ФЕ, высмеивающие неадекватные меры, абсурдные действия. При этом народное сознание высвечивает тщетность выполняемых действий, их прагматическую необоснованность, несоразмерность потраченных усилий конечному результату, бессмысленность. Приведем несколько примеров.

Японский язык. *Nikai kara megusuri* — «глазные капли со второго раза» — мертвому припарка, бесполезное занятие. *Neko ni katsuobushi* — «кошке — рыбу» — доверить кошке рыбу стеречь. Бесполезное занятие. *Noren ni to udeoshi* — «борьба руками с занавесом» — тщетно, бесполезно, как об стенку горох. *Okujyo: oku o kasu* — «возводить дом на крыше» — приделывать пятое колесо. Бесполезное занятие. *Kaeru no tsura ni mizu* — «вода на морду лягушки» — как с гуся вода.

Китайский язык. *Bēi shuǐ chē xīn* — «пытаться затушить повозку с хворостом чашкой с водой» — неадекватные меры. *Huà bǐng chōng jī* — «утолять голод картинками с лепешками» — тешить себя несбывшимися надеждами, неадекватные меры. *Nán yuán běi zhé* — «ехать на юг по дороге на север» — действия, приведшие к противоречащему ожиданиям результату. *Xuē zú shì lǚ* — «обрезать ноги, чтобы подошла обувь» — подгонять под ошибочные схемы.

Русский язык. *Огород городить* — выполнить бесполезное дело. *Носить воду в решете* — выполнить бесполезное дело. *Лезть на рожон* — самовольно идти на заведомо провальное дело.

Английский язык. *To hold a candle to the sun* — заниматься ненужным делом, зря тратить силы. *Lock the barn door after the horse is stolen.* — После драки кулаками не машут. Запоздалые, неадекватные меры. *As a hen with one chick ((as busy, fussy, etc.) as a hen with one chick (like a hen with one chick (en)))* — суетиться, хлопотать по пустякам.

Полагаем, что наличие лексико-грамматической группы с общим значением «абсурдные действия» свидетельствует о родстве лингвокреативного мышления. Данный лингвистический феномен может служить поддержкой теории фразеологического сближения Э. М. Солодухо, согласно которой «фразеологическое кодирование отражаемой действительности в плане широты, избирательности ее охвата носит принципиально неограниченный, в значительной степени универсальный характер» (Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения. М., 2008). Теория Э. М. Солодухо построена на анализе близкородственных славянских, германских и романских языков, наше исследование позволяет продемонстрировать общность лингвистического мышления носителей неродственных языков (например, китайский-английский).

© Завьялова Н. А., 2012

Е. В. Загороднева

Липецк, Россия, katyazagorodneva@mail.ru

К вопросу о гендерной референции фразеологической единицы: интергендерная или метагендерная референция, терминологическое разграничение

Гендерная референция имеет разновидности: маскулинная референция, фемининная референция, метагендерная или интергендерная референция. С последними терминами существует некоторая сложность, поскольку разные авторы прибегают к обоим терминам. Так, И. В. Зыковой интергендерная референция понимается как отнесенность фразеологизма как к маскулинным, так и к фемининным понятиям, достигаемая за счет процесса нивелирования исходной гендерной референции ФЕ. Этот процесс обладает определенной динамикой развития, что обуславливает тяготение фразеологизма к андроцентричному или гинецентричному полюсу в тот или иной период его существования и функционирования в языке. Метагендерную референцию она трактует как окончательно сформировавшуюся отнесенность фразеологизмов (Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. — М.: Едиториал УРСС, 2003: 215). Однако мы не согласны с подобным разграничением типов референции на основании динамики либо статики. Приставка *ин-*

тер- (латин. яз.) ‘между’, ‘среди’, ‘взаимно’ хотя и имеет с приставкой *мета-* (греч. яз) общее значение ‘между’, однако последняя обозначает также ‘после’, ‘за’, ‘через’. Таким образом, при интергендерной референции референтами могут выступать как женщины, так и мужчины, либо номиниции объектов, образованные за счет гендерной метафоры, что обуславливает отнесенность ФЕ либо к сфере маскулинного, либо фемининного. При этом здесь не учитывается преферентное использование ФЕ по отношению к какому-либо полу, достаточно установления наличия разнополюх референтов. Одной из причин проявления интергендерной референции может быть флективность гендерного маркера. Метагендерная референция — это референция, выходящая на общечеловеческий уровень с неизменным стиранием гендерного маркера, то есть номинируемый объект или ситуация не относится ни к сфере маскулинного, ни к сфере фемининного. Подобный вид референции возникает при наивысшей степени абстрагирования, отвлечения от полоролевых стратификаций в обществе, при наивысшей степени нивелирования гендерного маркера.

© Загороднева Е. В., 2012

Я. П. Игнатович, Т. Н. Федуленкова

Архангельск, Россия, ignatovichjana@rambler.ru, fedulenkova@list.ru

Степени уровня абстракции частично переосмысленных фразеологизмов с глаголом *give*

Объектом семантического анализа являются английские фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом *give*, для которых характерно частично переосмысленное значение. В пределах рассматриваемых фразеологических единиц (всего около трехсот ФЕ) обнаружено 47,8% оборотов с частично переосмысленным значением компонентов. Посредством количественно-семантического анализа обнаруживаем два типа соотношения компонентов в составе изучаемых фразеологизмов с их прототипами: одни компоненты употребляются в своем буквальном значении, другие — в переосмысленном.

Для такого рода фразеологизмов, по А. В. Кунину (Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996), характерен средний уровень абстракции. Внутри данного вида фразеологической абстракции выделяем три ситуации:

а) когда один компонент фразеологизма употребляется в буквальном значении, а остальные компоненты являются переосмысленными и немотивированными, например: *to give chapter and verse for something* — *to produce evidence that it is correct or true*;

б) когда один компонент фразеологизма употребляется в буквальном значении, а другие — переосмыслены и мотивированы, например: *to give smth to the dogs* — *to give / throw smth away*; *to give a false colouring to smth* — *to describe it in a false way*; *to give smb the frozen mitt* — *to meet / treat a person in a cold way*;

в) когда одно слово во фразеологизме переосмыслено, а другие компоненты употребляются в буквальном значении, например: *to give smb his marching papers* — уволить с работы; *to give smb three guesses* — *give smb three chances to answer a riddle, to understand who, what or where smb is, before being rewarded or punished*.

Фразеологизмы перечисленных трех групп принадлежат к одному уровню абстракции, но характеризуются неодинаковой степенью абстракции. В оборотах с немотивированными компонентами (а) степень абстракции выше, затем идут фразеологизмы группы (б) с меньшей степенью абстракции и, наконец, самая низкая степень абстракции в группе (в) присуща фразеологическим единицам, в составе которых обнаруживается лишь один переосмысленный компонент.

© Игнатович Я. П., Федулёнкова Т. Н., 2012

Ю. А. Истратова

Екатеринбург, Россия, juliaistratova@list.ru

Французская поэтическая ономастика XX века

Исследование посвящено ономастике во французской поэзии XX в. Поэтическая ономастика рассматривается на материале поэтических текстов авторов-исполнителей собственных текстов (Брассенс, Брель, Генсбур). Цель исследования — показать общую перспективу функционирования ономастики во французских поэтических текстах и направления их исследования: а) место имен собственных в поэзии французских авторов-шансонье XX в.; б) типы используемых онимов; в) поэтическая функция ономастики.

Под онимом в этой работе мы понимаем слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации. Среди них различают антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы, астронимы, космонимы, теонимы и др., которые составляют различные разряды онимов (Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978). В поэтическом тексте оним приобретает собственную семантику, получает аллюзивные, или прецедентные, смыслы.

По результатам исследования делаются следующие выводы:

Собственные имена входят в систему языковых средств французских поэтов-шансонье XX в. Выбирая ономастический материал для построения своих текстов, поэт воплощает особую ономастическую картину мира. Описание особенностей использования онимов позволяет определить историко-культурный компонент индивидуальной системы поэтов, а через него — культурный фон французской поэзии второй половины XX в.

Ономастикон изучаемых поэтов-шансонье разнообразен. Он представлен несколькими классами онимов: а) наименования живых существ и их аналогов; б) наименования неодушевленных предметов; в) наименования комплексных объектов.

Собственные имена: а) обозначают и характеризуют лирического героя; б) отражают события; в) выражают мировоззрение, жизненную позицию поэта; в) становятся средством временной и пространственной ориентации; г) характеризуют особенности индивидуального авторского письма.

© Истратова Ю. А., 2012

З. В. Ключина

Павлодар, Казахстан, k-zoy@mail.ru

Проблемы перевода английских глагольных фразеологизмов с компонентом *make*

Изучение английских глагольных фразеологизмов с компонентом *make* показывает, что ФЕ, семантическая трансформация которых проходит на фоне метонимического переосмысления компонентного состава (Федуленкова Т. Н. Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск, 2000), демонстрируют прозрачность внутренней формы и универсальность образа и, следовательно, не вызывают особых трудностей при переводе на русский язык.

Анализируемый фразеологический материал включает и такие метонимические трансформации компонентного состава фразеологизмов с компонентом *make*, для которых не находится тождественных ФЕ в русском языке. В таких случаях внутренняя форма фразеологической единицы остается неясной для носителя русского языка, ввиду того, что эквивалентного фразеологического оборота в русском языке не имеется, например: *make head against something* (букв. делать голову против чего-либо) — успешно сопротивляться; подниматься, восставать против чего-либо; продвигаться вперед, несмотря на противодействие, например:

Для перевода на русский язык особую проблему представляют полисемантические фразеологизмы, которые составляют седьмую часть от всех глагольных ФЕ современного английского языка, имеющих в своем составе компонент *make*; 79% из них имеет два значения, 6 ФЕ являются трехзначными и 3 ФЕ имеют по четыре значения. Среди многозначных фразеологических единиц с глаголом *make* наиболее распространенными являются ФЕ, со структурой V + (d) + N, V + (d) + Adj + N и V + (d) + N + Prep + θ .

Нередко, как показывает опыт, при переводе полисемантических фразеологизмов на русский язык необходимо обратиться к анализу фразеологической конфигурации, включающей ФЕ и ее актуализатор (Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996). Если же такой анализ не дает достаточной информации для адекватного перевода той или иной фразеологической единицы, то целесообразно обратить внимание на более широкий контекст.

© Ключина З. В., 2012

О. В. Коннева

Россия, Казань, olgakpt@rambler.ru

Различные подходы к определению лакунарности

В научной литературе можно обнаружить разнообразные, термины, фиксирующие расхождения в языках и культурах в целом: от сугубо научных и точных (безэквивалентная лексика, случайные лакуны, этноэйдема), до менее четких — темные места, заусеницы и т. п. В зарубежной литературе известны попытки фиксации расхождений в языках и культурах с помощью термина «gar» (пробел). В отечественной науке расхождение или несовпадение в различных способах существования языков и культур, проявляющиеся при их сопоставлении, принято называть лакунами, они свидетельствуют об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой. Термин «лакуна» (лат. *lacuna* — пробел, пропуск, пустота) был впервые введен канадскими лингвистами Ж. Вине и Ж. Дарбельне, которые определяли лакуну как явление, которое имеет место тогда, когда у слова одного языка отсутствует соответствие в другом. Существует и более широкое понимание лакунарности, к которой относят не только лексические единицы, но и различающиеся в разных языках способы передачи грамматического значения. Для обозначения слов-реалий в переводе были введены такие понятия, как: — «безэквивалентная

лексика» — слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат (Г. В. Чернов, А. В. Федоров); — «экзотическая лексика» — лексические единицы, обозначающие географические и исторические реалии (А. Е. Супрун, Н. Б. Мечковская, И. С. Алексеева); — «пробелы» (лакуны) — ситуации, обычные для культуры одного народа, но не наблюдаемые в другой культуре (И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг); — «варваризмы» — слова, с помощью которых становится возможным описание чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта (А. А. Реформатский); — «этнокультурная лексика», «этнолексемы» — лексические единицы, характеризующие систему знаний о специфической культуре определенного народа как историко-этнической общности людей (Л. А. Шейман); — «алиенизмы» — слова из малоизвестных языков, подчеркивающие стилистическую функцию экзотизмов (В. П. Берков). Термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов, которые трактуют его по-разному: как синоним «реалии», несколько шире — как слова, отсутствующие в иной культуре и в ином языке.

© Коптева О. В., 2012

Е. М. Маклакова

Набережные Челны, Россия, maklakovaevgenya@mail.ru

Глагольные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках

Глагольные конструкции фразеологических единиц (ФЕ) привлекают внимание многих лингвистов. К глагольным фразеологическим единицам (ГФЕ) относим такие единицы, «стержневым компонентом которых является глагол» (Сакаева Л. Р. Изоморфизм и алломорфизм фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков) / Л. Р. Сакаева; фил. Казан. гос. ун-та. — Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2008. — с. 109). Многими исследователями различных языков (Е. Ф. Арсентьевой, Л. Р. Сакаевой, Т. А. Шепиловой, П. Г. Мусаевой) отмечается преобладание ГФЕ модели «V + N» («глагол + существительное»). Данная структура довольно широко представлена и во ФЕ с компонентом-зоонимом в английском, французском и русском языках. Расширения ГФЕ в виде определений, предлогов или местоимений не рассмат-

риваются в рамках данной статьи. В английском языке наибольшее количество ФЕ с компонентом-зоонимом модели «V + N» образовано с помощью глаголов «*play*» «вести себя как, изображать», «*see*» «видеть»: *play horse* «валять дурака; обращаться грубо, бесцеремонно», *play the ass* «валять дурака, глупо себя вести», *see the elephant* «амер. жарг. приобрести жизненный опыт, повидать свет; осматривать достопримечательности города», *see the lions* «смотреть достопримечательности» и др. С семантической точки зрения ГФЕ данного структурного типа в сочетании с глаголом «*play*» выражают преимущественно определенную линию поведения, с глаголом «*see*» — различные аспекты человеческого бытия. Во французском языке наибольшее количество ГФЕ с компонентом-зоонимом модели «V + N» мы наблюдаем с глаголами «*faire*» «представлять собою, быть», «*avoir*» «иметь», «*manger*» «кушать», «*prendre*» «взять, схватить, поймать», «*plumer*» «щипать, ощипывать»: *faire le zèbre* «валять дурака»; *avoir les mouches* «предаваться меланхолии, быть в мрачном настроении», *manger la grenouille* «растратить чужие деньги, влететь в трубу», *prendre la chèvre* «раздражаться, горячиться по пустякам», *plumer l'oison* «обобрать простофилю» и др. Этот тип оборотов с данными глагольными компонентами отражает сферы понятий, связанные преимущественно с физическим или психическим состоянием человека, а также с его действиями. В русском языке в зависимости от падежа существительного среди ГФЕ с компонентом-зоонимом можно выделить следующие группы объектно-постпозиционного и объектно-препозиционного типов: 1) группа с аккузативным управлением: *кормить воронье, выкормить змею; муху раздавить/давить, собак/голубей гонять*; 2) группа с творительным управлением: *извиваться ужом/змеей, заливаться соловьем; волком рыскать, лисой пройти* и др. Как показал анализ, ГФЕ русского языка с компонентом-зоонимом данной модели используют преимущественно глаголы «*смотреть/глядеть*», «*ходить/идти*», «*гонять*». Анализируемый материал трех языков позволяет выделить также группу ГФЕ с компонентом-зоонимом, в которых ведущий глагольный компонент имеет значение жестокого обращения с животным. Среди ГФЕ английского языка употребляются глаголы «*shoot*» «стрелять, застрелить», «*whip*» «хлестать, сечь», «*skin*» «сдирать, содрать кожу», «*beat*» «бить, колотить», например: *shoot the cat* «жарг. блевать», *beat the goose* «хлопать руками по бокам». В ГФЕ французского языка встречаются такие глаголы, как «*fouetter*» «хлестать, стегать, сечь», «*brûler*» «сжигать», «*écorcher*» «сдирать

кожу», «*piquer*» «колоть», «*étrangler*» «удавить», «*étouffer*» «задушить», «*noyer*» «утопить, потоплять», например: *fouetter le renard* «вонять», *étrangler / étouffer un perroquet / pierrot* «выпить рюмку абсента». Русские ГФЕ включают в свой состав глаголы *забить* / *забивать*, *убить*, *драть*, *зашибить*, *придавить*, *давить*, *заморить*, например: *зашибить дрозда* «выпить», *убить бобра* «просчитаться». Наиболее употребительными зоонимами ГФЕ модели «V + N» («глагол + зооним») являются компоненты «*cat*» («кошка») и «*bull*» («бык») в английском языке; «*chien*» («собака»), «*renard*» («лиса»), «*lapin*» («кролик»), «*mouche*» («муха»), «*rat*» («крыса»), «*boeuf*» («вол, бык»), «*cheval*» («лошадь»), «*mulet*» («мул») — во французском; «гусь», «рак», «волк», «медведь», «козел», «червяк», «клоп», «бык» — в русском.

Таким образом, двухкомпонентные глагольно-объектные ФЕ с компонентом-зоонимом, представленные следующими процентными соотношениями — 4% от 1.200 ФЕ английского языка, 5% от 1.900 ФЕ французского языка и 3% от 3.200 ФЕ русского языка, представляют собой небольшой пласт фразеологического фонда в трех языках, что, вероятно, связано с потребностью в более распространенных языковых средствах выражения человеческой мысли.

© Маклакова Е. М., 2012

В. В. Малькова

Москва, Россия, valentya4@yandex.ru

Семантические различия устойчивых сравнений русского и немецкого языков

Устойчивые сравнения (УС) как особый пласт фразеологии наиболее наглядно закрепляют в себе ассоциативное изображение и особенности мировоззрения народов. Цель нашего исследования — сравнительное изучение семантических отношений УС в русском и немецком языках, что представляется необходимым на современном этапе взаимодействия представленных лингвокультур.

В результате анализа были выявлены случаи полной эквивалентности УС в сравниваемых языках, что вызвано схожестью мышления и наблюдений представителей двух стран (*kalt wie Eis* — *холодный как лед*, *störrisch wie ein Esel* — *упрямый как осел* и др.), общим источником происхождения УС (*etw. hüten wie einen Augapfel* — *беречь как зеницу ока* (библ.), *schön wie Apoll* — *красивый как Аполлон* (антич.) и др.) или процессом калькирования УС из одного языка в другой (*etwas zieht*

sich wie ein roter Faden hindurch — *проходить красной нитью* (букв. как красная нить и др.)

Кроме того, были обнаружены структурно сходные, но семантически различные УС (например, *stumm wie ein Fisch* (*sich schweigend verhalten* — быть молчаливым) и *немой как рыба* (упорно молчать, не выдавать тайны): «Начались подвохи и подсылы с целью выведать тайну, но Байбаков оставался **нем как рыба**... М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869—1870). «*Der sonst so redegewandte Heiner Kamps bleibt... stumm wie ein Fisch*» (пример из Мангеймского корпуса немецкого языка).

В ходе анализа были установлены УС, имеющие одинаковые основания сравнения, однако различающиеся своими образами (*глупый как пробка* — *dumm wie Bohnenstroh* (*глупый как бобовая солома*), *знать как свои пять пальцев* — *etwas wie seine (eigene) Westentasche kennen* (*знать как карман своего жилета*) и др.

Наконец, были выделены безэквивалентные УС, что связано с отсутствием соответствующей ассоциативной связи в одной из культур: *stolz wie ein Spanier* (букв. *гордый как испанец*), *essen wie eine neunköpfige Raupe* (букв. *есть как девятиголовая гусеница*), *путь как сапожник*, *глухой как тетереv* и др.

Таким образом, лексико-семантический анализ УС в русском и немецком языке является ценным материалом для установления особенностей национального мышления и выявления существенных различий в представленных лингвокультурах.

© Малькова В. В., 2012

Е. П. Марычева, Т. Н. Федуленкова

Владимир, Россия, foreign@vlsu.ru, fedulenkova@list.ru

Алгоритмы изучения фразеологической единицы (на материале германских языков)

Изучение фразеологии — важнейшая составляющая в овладении иностранным языком, так как именно ФЕ являются носителями социокультурной информации (Fedulenkova T. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach. In: Approaches to Teaching English in an Intercultural Context. Ljubljana, 1997), погружение в которую интенсифицирует приобретение навыков успешной коммуникации в иноязычной среде.

В курсе по фразеологии, предусмотренном планом по специальности «Лингвистика», придерживаемся следующего алгоритма изучения английской и немецкой фразеологии (ср.: Федуленкова Т. Н.

Фразеология современного английского языка: Программа по курсу. Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2005. № 3):

1. Значение фразеологической единицы (ФЕ), ее дефиниция.
2. Краткая социокультурная история и этимология ФЕ.
3. Структурная организация ФЕ: компонентный состав ФЕ, грамматическое структурирование ФЕ, объем вариантности, не нарушающий тождества ФЕ.
4. Внутренняя форма ФЕ, ее соотнесенность с актуальным значением ФЕ, тип семантической слитности компонентов ФЕ.
5. Коннотативный компонент значения ФЕ, эмоциональная и экспрессивная окраска рассматриваемой ФЕ, функционально-стилистическая принадлежность ФЕ.
6. Парадигматические отношения данной ФЕ в пределах фразеологической системы изучаемого языка: наличие синонимов, антонимов, омонимов, отношение к полисемии.
7. Уровень фразеологической абстракции данной ФЕ.
8. Характеристика контекстуального окружения ФЕ.
9. Тип ФЕ по функциональной однородности с той или иной частью речи: субстантивная, адъективная, адвербиальная, глагольная, препозитивная ФЕ.
10. Сфера употребления ФЕ и ее коммуникативная валидность, степень активности употребления в устной и письменной речи.

При целенаправленной организации учебного процесса, применение такого алгоритма не замедлит сказаться на качестве подготовки специалистов языкового / филологического профиля.

© *Марычева Е. П., Федуленкова Т. Н., 2012*

Ю. В. Новикова

Зерноград, Россия, julienovikova@yandex.ru

М. В. Ласкова

Ростов-на-Дону, Россия, Pr_Laskova@rambler.ru

Типология переводческих ошибок в сатирическом произведении (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и трех её переводов)

Сатирический текст, по мнению К. Райс, относится к «текстам, ориентированным на обращение», следовательно, в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации наиболее важным является достижение коммуникативной направленности оригинала.

Практическим материалом для исследования стала повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» и три её перевода, из которых два на английском языке, выполненные Майклом Гленни (1968) и Эндрю Бромфилдом (2007), и один на французском языке в переводе Владимира Волкова (1999).

В ходе анализа были выявлены следующие виды переводческих деформаций: квазитожественность элементов денотативной структуры, принадлежащих различным понятийно-смысловым полям, коннотативно-смысловая, этнографическая и социолингвистическая лакунарность. Все виды переводческих ошибок можно условно разделить на две большие группы — «ошибки непонимания исходных смыслов» и «ошибки выражения исходных смыслов». Первая из перечисленных групп ошибок носит случайный характер и не способна существенно деформировать авторскую куртину мира в переводе. Сложнее обстоит дело со второй группой ошибок. Предпосылкой к её возникновению является, на наш взгляд, лакунарность социально-маркированных, этнографических и коннотативно-смысловых единиц оригинала для переводящего языка. Понятие лакулярности мы связываем, с одной стороны, с отсутствием когнитивной структуры или несформированностью знаний о денотате, а, с другой, с неверным выбором соответствий, эквивалентов, ложным объяснением существующих пустот. Переводческая проблема состоит в том, что в системе рассматриваемого художественного произведения церковно-религиозные термины, советизмы, просторечные слова, литературные формы и обценная лексика выступают как содержательно и коммуникативно значимые элементы, несущие дополнительную информацию модального характера, и представляющие собой функциональные доминанты, декодирование которых средствами переводящего языка обязательно для адекватной передачи авторских интенций. Несмотря на отсутствие прямых соответствий в переводящем языке, переводчикам А. Бромфилду и В. Волкову удаётся найти адекватные языковые средства для компенсации иронических смыслов, стилистической маркированности лакулярных единиц текста подлинника. В переводе М. Гленни обращает на себя внимание частое использование приема стилистической нейтрализации в отношении тематически важных элементов оригинала. Систематический характер данного приема позволяет говорить о неверно выбранной переводческой стратегии, направленной на игнорирование религиозной составляющей текста, исторического контекста, социолингвистических характеристик персонажей.

© Новикова Ю. В., Ласкова М. В., 2012

А. Г. Нуруллина

Набережные Челны, Россия, bohema_05@mail.ru

Компоненты «Грех», «Дьявол» и «Ад» во фразеологических единицах английского и русского языков

Фразеологический фонд национального языка заслуживает особое внимание в языкознании. В рамках нашего исследования, вслед за В. Н. Телия, Е. Ф. Арсентьевой и Л. Р. Сакаевой, мы придерживаемся широкого понимания фразеологической единицы (ФЕ) и включаем в их состав пословицы, поговорки и крылатые выражения. Грех характеризует особенности и качество личности, его поведение и взаимоотношения с окружающим миром. «Грех» находится в соотношении с нарушением религиозного закона. Исследование ФЕ показало, что данный компонент является частотным в обоих исследуемых языках. Считается, что компоненты «Дьявол — Черт» являются частью системы важных моральных, нравственных и культурных компонентов представляет собой богатый материал для исследования. Дьявол — религиозно-мифологический персонаж, верховный дух зла, (от греч. *diabolos*) также лукавый, нечестивый. Сопоставительный анализ ФЕ русского и английского языков показал, что «Дьявол — Черт» главный антагонист Бога и всех верных ему сил на небесах и на земле, враг человеческого рода, царь ада. Компонент «Ад» исконно церковнославянское *адъ*, по-гречески оно звучит как «*адэс*» в буквальном значении означало «невидимое». Ад, в свою очередь, считается местом, где души после смерти получают серьезное наказание за свои греховные поступки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что представления о религиозных компонентах, формирующих религиозную картину мира, во всех исследуемых языках во многом совпадают. Исследовав ФЕ с компонентом «Грех», выявлено, что в сознании людей сложилось представление о том, что Греха следует опасаться, так как он влечет непредсказуемые последствия. Лексема «Грех» характеризует свойства и поступки людей, а также их поведения. Сопоставительный анализ ФЕ английского и русского языков показал, что компоненты «Дьявол — Черт» ассоциируется с раздражением, с досадой, связан с отдаленными темными, глухими местами. Однако, «Дьяволу» может сопутствовать удача и везение. Анализ ФЕ компонента «Ад» в исследуемых языках позволяет установить, что данный компонент выражает все отрицательное для человека. Ад ассоциируется с тяжкими условиями, где души после смерти получают серьезное наказание.

© Нуруллина А. Г., 2012

И. В. Самарина

Ростов-на-Дону, Россия, samaririna@yandex.ru

Специфика перевода имен-прозвищ на материале английских волшебных сказок

1. Одной из особенностей перевода английских волшебных сказок является передача имен собственных (персоналий). Персоналии — словесные знаки, которые используются для индивидуализирующей номинации людей.

2. Персоналии делятся на три подгруппы: антропонимы (имена, которые люди имеют официально); именованья прозвищного типа (альтернативные именованья людей, образованные из нарицательных слов) и именованья смешанного типа (именованья людей, которые включают как элемент их официального имени, так и нарицательный элемент).

3. В английских волшебных сказках наиболее часто встречаются прозвища, это обусловлено жанрово-стилистической спецификой сказки.

4. Прозвище — это дополнительное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его характерной чертой, соответствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии.

5. Существует несколько типов прозвищ: 1) прозвища, возникшие при определенной ситуации; 2) прозвища, образованные от имени или фамилии (усечение фамилии, аббревиация именованья); 3) прозвища, передающие характерные особенности референта.

6. Были выделены следующие методы формирования и типы соответствий в переводе прозвищ на русский язык:

- Метод функциональной аналогии
- Калькирование
- Семантическая экспликация.
- Метод морфограмматической модификации
- Метод онимической замены.

© Самарина И. В., 2012

Т. И. Скоробогатова

Ростов-на-Дону, Россия, skorobogatova@sfedu.ru

Способность фразеологии к «исторической аккумуляции»: функции ФЕ, обуславливающие связь фразеологии с историей народа — носителя языка

По нашему убеждению, связь фразеологии того или иного национального языка с историей говорящего на нем народа зиждется на такой

важной характеристике ФЕ, как полифункциональность, на возможности выполнения ФЕ совокупности таких функций, как кумулятивная, трансляционная, мнемотехническая и культурная, и их взаимодействии и взаимопроникновении. Кумулятивная функция ФЕ — функция фиксации и накопления в содержании ФЕ общественно значимого опыта, информации о постигнутой действительности (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов. М., 1982). Кумулятивная функция фразеологизмов тесно переплетается с функцией трансляционной — передачей из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее мыслей, понятий, оценок и отношения к тем или иным фактам реальности в виде готовых формулировок. В. М. Савицкий в наборе функций, присущих идиомам, выделяет также функцию мнемотехническую, основанную не на идентификации или дефиниции объекта, а на его характеристике, которая осуществляется путем указания на типичный признак или путем проведения аналогии (например, англ. *like a red rag to a bull* — как красная тряпка для быка) (Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М., 2006). М. Л. Ковшова квалифицирует фразеологизм как особый знак языка, поскольку в его семантику «вплетена» культурная семантика. Это позволяет говорить о том, что фразеологизм выполняет культурную функцию, т. е. образно передает информацию о происходящем в мире и одновременно с этим транслирует культурные смыслы, прескрипции культуры, стереотипные представления и т. п. (Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). М., 2009).

Мы предлагаем вышеназванные функции ФЕ объединить генерализующим термином «историческая аккумуляция» и понимать под способностью фразеологии к «исторической аккумуляции» не только фиксацию отдельных исторических фактов и упоминание исторических фигур и деятелей прошлого во внутренней форме или компонентном составе ФЕ, а сохранение, осмысление и преемственность опыта предшествующих поколений в целом в самом факте существования ФЕ и возможности их архивирования.

© Скоробогатова Т. И., 2012

А. С. Сынова

Северодвинск, Россия, tufelka9@yandex.ru

Фразеологизм и слово: вопрос эквивалентности

Теория эквивалентности ФЕ слову восходит к концепции идентификации экспрессивных фактов, разработанной Шарлем Бал-

ли. С этой концепцией большинство лингвистов — А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова, Н. М. Бабкин, В. П. Жуков, А. В. Кунин, Н. М. Шанский и др. — не согласилось. «Семантическая целостность фразеологизма не может быть установлена таким путем», — писал В. П. Жуков, — «так как и переменные сочетания слов могут иметь слова-синонимы». Например: *look fixedly — to stare; sufferings of mind or body — pain*.

В самом деле, фразеологизмы во многом подобны слову, однако знак равенства между значением фразеологических единиц и значением тех слов, с которыми они идентифицируются, как правило, ставить нельзя. В большинстве случаев фразеологизмы и соотносимые с ними слова различаются стилистической окраской и по отношению к отдельным словам фразеологические единицы выступают в основном в роли стилистических, а не идеографических синонимов.

Следует также иметь в виду, что пословицы и поговорки, т. е. ФЕ со структурой предложения, могут идентифицироваться только с помощью предложений: *Absence makes the heart grow fonder — when you are away from someone you love, you love them even more; Nothing ventured, nothing gained — you cannot expect to achieve anything if you don't take risks, etc.*

В проблеме «фразеологизм и слово» отмечаются в основном два направления:

- 1) узкое, лексикологическое понимание фразеологии как составной части лексикологии, ФЕ в качестве эквивалента слову;
- 2) широкое понимание фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Термин эквивалентность слова создал Л. В. Щерба. Он утверждал, что такая группа слов обозначает одно понятие и является потенциальным эквивалентом слова, т. е. группа слов, если она является словосочетанием, может обозначать одно понятие.

В своем исследовании ФЕ, вслед за А. В. Куниным, считаем целесообразным не пользоваться словом «эквивалент» и в изучение фразеологии заменить теорию полной эквивалентности фразеологизма слову теорией соотношенности некоторых типов фразеологизмов и слов, в основе которой лежат совсем иные принципы (Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 2005).

Т. Н. Федуленкова

Северодвинск, Россия, fedulenkova@list.ru

Признаки алломорфизма структуры германской фразеологии

1. Алломорфизм структурной организации фразеологических единиц (далее ФЕ) английского, немецкого и шведского языков как знаков вторичной номинации проявляется в «подстилающих» — лексической и грамматической — системах языка, т. е. выявляется при изучении прототипа той или иной ФЕ.

2. Алломорфные черты структуры фразеологических единиц сопоставляемых языков обнаруживаются в способах синтаксической связи между ядерным и зависимым компонентами словосочетания-прототипа ФЕ: в английском языке — это примыкание в атрибутивных и объектных словосочетаниях, в немецком языке — согласование в роде, числе и падеже в атрибутивных словосочетаниях и управление в объектных словосочетаниях, в шведском языке — согласование в роде и числе в атрибутивных словосочетаниях и примыкание в объектных словосочетаниях. Указанные различия в способах синтаксической связи компонентов ФЕ, отражая типологические особенности грамматических систем изучаемых языков, находят свое материальное выражение в морфологическом оформлении компонентов.

3. Алломорфизм структуры сопоставляемых ФЕ проявляется также в таких коррелятивных связях различных частей речи и их форм, как зависимость численности и частотности предлога от развития категории падежа в системе имени, что может быть сформулировано в качестве следующей имплицативной универсалии: если система имени имеет развитую категорию падежа, то система предлогов малочисленна и не обнаруживает стремления к разнообразию (Федуленкова Т. Н. Проблема общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков: На материале английского, немецкого и шведского языков: Дис... канд. филол. наук. М., 1984).

4. Обращает на себя внимание специфика структурной организации изучаемых ФЕ современного немецкого языка, которая заключается в меньшей степени устойчивости исследуемых ФЕ немецкого языка по сравнению с ФЕ английского и шведского языков, выражающейся в развитой вариантности глагольных, адъективных и предложных компонентов, что является следствием проявления типологических особенностей лексико-грамматической системы данного языка.

© Федуленкова Т. Н., 2012

И. Е. Харлов

Екатеринбург, Россия, igorkharlov@gambler.ru

Языковой образ человека на материале английского языка

В настоящее время сленг привлекает всё больше и больше внимания различных учёных. Исследование данного пласта лексики позволяет изучить современный образ мысли носителей того или иного языка. Поскольку сленг является очень подвижным пластом лексики, с одной стороны, изучая его, мы можем говорить о действительно современном образе мышления, с другой стороны, возникает проблема выбора лексических единиц, поскольку не все сленговые единицы приживаются в языке и, тем более, не все из прижившихся фиксируются словарями.

В нашем исследовании мы опирались на данные двух словарей английского сленга: Tony Thorne. Dictionary of Contemporary Slang. 3d ed. — London: A&C Black, 2007. — 494 p. и Michael Daniel & Leah Janes. Playground Slang & Teenspeak. — L.: Abson Books London, 2008. — 36 p.

При анализе лексем современного английского сленга в области номинации человека можно выделить 7 основных семантических полей: «отношения между людьми» (примерно 27% от общего количества сленговых единиц, привлечённых для анализа), «социальный статус» (19%), «внешность» (16%), «физическое состояние» (14%), «сексуальные отношения» (14%), «умственные способности» (13%) и «здоровье» (2%).

Как видно из данных, наиболее плотными семантическими полями являются поля «отношения между людьми», «социальный статус» и «внешность». В совокупности по наполнению и доминантам всех семантических полей возможно воссоздать «стандартный» для английского сленга языковой образ человека. Это человек с отрицательным социальным статусом (*hoodie* — *дебошир, смутьян*), то есть с непристойной профессией или с недостаточным количеством профессиональных навыков. Постоянно или временно он находится в состоянии наркотического (*bongo'd* — *под действием наркотиков*) или алкогольного опьянения (*bladdered* — *пьяный*), но при этом ценит дружбу, товарищество, состоит в дружеских отношениях с окружающими (*blad, bled, blud, bro, bredrin* — *друзь*). Этот человек нередко имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию или особенности сексуального поведения (*batty boy, bum chum* — *мужчина-гомосексуалист*); в плане умственных способностей он не слишком развит (*div, divvy, dork, dumbrain* — *ту-*

ной человек), внешне же может быть как некрасив, так и привлекателен (*buff* — хорошо выглядящий, *buffers* — ужасный).

Исследования в данной области представляют большой интерес, поскольку позволяют понять логику номинирования, выбора областей номинации, а также по-новому увидеть нацию — носителя языка.

© Харлов И. Е., 2012

О. Н. Щербакова

Тюмень, Россия, bonitolga@mail.ru

Национально-культурная специфика компонента эмоции в русском и немецком языках

Еще в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами и эмоциями.

Однако язык не есть зеркальное отражение мира, поэтому мир эмоций и набор языковых средств, их отображающих не могут полностью совпадать. Психологи отмечают, что словарь эмоций в разных языках далеко не одинаков, хотя нет ни одного переживания, которое было бы доступно для одной национальности и недоступно для другой, то есть сами эмоции — универсальны, а типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает в разных языках, имеет национальную специфику.

В ходе анализа разноязычного лексикографического материала зафиксировано множество пересечений сопряжённых с эмоциями идей. Представителями двух лингвистических сообществ эмоции, как правило, вербально связываются с такими понятийными сферами, как «архетипы огня и воды», «свет и тьма», «действия человека/примата», «оценка», «борьба». Принципиально важным мы считаем указать на совпадение понятийных сфер, используемых для осмысления эквивалентных эмоций в русском и немецком этносе. Так, к примеру, страх и Angst сопряжены с понятиями борьбы и смерти, а радость и Freude, напротив, коррелируют с понятиями «светлости», «легкости», «положительной оценки». Это, однако, не значит, что образное мышление носителей, пользователей двух языков, представителей разных лингвокультур во всем имеет идентичную ассоциативную направленность.

Национально-культурная специфика концептов эмоций в русском языке по сравнению с немецким наиболее ярко иллюстрирует их: а) «цветовым» и «вкусовым» осмыслением (тоска зеленая, уныние темное; горе горькое и др.); б) корреспонденцией с понятиями «душа» и «сердце» (душа в пятки ушла [от страха] и др.); в) связью с понятием тяжести (тяжело на сердце, на душе); г) ярко выраженным

соматическим описанием эмоций в гиперболической форме (слезы в три ручья).

Эмоциональные концепты в немецком языке обнаруживают в первую очередь следующие специфические свойства: а) поиск для переживания положительных эмоций; б) стремление избежать переживания негативных эмоций; в) указание на способы избавления от них, что позволяет говорить об известной гедонистической и витальной направленности мышления представителей немецкого этноса.

Эквивалентные лексемы (напр., печаль — Trauer; радость — Freude и т. п.) выражающие русские и немецкие эмоциональные концепты, в словарных статьях имеют разную степень отрефлексированности национальным сознанием. Русские концепты грусти, печали, тоски по сравнению с их немецкими эквивалентами мыслятся русским языковым сознанием многочисленными образами, располагают значительно более широкой ассоциативной направленностью.

Анализ лексикографического материала подтверждает суждение о том, что концепты «грусть-тоска», «тоска-печаль», «тоска-кручина» национально маркированы. Данные культурные эмоциональные концепты могут быть транслируемы в другой язык, в другую культуру только описательными средствами (Красавский Н. А. Русская и немецкая концептосферы эмоций. Воронеж, 2001).

Таким образом, становится очевидным, что эмоциональная реакция на то или иное событие зачастую не зависит от национальной принадлежности говорящего и может иметь идентичное проявление, однако вербальное ее выражение не является интернациональным. Это еще раз свидетельствует о том, что изучение образных, эмоционально окрашенных языковых средств ведет к познанию культуры, мировоззрения и менталитета народа другой страны, т. к. типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает в разных языках и имеет национальную специфику.

© Щербакова О. Н., 2012

Р. Р. Ялалова

Набережные Челны, Россия, anira1988@mail.ru

**Структурно-грамматический анализ
фразеологических единиц, характеризующих
«болезнь-здоровье», в английском, немецком
и русском языках**

Многочисленной группой СФЕ английского, немецкого и русского языков является группа со структурой ФЕ «N + N» («существитель-

ное»+ «существительное»). В исследуемых языках роль прилагательного может выполнять причастие: «Р» + «N» («причастие»+ «существительное»). Данная модель является наиболее распространённой в английском и русском языках, однако встречается и в немецком языке.

ГФЕ с подчинительной структурой подразделяются на компаративные и некомпаративные фразеологизмы. Самым распространённым среди глагольных компаративных ФЕ английского языка является тип, построенный по формуле «V» + «like / as if / though» + «N». В немецком языке в качестве сравнивающего элемента выступает союз «wie» и представлены следующие модели:

«V» + «wie» + «Adj» + «N». В русском языке глагольные компаративные ФЕ содержат союз «как»: «V» + «Adj» + «как» + «N». ГФЕ с подчинительной структурой, выражающие объектные отношения, могут иметь различную структуру. В английском, немецком и русском языках можно выделить модель «V» + «N» + «Prer» + «N», в которой первым зависимым компонентом пишется прямой объект, вторым — косвенный.

Компаративные адъективные ФЕ очень широко представлены в английском языке. Прилагательное может обладать ярко выраженным оценочным значением: положительным и отрицательным. Некомпаративные ФЕ модели «Adj» + «Prer» + «N» («прилагательное»+ «предлог» + «существительное») встречаются в английском и русском языках. Стержневой и зависимый компоненты, находящиеся в постпозиции, связаны друг с другом примыканием в английском языке, управлением — в русском языке.

Основными внутривидовыми признаками исследуемых языков являются следующие: аналитизм английского и синтетизм немецкого и русского языков; выраженная падежная система ФЕ немецкого и русского языков; передача значения русских падежей в английском языке предложно-именными сочетаниями; ведущим приёмом выражения объектной связи служит управление в немецком и русском языках, в английском — примыкание.

© Ялалова Р. Р., 2012

М. Р. Желтухина

Волгоград, Россия, zzmrg@mail.ru

Невербальные варианты медиавоздействия в современном политическом дискурсе русской, английской и немецкой лингвокультур

Под *медиавоздействием* в политическом дискурсе понимается спланированное воздействие массмедиа на *знания* (когнитивный уровень), *отношения* (аффективный уровень) и *намерения* (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта (журналиста, политика) направлении, воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (*убеждение*) или на подсознание через эмоциональную сферу (*суггестия*), воздействие с помощью вербальных (*речевое воздействие*) или невербальных средств (*неречевое воздействие*).

В результате исследования выявлен внушительный каталог **невербальных вариантов медиавоздействия** на адресата в русской, английской и немецкой политической коммуникации, представленные различного рода манипуляциями: **1. С содержанием:** 1) однозначность визуальной коммуникации; 2) многозначность визуальной коммуникации. **2. Со знаками, образами** (человек, животное, предметы домашнего обихода, продукты питания и т. п.): 1) иконические знаки; 2) тропичность руин; 3) двойные фигуры. **3. С формой:** 1) «плазматичность»; 2) рост, объем. **4. С телом** (позы, жесты, мимика и т. п.): 1) публика на экране, в кадре; 2) беседа с журналистом противоположной политической ориентации; 3) фото/видео анфас; 4) фото/видео в три четверти; 5) типичные и интеркультурные жесты. **5. С голосом:** 1) особенности голосовых характеристик; 2) увеличение объема пауз при переходе к официальной речи; 3) высокий голос или фальцет для монотонно-распевного произнесения магических заклинаний, проповедей; 4) тон голоса и внешность дикторов для отвлечения адресата от зловещего смысла информации; 5) изменение интонационного оформления речи. **6. С цветом:** 1) комбинации различных цветов с учетом образно-цветовых классификаций; 2) вербальная сторона цвета. **7. С эмоциями:** 1) устойчивость и однозначность экспрессивных кодов основных эмоций и эмоциональных состояний человека; 2) эмоциональное кодирование; 3) зависимость характеристики человека от темпа, тембра голо-

са, интонации и т. п. **8. Во времени и пространстве:** 1) перспектива «птичьего полета» или «лягушки»; 2) монтаж.

© Желтухина М. Р., 2012

Ю. Н. Казанцева

Нижний Тагил, Россия, julia_kazancewa@inbox.ru

Эмотивный потенциал речевых актов в педагогическом дискурсе

Эмотивность является важной составляющей информационного пространства любого дискурса, но в педагогической практике она несет на себе дополнительную нагрузку — привлечь внимание учеников к учебному материалу. Статус эмотивных высказываний как речевых актов является результатом взаимодействия синтаксического и лексического уровней. Третий фактор — интонационное оформление высказываний.

При анализе речи говорящего (учителя) на школьном уроке нами были выделены группы эмотивных речевых актов, в соответствии с их интенциональной обусловленностью: *акты-пожелания, акты передачи эмоционального состояния* (включают 2 категории: *а) позитивного и б) негативного состояния*), *акты эмоциональной поддержки, акты-предостережения, акты-упреки, акты-оценку* (включают 3 категории: *а) комплименты, б) похвала и в) порицание*), *акты одобрения, акты несогласия* (включают 3 категории: *а) прямое несогласие, б) возражение и в) дополнение*), *акты привлечения внимания, акты-требования*.

Реализация эмоционально окрашенных речевых актов эксплицирована желанием адресата (учителя) создать позитивный эмоциональный настрой (акты-комплименты и пожелания), снять напряжение или перевести «энергетический потенциал» адресата в область операциональной напряженности (мобилизовать учащегося на оптимальное выполнение задачи), осуществить коррекцию деятельности школьника (акты-предостережения), оценить успехи / неуспехи ученика, поощрить или поддержать его (оценочные и стимулирующие акты) и т. п.

Таким образом, эмотивные речевые акты, обладающие прагматическим потенциалом, содержащие определенные иллокутивные цели и реализующие соответствующие намерения говорящего, могут быть типологизированы интенционально.

© Казанцева Ю. Н., 2012

М. А. Кобозева

Ставрополь, Россия, anna.tro2011@yandex.ru

Реализация речевой стратегии «Репрезентация проблемы» с применением оптативной конструкции в научно-популярном дискурсе

Речевая стратегия «Репрезентация проблемы» с применением оптативной конструкции предполагает использование высказывания, содержащего пропозицию, описывающую желаемое для исследователя положение дел, ставшее следствием решения определенной научной проблемы и имеющее непосредственное отношение к теме статьи, причем желательность такого положения дел выражается посредством оптативной синтаксической конструкции (Бондарко 1992; Алтабаева 2003). Кроме того, такое высказывание содержит признаки маркера ввода темы в научно-популярной статье.

Реализацию стратегии «Репрезентация проблемы» с применением оптативной конструкции рассмотрим на примере статьи «Ускорители вещества», автор — Анатолий Шибанов, канд. физ.-мат. н., (научно-популярный журнал «Техника молодежи». 1974. № 5). Тема статьи — *Ускорение вещества в исследовательских целях с применением оружейных технологий*. Анализируя статью, выяснили, что маркером ввода темы в данной статье служит высказывание *Вот если бы удалось разогнать один-единственный осколок, да еще и направить его куда нужно!* Это высказывание (3) по своему лексико-грамматическому устройству относится к оптативам, которые в теории функциональной грамматики определяется как высказывания, «выражающие желание говорящего, чтобы имела место обозначаемая ситуация» (Корди 1990, 172). Значение оптативности передается при помощи сочетания глагольной формы на -л в сочетании с оптативной частицей *вот если бы* (Алтабаева 2003). Таким образом, можно говорить, что в данном случае автор статьи посредством высказывания-оптатива выражает желание, чтобы имело место ситуация, отображенная в пропозиции *Один-единственный осколок разогнан и направлен куда нужно*. При этом совершенно очевидно, что здесь автор посредством оптатива выражает не собственное желание, а целевую установку определенного множества ученых и других причастных лиц, занимающихся ускорением вещества в исследовательских целях.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что именно высказывание (3) в приведенном фрагменте выступает маркером ввода темы в научно-популярной статье.

© Кобозева М. А., 2012

Т. Д. Магомадова
Волгоград, Россия, tay666@mail.ru

К вопросу о метафорической природе современного медиадискурса

Метафорическая природа современного медиадискурса проявляется в маркерах медиадискурса, свидетельствующих о метафоризации сознания адресата, в доминировании метафорических переносов в языке современных СМИ, в многообразии классификаций метафоры, в функциональном потенциале метафоры в современном медиапространстве.

Основными маркерами медиадискурса являются *диалогичность, инсценированность, культурная составляющая, экспрессивность, агональность, оценочность, эмоциональность*, которые свидетельствуют о тропеизации, метафоризации сознания представителей различных лингвокультур.

К **основным тропам**, реализующимся в языке СМИ, относится *метафора*, которой уделено в докладе особое внимание. Заложенные в метафорическом переносе когнитивные представления о медиадействительности реализуются в конкретных языковых формах, обладающих в предложении определенными семантическим, эмоциональным, информационным и стилистическим статусами и своими функциональными характеристиками.

В докладе рассматриваются **основные критерии дифференциации метафор**, которые были выделены в результате анализа специальной литературы: а) структурный; б) семантический; в) субъектный; г) фигуральный; д) объемный; е) компаративный; ж) символический; з) языковой; и) частотный; к) концептуальный критерии.

Значительная часть исследования посвящена **основным функциям метафоры в медиадискурсе**:

1) *в системе воздействия АДРЕСАНТ → АДРЕСАТ выделены познавательная, культурная, функция семантической неопределенности, творческая функции;*

2) *в системе воздействия АДРЕСАНТ зафиксированы экономичная, трансформационная, репрезентативная, экспрессивная, воздействующая (аттрактивная, персуазивная, суггестивная);*

3) *в системе воздействия АДРЕСАТ отмечаются рецептивная, гедонистическая функции.*

© Магомадова Т. Д., 2012

Е. Б. Матыгина

Челябинск, Россия, katerinamatygina@mail.ru

Метафорические кластеры в личностном дискурсе и медийном представлении женщин-политиков США

Подобно тому, как в наше время на международной политической арене возникают заметные фигуры женщин-политиков и женщин-руководителей, растет число научных работ и статей, посвященных изучению роли женщин в политической жизни стран, имиджа женщин-политиков, особенностей их официального дискурса, медийных портретов женщин-политиков. Российские ученые также проявляют интерес к исследованиям подобного рода (Уралова С. В., Широбокова А. А. 1999, Павликова М. М. 2007, Живихина Д. С. 2006, Гусева Ю. Г. 2003, Ажгихина Н. И., 2007, Пильникова Е. 2006, Воронова Л. А. 2009, Рябова Т. Б. 2004, Стрелкова О. А. 2006, Радина Н. К. 2010, Шерман Е. 2003, Вагенляйтнер Н. В. 2011, Шабанова Т. А. 2011, Кондратьева О. Н. 2010, Полякова И. С., 2010, Данилова М. Б. 2009 и др.).

Поскольку в России политическая лингвистика — молодая наука, и исследования в области как личностного дискурса политиков, в особенности женщин-политиков, так и их представления СМИ, немногочисленны и находятся на этапе поиска собственных методик и накопления опыта, нам представляется интересным изучение уже найденных и используемых методик изучения как личностного институционального дискурса женщин-политиков, так и их медийного представления в зарубежной науке.

Одной из таких методик является методика анализа медийного представления женщин-губернаторов и жен политиков и их личностного дискурса посредством метафорических кластеров, описанная американскими учеными Каррин Васби Андерсен и Кристиной Хорн Шилер в книге «Законы правления. Гендер, метафора и политическая личность» (Karrin Vasby Anderson and Kristina Horn Sheeler, *Governing Codes. Gender, Metaphor, and Political Identity*, Lexington books, 2005).

Метафорический кластер — это группа ключевых метафор, имеющих схожие следствия (расширения и ограничения). «Метафорические следствия могут характеризовать согласованную систему метафорических концептов и соответствующую связную систему метафорических выражений для этих концептов». Таким образом, каждый кластер представляет метафорические концепты дискурса, и кластеры в целом обозначают более объемную систему метафорических концептов.

По мнению ученых, метафора играет центральную роль в конструировании публичной личности в современной политике США. Метафора может выполнять как ограничивающую функцию, так и выступать в функции риторического ресурса для политических фигур. С одной стороны, при изображении женщин-политиков средствами массовой информации определяющими являются привычные высказывания и стереотипы о женщинах и власти, они носят подавляющий и ограничивающий характер. С другой стороны женщины-политики, «разрабатывают политический ландшафт в поисках риторических стратегий, которые они могут использовать для выполнения своих прагматических целей».

Для демонстрации существования метафоры в личностном дискурсе и в медийных портретах женщин-политиков, исследовательницы выделяют четыре кластера метафор:

- 1) «первооткрывательница»;
- 2) «марионетка»;
- 3) «королева красоты»/«хозяйка»;
- 4) «неуправляемая женщина»/«стерва».

Работа ученых посвящена исследованию конкретных случаев (case studies), поэтому существенным недостатком данной методики является невозможность ее универсального применения. Однако мы полагаем, что данный подход может быть использован для составления медийных портретов других американских женщин-политиков (либо изучения их личностных дискурсов), или послужить примером для проведения подобных исследований в области российского женского политического дискурса.

© Матыгина Е. Б., 2012

К. Г. Микерова

Нижний Тагил, Россия, ksenia_mikerova@mail.ru

Паралингвистические и лингвистические средства репрезентации иронии в педагогическом дискурсе

В условиях педагогического дискурса употребление иронии учителем-адресантом всегда интенционально обусловлено, вследствие чего каждый иронический речевой акт обязательно снабжается учителем каким-либо маркером (маркерами), позволяющими ученикам-адресатам беспрепятственно выявить иронический смысл высказывания.

Все средства репрезентации иронии, зафиксированные нами в процессе исследования речи учителей, мы разделили на паралингвистические (невербальные) и лингвистические (вербальные, языковые).

Среди паралингвистических средств (интонация, мимика, жесты) особое место в педагогическом дискурсе отводится иронической интонации (как наиболее яркому маркеру иронического смысла высказывания). Ироническая интонация (*Твою работу хоть сейчас на выставку!*) используется учителями при употреблении большинства иронических речевых актов, причём и при наличии других (как лингвистических, так и паралингвистических) показателей иронии.

В группе лингвистических средств репрезентации иронии выделили узуальные и окказиональные. Узуальные — такие средства, которые всегда, в любой ситуации создают иронический смысл, они помечаются в лексикографических источниках «ирон.» и называются иронизмами (*Вы, сударь, готовы отвечать?*).

В качестве одного из основных средств выражения иронического смысла высказывания на морфологическом уровне можно назвать аффиксацию.

Следует отметить, что любое ироническое высказывание в условиях педагогического дискурса обязательно сопровождается учителем каким-либо маркером (маркерами), эти маркеры разнообразны и представлены в педагогическом общении в многочисленных комбинациях: паралингвистические и лингвистические средства репрезентации иронических высказываний могут действовать как отдельно, так и комбинироваться в пределах одного речевого акта.

© Микерова К. Г., 2012

Э. Ш. Никифорова

Костанай, Казахстан, n.e.sh_975@mail.ru

Речевое воздействие в профессиональной коммуникации

В текстах традиционно выделяют такие основные способы речевого воздействия, как убеждение, внушение и побуждение. Помимо этого необходимо учитывать также лингвистические и логико-риторические средства, способствующие достижению убеждающего, внушающего или побуждающего эффекта. Мы, вслед за Шелестюк Е. В., объединим эти средства в понятия текстовых категорий аргументативности, суггестивности, императивности манипулятивности.

Аргументативность основывается на логико-риторических характеристиках текста, реализующих воздействие адресанта на мнения и рациональные оценки реципиента, а также косвенное регулирование его рационального поведения (Шелестюк Е. В. Речевое воздействие:

онтология и методология исследования // Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук, Челябинск, 2009).

Под суггестивностью текста следует понимать те его формальные, структурные и семантические характеристики, которые воздействуют на подсознание читателя посредством активизации ритмических, звуковых, тематических, словесных ассоциаций, вызывая бессознательные эмоции, мысли, образы и формируя бессознательные установки.

Императивность связана со способностью текстовых средств выражать явные авторские интенции волеизъявления, которые так же напрямую распознаются в тексте реципиентом.

Императивность предполагает присутствие в тексте языковых средств со значением побуждения.

Текстовая категория манипулятивности связана с понятием «манипуляция». Цель манипуляции — принуждение человека к действиям, служащим интересам отправителя сообщения и противоречащим его собственным интересам, стремлениям, намерениям и установкам, причем адресат не осознает, что им манипулируют, а считает, что его действия являются актом доброй воли и осознанного, свободного выбора.

Аргументативность, суггестивность, манипулятивность и императивность, как правило, комбинируются в тексте в зависимости от того, какой эффект должен оказать этот текст на реципиента, в каких условиях он предъявляется и т. п. Как правило, они дают разный перлокутивный эффект.

© Никифорова Э. Ш., 2012

М. Ю. Олешков

Нижний Тагил, Россия, oleshkov@rambler.ru

Дейксис устного политического текста

Категория дейксиса относится к важнейшим категориям языковой коммуникации. Дейксис является референциальным свойством, которое обеспечивает когерентность текста на основе соотнесения языковых факторов с внеязыковыми объектами. Универсальность дейксиса заключается в том, что речевой процесс невозможно представить без дейктических единиц: высказывание не может быть реализовано вне указания на пространство и время.

Рассмотрим дейктические особенности устного политического текста на примере анализа фрагмента выступления Президента России Д. А. Медведева на Петербургском экономическом форуме 17 июня 2011 года.

Ролевой дейксис выражается местоимениями 1-го и 2-го лица (**я, мы**) и личной формой глагола **отвечаю**. Обращает на себя внимание тот факт, что личные местоимения **Я** используются говорящим четыре раза, что, вероятно, обусловлено интенцией автора — уже в начале выступления подчеркнуть свою статусную роль. Указание на предмет речи (*локативный* дейксис) реализуется посредством использования местоимений третьего лица (**они, он**). В меньшей степени представлены актуализаторы, указывающие на степень отдаленности объекта высказывания (указательное местоимение **этот**). Указание на временную и пространственную локализацию события или факта (*хронотопический* дейксис) в данном фрагменте выражается словосочетаниями **через несколько лет; в ближайшие несколько лет** и глагольными формами **буду говорить, вижу, отвечаю**. Именно глаголы и их «равномерное» распределение в тексте обеспечивают дейктическую реализацию замысла говорящего.

Акцентирующая функция *дискурсивного* дейксиса реализуется посредством использования говорящим указательно-фиксирующих слов: **другие проекты; независимо от того, кто и какие должности займет. Метаинформационная** функция дискурсивного дейксиса проявляется в употреблении слов **о том; вообще; буду говорить**. Функция фиксации факта (*констатирующая*) выражается в использовании говорящим высказываний «уточняющего» характера: **Он, этот проект; я лично как Президент государства...**

© Олешков М. Ю., 2012

Е. В. Пологова

Нижний Тагил, Россия, hellener@yandex.ru

Доказательство как форма аргументации (на примере туристической рекламы Интернет-дискурса)

Лингвистическая теория общения и теория аргументации, занимающиеся непосредственно речевой деятельностью, затрагивают предметное поле риторики и теории аргументации. Зачастую проблема взаимоотношения риторики и аргументации рассматривается в плоскости «рациональное/эмоциональное», где аргументация соотносится с рациональной составляющей, а риторика — с эмоциональной.

Характеризуя явление аргументации в риторике, одни исследователи приходят к выводу, что именно доказательство представляет центральную часть аргументации, поскольку содержательная, эффектив-

ная и целесообразная речь есть только производная от мыслительной деятельности человека (Зарецкая Е. Н. Логика речи. — М., 2007).

Любое речевое доказательство включает три блока: тезис, аргумент и демонстрацию. Речевое доказательство — триединая сущность, ни один из элементов которой не может быть изъят: все они являются условиями, необходимыми для того, чтобы речевое доказательство было осуществлено, а вместе они при удачном исполнении достаточны для того, чтобы доказательство было осуществлено.

Аргументация осуществляется на основе аргументативных схем или типов рассуждений. Задача доказательства как способа аргументации состоит в том, чтобы утвердить обоснованность доказываемого тезиса. Ведь в доказательстве речь идет о полном подтверждении, связь между аргументами и тезисом должна носить логически необходимый характер.

Особенность туристической рекламы — ее нематериальный характер: потребитель не может оценить ее до тех пор, пока не купит путевку. Т. е. потенциальный или реальный покупатель вынужден верить агентству на слово. Следовательно, со своей стороны, чтобы продать тур, продавец должен убедить, доказать, представить его так, чтобы покупателю он понравился уже с его слов. Такая особенность туристского продукта определяет и специфику его рекламы, которая не только несет основную информационную нагрузку, но и отвечает за истинность, достоверность, интересность продаваемого товара.

Одной из особенностей туристической рекламы является обращение к логической аргументации, в которой раскрываются внутренние признаки предметов и явлений, доказываются определенные положения. Этот тип речи опирается на логику и умозаключения. Размышление выражает точку зрения автора, вовлекает в речевой процесс читателей, доказывает истинность суждений. Это приводит к активизации внимания, вызывает интерес к содержанию.

Эмоциональная же аргументация построена на обращении к эмоциям и основным мотивам, вызывая тем самым живую реакцию читателей.

Стоит отметить, что по цели воздействия выделяют утверждающую (подача аргумента как факта), диалектическую (аргументы направлены на частичное изменение мнения потребителя в пользу товара/услуги) и порождающую аргументацию (уничтожение уже имеющегося потребительского мнения и создание нового). Построение аргументации может основываться не только на целом тексте, но и опираться на различные уровни языка: фонетический, лексический, синтаксический (Разработка и технологии производства рекламного продукта, М., 2006).

Аргументативная составляющая в туристической рекламе оказывается неотделимой от риторических компонентов, что обусловлено спецификой мыслительной деятельности человека, в которой эмоциональность является частью процесса мышления.

© *Полугова Е. В.*, 2012

О. И. Уланович

Минск, Беларусь, oksana.ulanovich@mail.ru

Языковая звукоизобразительная суггестия в обеспечении воздействия рекламного слогана

В изучении суггестивных и прагматических аспектов вербального сообщения через призму звуко- и буквосимволизма смыкаются интересы ряда научных направлений антропологических исследований. Особенно актуально изучение роли визуально-акустического символизма в рекламном слогане. Это оправдано эмпирически доказанной зависимостью успешности продукции, бренда от удачно подобранных слоганов и рекламных решений копирайтеров, что предопределяет установку на максимализацию воздействующего эффекта рекламной продукции.

В реализации суггестивной функции на уровне рекламного слогана участвуют все уровни языка, ключевая роль при этом отводится языковой звукоизобразительности, что обусловлено явлением визуально-акустического символизма. Наличие научного интереса к звукоизобразительному символизму парадоксальным образом сочетается с фактическим отсутствием работ по сравнительному анализу звукоизобразительных средств русского и английского языков. Отсутствует и объективный способ измерения степени присутствия качеств, аффектов, отношений в некоем пространстве всех эффектов, вызываемых языковым символом. Стремление свести один символ к одному значению лишает языковой знак «права» на амбивалентность фоносемантических, что по самой своей сути противоречит существованию языкового символа как вдвойне субъективного явления.

Изучение систем звукоизобразительных средств русского и английского языков должно строиться на максимально объективной основе и с учетом всего разнообразия свойств и качеств, ассоциируемых в сознании с каждым символом обоих языков. Сопоставительное интегративное исследование звукоизобразительных систем русского и английского языков на уровне отдельных букв, звуков, слов и фраз, всего комплекса фоносемантических значений и суггестивных эффектов фонографи-

ческих символов и их сочетаний позволит приблизиться к решению проблемы передачи прагматического и имплицитного потенциала рекламного сообщения, а также максимального сохранения в иноязычном варианте слогана всего комплекса намеченных эффектов воздействия, заложенных в тексте оригинала, при переводе рекламы.

© Уланович О. И., 2012

Т. С. Шишкина

Ростов-на-Дону, Россия, rostov-28Tancha@yandex.ru

Речевой жанр неформального интервью: предметная область и основные подходы к прагматической репрезентации

1. Неформальная коммуникация, являясь структурным компонентом социальной коммуникации, обладает следующими отличиями от коммуникации официального характера: специфика субъектной и объектной структуры; условия формирования (неформальный характер обстановки протекания — слабое влияние со стороны формальных социальных структур, высокая доля межличностного взаимодействия, доверительность, важность суждения об информации, а не ее содержания); наличие посредника-адресата, читательской аудитории, для которой информация подается в проинтерпретированном виде, в актуальном для данной аудитории контексте.

2. Жанр неформального интервью представляет реализацию одновременно двух функций: сообщения и воздействия. Как известно, последняя функция наиболее ярко проявляется в публицистическом стиле, где основной целью является убеждение адресата в своей правоте и принятие им точки зрения отправителя текста. При этом данная цель достигается в публицистике как путем логической аргументации, так и через эмоциональное воздействие. Оба этих способа воздействия широко используются и в жанре неформального интервью, что в этом отношении сближает данный жанр с публицистикой.

3. Смысл речевого акта в диалогическом общении составляют два вида значений; первый вид значений входит в содержание пропозиции, другой — в содержание пресуппозиции. В содержание пропозиции входят синтаксическое и семантическое значения и значение коммуникативной организации; в содержание пресуппозиции — эмоционально-оценочное и прагматическое значения. При определении соотносимости данных двух планов содержания речевого акта в составе смыслового аспекта оказывается, что пресуппозициональное значение оказывается

внешним по отношению к семантической структуре речевого акта, которая формально представлена пропозициональным значением. Такое сложное взаимоотношение предопределяет структуру смысла речевого акта, которая, как и любой лингвистический знак, имеет две стороны: формальную и содержательную. Первая представлена пропозицией, вторая — пресуппозицией.

4. В условиях диалогического общения процедура выбора той или иной стратегии воздействия регулируется потенциально допустимой в конкретных условиях перлокутивной нагрузкой констативного речевого акта, ценностными критериями дискурса двух языковых личностей. Проблема модусного воздействия в жанре неформального интервью актуализируется, в частности, при реализации констативных речевых актов, посредством которых оказывается возможной «перегрузка» адресата перлокутивным заданием. Для успешности осуществления констативного речевого акта предварительным предстает условие искренности обязательства говорящего, принятого в отношении истинности определенного положения дел.

© Шшикина Т. С., 2012

Е. В. Шустрова

Екатеринбург, Россия, shustrovaev@mail.ru

Стереотипы и мифы в афроамериканской карикатуре на Б. Обаму¹

В соответствии с традицией американской карикатуры и анекдота стереотипный афроамериканец ленив, любит развлечения, драку, склонен к обжорству и криминалу, распущен в половом плане. Основные стереотипные и мифические черты, которыми афроамериканец наделяется в американской смеховой культуре, переносятся и на действующего президента США Барака Обаму.

В карикатуре на Б. Обаму авторы часто подчеркивают негроидные черты, которые у Б. Обамы на самом деле не выражены так ярко. Тем не менее карикатуристы упорно рисуют Б. Обаму более курчавым, губастым, широконосым, темнокожим и скуластым, чем это есть на самом деле.

Такие карикатуры часто вводят тему дикаря, неоправданно претендующего на американское гражданство и американские культурные ценности. Образ дикаря часто связывается в «белой» культуре с

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология»).

образом обезьяны. Целый ряд синонимов с этим значением применяется в американском обществе по отношению к афроамериканцам. Не избежал этой участи и президент. Дегуманизирующий образ чужого, врага, монстра, не несущего для США ничего хорошего, продолжается в ряде карикатур, где Б. Обама предстает в образе огромной гориллы-монстра.

Стереотипная патологическая любовь афроамериканцев к музыке ложится в основу карикатуры, где политические шаги президента подаются уже как игра на традиционном африканском барабане. Сразу возникает вопрос: а приемлемо ли это для политической традиции Америки.

Нередко Б. Обама предстает в образе мошенника, игрока (в азартные игры) в том числе и неудачливого, неудачника (алкоголика, калеки, дурака, обманутого, бедняка), циркача, вампира, плохого мужа, пустого мечтателя, чернорабочего, мот, повара. Из природных образов выбираются животное (обезьяна, конь, мышь), растение (дуб, жалкий полевой цветок), птица (утка, голубь), пресмыкающееся (змея).

© Шустрова Е. В., 2012

Литературоведение, стилистика и интерпретация текста

М. А. Ананьина

Екатеринбург, Россия, AnaninaMA@yandex.ru

Специфика функционирования художественного слова в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит»

Предметом исследования являются оттенки значения слова *dingy* в контексте романа Ч. Диккенса «Крошка Доррит».

В художественном тексте слово используется в различных значениях, не только буквальном, прямом номинативно-предметном. Установить, в каком значении употреблено слово, не всегда удается со всей определенностью. Более того, по мысли И. В. Арнольд, многозначность слова в сочетании с его повтором в художественном тексте может в пределе выполнять стилистическую функцию игры слов (Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002). Для установления значения следует учитывать весь стилистический контекст, т. е. контекст всего художественного текста.

В романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит» слово *dingy* используется 11 раз, всегда в типичных ситуациях, при описании образа Пэнкса (6 раз), описании дома мисс Уэйд (1 раз), миссис Кленнэм (1 раз), описании слуг на помолвке дочери мистера Миглза (2 раза), создании живописной картины заката, когда миссис Кленнэм призналась Эми в своих злодеяниях (1 раз).

В тексте романа *dingy* употребляется в основном в значениях *темный, мрачный, закопченный, грязный, покрытый сажей, старый (ветхий), пропыленный*. Исследуемое слово реализует различные оттенки значения в различных контекстах и по-новому раскрывает образы персонажей.

Слово *dingy* появляется при описании событий, в которых участвуют служащие Министерства Околичностей. Сочетание *dingy men* актуализирует значение *мрачный*. Отрицательная эмоционально-оценочная коннотация отражает негативную авторскую оценку события.

В конце романа раскрывается новый ассоциативный фон исследуемого слова, связанный со значениями темноты, савана, смерти, дыма, беспокойства, спешки, увядания и, наконец, тернового венца. Контраст данным коннотациям составляют значения, связанные со светом, ярко-

стью, четкими очертаниями, силуэтом, хорошей видимостью чего-либо, спокойствием, вспышками света, благословенным миром и надеждой, небесами и раем.

© Ананьина М. А., 2012

В. И. Бортников

Екатеринбург, Россия, octahedron31079@mail.ru

**«Внутренний» отсчёт пространства
как категориальная монологическая характеристика
Сатаны в переводе 1777 г. Песни первой поэмы
Дж. Мильтона «Потерянный Рай»**

1. Двойственная антропоцентричность хронотопа в художественном тексте вытекает из дуализма зависимости от автора и героя. Пространство и время представляются закрытыми и, одновременно, разомкнутыми автором в соответствии с тематикой ХТ. Произведению доступно утверждение того, что в научной картине мира носит лишь гипотетический характер (например, библейское «пред-время» — события в мире до появления человека).

2. Имплицитность как «автоматизированное знание» (Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте. Саратов, 2010. С. 4.) художественного пространства интересует нас в аспекте интериоризации, или ощущения Ада, «первичного» по отношению к миру людей, в поэме Дж. Мильтона «Потерянный Рай». Чтобы сказать: Сатана — злодей и локус вокруг него «злодейский», — возьмем текст русской литературы, сравнимый по времени создания с первым переводом Мильтона на русский язык (1777 г.). Сопоставим ощущение пространства Сатаной с тем же ощущением у Леонада (Д. И. Фонвизин, «Каллистен», 1786 г.), по сюжетной функции — злодея.

3. Эмотивно рафинированное пространство начала первого монолога довольно быстро закрашивается чисто человеческим восприятием окружающей «ужасной бездны». Ср.:

но коль (эмотив.) падиший (локатив.) — во блаженном (эмотив.) царствии (локатив.) — одеян (локатив.) превосходящею (эмотив.) лучезарностию (локатив.) — в какий (эмотив.) ров и с каковыя (эмотив.) высоты (локатив.) — проклятия достойных (эмотив.) стрел (локатив.).

4. Нельзя сказать, что выписанная в цепочку дифференциация «эмоция // локус» абсолютна. В третьем от начала звене проявляется синтез локативного и эмотивного значения: *одеян превосходящею лучезарностию* — все три формы подчеркивают эмотивное преклонение

перед тем, что было ранее. Тем самым осуществляется хронологическая ориентация локуса — оппозиция прошлое/настоящее.

5. На материале выписанной цепочки обнаруживаются также оппозиционные характеристики своё/чужое и экстерииоризованное/интериоризованное. В этих координатах Сатана и осуществляет свой отсчет пространства в первом монологе — через отрицание прошлого поражения в *брани* и присвоение нового для героя пространства Ада.

© Бортников В. И., 2012

Т. Ю. Быкова

Челябинск, Россия, bykova74@mail.ru

Артефактная метафорика в советской прессе довоенного периода

Последние десятилетия метафорические модели служили проектором сложных политических, экономических и социальных ситуаций в обществе.

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности метафор советской эпохи довоенного периода. Остановимся подробнее на одной из наиболее ярких и динамичных метафорических моделей концептуальной артефактной метафоре.

Рассмотренные концептуальные метафоры показывают, что формируемое под жестким идеологическим прессом тоталитарное мышление закономерно сказывалось даже на образном представлении человека и окружающего его мира (Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001).

Метафорическая модель «**Советский Союз — это механизм**» эксплицируется в довоенном советском политическом дискурсе метафорами механизма. Многие отечественные исследователи сходятся во мнении о том, что Советский Союз представлял собой единый *механизм*, возглавляемый *аппаратом* коммунистической власти. Граждане великой страны представляли в роли *винтиков*, *гаечек*, *шестеренок*, четко знающих свои *функции* в обществе.

Следующая значимая модель для выстраивания портрета страны — «**Советский Союз — это транспорт**». Метафорические единицы представляют образные номинации государства через наименования транспортных средств и создают образное представление о путях развития государства (политики) посредством наименований различных видов движения.

Формой вербализации советской артефактной концептуальной метафоры в довоенном политическом дискурсе выступает также метафорическая модель «**Советский Союз — это архитектура**».

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить двойственность артефактной метафорической модели. С одной стороны, человек рассматривается с позиции творца, наделенного даром созидать. Он стремится сделать мир, окружающий его, более комфортным и достойным его существования. Однако параллельно с грандиозной способностью творить, человек может оказаться простой деталью хорошо отлаженной государственной машины.

© Быкова Т. Ю., 2012

Е. М. Велижанина

Екатеринбург, Россия, welizhanina@mail.ru

Функционально-стилевой и жанровый статус притчевого дискурса Нового Завета

Под *притчевым дискурсом* мы понимаем совокупность всех притчевых форм, представленных в Новом Завете. Мы обобщили жанровые и функционально-стилистические особенности *притчевого дискурса* Нового Завета для того, чтобы выделить показатели, характеризующие притчу как особый способ организации текста, как тип сакрально-религиозной ориентации, в котором преследуется цель сообщения определенной сакрально-религиозной концепции. Интенция представления сакрально-религиозной концепции реализуется в притчевом тексте Нового Завета через определенные жанрообразующие признаки (назидательность, дидактичность; риторичность; догматичность, нравственность; надвременность и локальная незакрепленность; интеллектуальность; глубина смысла и полнота его художественного воплощения; сосредоточение повествования на одной идее; лаконичность; двухчастная форма; определенный набор сюжетных мотивов; диалогичность притчи на уровне смысла, композиции и языка; доминирование идейного плана над изобразительным; контекстность; фабульность; интертекстуальность; многозначность интерпретаций; многозначность смысла; включенность в другой текст; сведение воедино «житейского» и вечного), а также в использовании *сакрально-религиозного стиля*, особенности которого проявляются в целом ряде лингвостилистических черт (использование лексики языка церковного обихода, отличающегося от языка повседневного общения; большое количество выразительных средств (метафора, антитеза, риторический вопрос, сравнение, эмоциональное

восклицание, уподобление, иносказание и т. п.); основной лексический ресурс составляет лексика высокого стиля — эмоционально-экспрессивно окрашенная (архаически-возвышенная, эмоционально-оценочная) на фоне незначительного процента нейтральной (книжной) лексики; обилие различных архаизмов (грамматических, семантических) и слов, обозначающих специфические понятия; из фонетических и грамматических особенностей — постпозиция определения, выраженного прилагательным; наличие вокативных и императивных форм; преобладание превосходной степени и т. д.).

© Велижанина Е. М., 2012

И. А. Голованов

Челябинск, Россия, ligol@csu.ru

Язык и образы фольклора в произведениях А. Платонова 1920-х гг.

Языковые средства и образы фольклора занимают важное место в художественно-поэтической системе А. Платонова. Благодаря осмыслению действительности в русле фольклорного сознания (см. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX—XXI вв.). Челябинск, 2009) платоновский текст обретает емкий, универсальный характер.

В рассказах и пьесах писателя 1920-х годов постоянно воспроизводятся мотивы и образы русского фольклора, а также характерные для устной народной поэзии средства языковой выразительности. Так, в рассказе «Иван Жох», где дается авторское осмысление пугачевского бунта, Платонов многократно использует не только традиционный легендарный мотив «далекой земли» — Беловодья (что позволяет ему избежать подробной характеристики времени и места происходящих событий), но и фольклорные мотивы узнавания, возвращения избавителя, военного предводительства, мудрого суда, одаривания, необходимые для создания образа «народного заступника», «мужицкого царя». Фольклорная канва произведения усиливается за счет введения в повествование цитат и других интертекстуальных элементов из народных преданий и легенд о царе-избавителе.

Язык и развитие сюжета сатирической пьесы Платонова «Дураки на периферии» также тесно связано с фольклором. Название произведения, разворачивающиеся в нем события содержат прямую отсылку к сказочным текстам о дурнях, благодаря чему абсурдность создаваемой на сцене ситуации получает свое яркое художественное обобщение.

Речь героев изобилует цитатами из прозаического и лиро-эпического фольклора о разбойниках. Писательский замысел раскрывается также через мотивы и образы народной драмы («Лодка», «Шайка разбойников» и др.) и разбойничьей, удалой песни («Из-за острова на стрежень...»). Для дополнительной нюансировки характера социального конфликта писатель использует в пьесе строки из лирических песен («Э-эх, ва субботу, да в день ненастный, нельзя в поле работать...»).

Именно фольклорная образность и элементы языковой выразительности становятся тем ключом, с помощью которого приоткрывается многомерная концептуальная организация авторского мировидения, выявляется сложное переплетение в произведениях А. Платонова эстетических принципов и художественных приемов.

© Голованов И. А., 2012

С. И. Доброва

Воронеж, Россия, svetdobr@mail.ru

Типология символических концептов в фольклорном тексте

Материал исследования концептуальных основ образного параллелизма (ОП) в народной лирике дает основание выделить *три типа символических концептов и форм их языковой реализации*: конкретный («точечный», ядерный) концепт; абстрактный («интегрированный») концепт; гиперконцепт (Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж, 2004).

1. *По степени конкретности — абстрактности содержания*: (I) конкретный — чувственный характер; (II) интегрированный — абстрактный характер; (III) гиперконцепт — аналитический характер. 2. *По соотношению «ядро — периферия»*: (I) — чувственное ядро; (II) — ближняя и дальняя периферия; (III) — крайняя периферия. 3. *По соотношению с разными типами концептов*: (I) — прототип, мыслительная картинка, схема; (II) — фрейм, сценарий, гипонимия; (III) — гештальт. 4. *По степени выраженности динамических характеристик*: (I) — статика; (II), (III) — динамика, эволюция. 5. *По соотношению с уровнями сознания*: (I) — бытийный; (II) — рефлексивный; (III) — духовный. 6. *По характеру символизируемой субстанции*: (I) — условные или объективные; (II), (III) — исключительно объективные концепты. 7. *По характеру функциональной направленности*: (I) — разграничение двух символизируемых субстанций: обряд и чувство; обслуживают кон-

кретную функциональную сферу обрядовой или необрядовой лирики; (II) — объединение двух субстанций (обряд и чувство); (III) — только эмоциональный мир человека (эволюция личностного начала в фольклоре). 8. *По форме объективации концепта*: (I) — конкретная реализация концепта; (II) — парадигма реализаций; (III) — единая модель парадигматических реализаций. 9. *По характеру границ реализации концепта*: (I) — конкретный песенный текст, его варианты и инвариантная структура; (II) — комплекс текстов обрядовой и/или необрядовой лирики; (III) — «песенное пространство» в целом; во многом перерастает границы жанра: миф, различные жанры фольклора и индивидуально-авторское творчество. 10. *По специфике эволюционных процессов*: (I) — эволюция отдельного концепта; (II) — эволюция взаимодействия нескольких тематически объединенных концептов; (III) — генеральная эволюционная линия приема поэтического мышления.

© Добрава С. И., 2012

М. В. Ермолова

Череповец, Россия, hirundo_8@mail.ru

Образ заходящего солнца в рассказах Рэя Брэдбери «Погожий день» и «Берег на закате»

Образ солнца — одна из основных составляющих художественного концепта природы в творчестве Рэя Брэдбери. Статья посвящена описанию образа заходящего солнца — одного из проявлений этого целостного образа. В рассказах «Погожий день» и «Берег на закате» этот образ строится за счет двух основных компонентов — пути и цвета и выступает в качестве проводника в то особое состояние души, которое мы условно называем «чудо». Следует отметить, что солнце в этих рассказах не просто упоминается несколько раз — автор фиксирует внимание читателя именно на поэатном погружении солнца. Основное средство — описание взаимодействия солнца с горизонтом, часто с указанием времени. В рассказе «Погожий день» солнце уподобляется художнику и является со-участником творческого процесса, окрашивая картины Пикассо в причудливые оттенки красного. Загар художника противопоставляется загару туристов по линии «обычное — необычное». В рассказе «Берег на закате» солнце золотит тело девушки-русалки, реализуя идею о превосходстве духовного мира над материальным. Солнце присутствует в рассказах не просто как сторонний наблюдатель — оно взаимодействует с героями рассказа. Взаимодействие реализуется через один из любимых приемов

Рэя Брэдбери — глаза. Отражаясь в них, солнце связывает неразрывной нитью природу и человека в одно целое, и человек приобщается к тайнам природы. Оно создает особое настроение — то, что мы называли чудом. В общем и целом, солнце не только мерило времени, но создатель чуда. Это чудо — осознать, насколько хрупко и неуловимо прекрасное. Неуклонное движение солнца вниз и ограниченность времени реализуют дихотомию созидания и разрушения, разрушения и сохранения и, в конечном итоге, одну из основных дихотомий Рэя Брэдбери — жизни и смерти.

© Ермолова М. В., 2012

С. В. Кейзер

Минск, Беларусь, sofia7712@gmail.com

О. И. Уланович

Минск, Беларусь, oksana.ulanovich@mail.ru

Литературная стилизация как создание эстетической иллюзии

Текст — иерархично организованная система вербальных и экстралингвистических единиц и средств, акт рефлексии личности продуцента/реципиента, особое использование языка в контексте идеологически, национально и исторически обусловленной ментальности. Каждый текст, целенаправленно или спонтанно создаваемый, вступает в диалоговые отношения с другими текстами, вплетая их в собственную структуру на разных уровнях и в разных формах, что и отражено в понятии «интертекстуальность». Последняя реализуется с помощью прагматингвистических средств: цитаты, пародии, плагиат, *стилизации*, аллюзии, коллаж и т. д. В рамках теории интертекстуальности важным представляется рассмотрение явления стилизации, анализ которого возможен с позиции дихотомического единства: а) стилизация текста как таковая (стилизованный текст) и б) стилизация перевода текста (стилизованный перевод).

Стилизация предполагает имитацию стиля и имеет целью иллюзорное воссоздание колорита и стиля эпохи, что достигается посредством стилистически маркированных элементов: *хронотопов*, *фреймов* и *декоративных элементов*. В понятии *хронотопа* воплощена своеобразная модель пространственно-временной организации контекста, отражающая ценностные установки эпохи. Под *фреймом* понимается комплекс символических элементов стереотипной ситуации. *Декоративные элементы* — эстетический реквизит, обеспечивающий де-

тализацию описываемых событий и создание заданной атмосферы. Стилистически маркированные элементы конституируют контекст и формируют псевдореальность — пространство пересечения исторической реальности и иллюзии.

Перевод стилизованных текстов предполагает передачу заданной импликации, имитации и прагматики средствами другого языка. Стилизация перевода — поиск адекватного эквивалента изначальному тексту в другом языке, с учетом сохранения функционально-контекстуального предназначения содержащихся в тексте декоративных стилистически маркированных и смысловых элементов. Стилизованный перевод подчиняется принципу «эквивалентного эффекта», реализация которого возможна только в случае полного понимания эстетически созданной в переводимом произведении иллюзии (жанрово-стилистических особенностей), а также правильного использования переводческих тактик.

© Кейзер С. В., Уланович О. И., 2012

Ю. В. Кузина

Екатеринбург, Россия kuzina85@mail.ru

Сопоставление систем художественных образов в сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» и её переводах на русский язык

Художественный образ, как и образ вообще, является отражением действительности в человеческом сознании. В литературе строительным материалом для создания художественных образов является слово, что происходит благодаря такой способности слова как образность.

Образность слова можно рассматривать с позиций литературоведения и лингвистики. Поскольку наше исследование посвящено исследованию художественного образа в лингвистическом ключе, считаем необходимым заострить наше внимание на тропах как носителях образных значений в лингвистическом смысле.

Для нашего диссертационного исследования теоретической базой послужит когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Следует отметить, что неоспоримым плюсом когнитивной теории метафоры является создание ею фундамента для объединения в метафоре языкового и культурного аспектов. Эта концепция отражает специфику человеческой деятельности, невозможной вне языка и культуры.

Таким образом, исследование художественного текста с позиций теории когнитивной метафоры позволяет сделать выводы о тексте как

продукте культуры, к которой принадлежит автор, а также особенностях его художественного мышления.

Материалом для нашего исследования служит система художественных образов в сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный волшебник страны Оз», её переводе на русский язык С. Белова и литературной обработке А. М. Волкова».

Поскольку текст художественного произведения является продуктом культуры, к которой принадлежит автор, в созданных им словесных образах находят отражение ценности, присущие данной культуре. В нашем исследовании устанавливается, каким образом в тексте художественного произведения отражены культурные ценности непосредственно самого Л. Ф. Баума, переводчика С. Белова и

А. М. Волкова, который не только перевёл текст сказочной повести, но и привнёс в него авторские элементы; каким смыслом наполнен каждый конкретный образ в авторском дискурсе, какой отпечаток на произведение в целом накладывает творческая индивидуальность и художественное мышление автора.

© Кузина Ю. В., 2012

И. Г. Мальцева

Екатеринбург, Россия, inmalzeva@mail.ru

Роман «Троп» Роберта Мюллера

Известный в свое время журналист, публицист и литератор Роберт Мюллер (1887—1924) разоблачает модные в его время идеализации экзотизма. В своем романе «Троп (Тропики)» (1915) он превращает такое экзотическое место как дикие джунгли в их противоположность, позволяя обернуться заявленному в подзаголовке «мифу путешествия» («Mythos der Reise») саморазрушительным путешествием в миф.

Роман Р. Мюллера разыгрывается не только в девственном лесу, джунгли в тексте функционируют как метафора самого процесса повествования. Несмотря на то, что роман в своей основе представляет собой культурно-критическое эссе, переплетение хронологического и рефлексивного повествования, реального действия и «действия в мыслях» в итоге придает тексту фантастическое измерение. Эта фантастика функционирует как средство решительной критики экзотизма, современного писателю, эстетические стереотипы которого он систематически опровергает в своем тексте.

Изображенный в романе «Троп» («Тропики») контакт культур не предполагает никаких позитивных перспектив развития. Мюллер в

очень ироничной манере демонстрирует здесь неспособность западных, рациональных культур к контакту с другими формами цивилизации.

Текст романа Р. Мюллера свидетельствует о трудности изображения контакта с другими культурами без колониально отмеченной риторики «дикого» и «цивилизованного». На основе осознанно-субъективного культурного релятивизма Р. Мюллер создает социально-утопический контрпроект. Однако как далеко его видение от пределов досягаемости показывает заканчивающийся неприкрытым желанием выжить и переходящий в сферу фантастического роман «Тгорен» («Тропики»).

Идиллический взгляд на чужую культуру у Роберта Мюллера разрушен и критически обращен на состояние цивилизации. Внешняя проекция на западные культуры в романе в первую очередь демонстрирует, как опасно может быть мнимо «свое».

© Мальцева И. Г., 2012

Н. Д. Марова

Екатеринбург, Россия, ninamarova@yahoo.com

Что такое театация?

Термин «*театация*» (греч. θεάομαι «зреть, созерцать (умом)») нами введен для обозначения всеобъемлющего ментального процесса, который призван усматривать *своеобразие перспективной картины видения* текста как его *самоценность* (N. Marova. Interpretieren? Deuten? Erklären? (Versuch einer Orientierung) / das Wort. Germanistisches Jahrbuch 1993; Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006).

Данный термин указывает, во-первых, на семантику рефлектирующего усмотрения воспринимаемого, находящегося в зависимости от *точки зрения* воспринимающего субъекта. В этом качестве рассматриваемый в процессе театации текст умственно вкладывается в такую систему «зрительствования», в параметрах которой возникает, в категориальном плане, *символическое «зеркало» видения* текста, способствующее раскрытию его своеобразия, специфичности. Функции «зрителя-теататора» в этом умственном «театре» раздваиваются: с одной стороны, он идентифицирует данный текст в его новом, инобытийном статусе; с другой стороны, он осознает рамки условной аппликативности этого конкретного действия, соотнося его с категориями условности, которую он сам же ей придает. В этой особой «сенсорике» текста театация сродни «шестому чувству» восприятия текста.

Во-вторых, семантика данного термина связана с тем, что способом осуществления и экспликации театативного рассмотрения текста является *интерпретация*, которая операционально производит перевод картины видения данного текста в категории аксиологической системы видения, приписывающей тексту ценностные функции. Принимая состояние посреднического нахождения «*между*» данной перспективой текста и перспективой его иных специфических определений, интерпретация служит театативному усмотрению *индивидуального статуса* текста как его достоинства.

Именно эти качества театации делают возможности восприятия текста практически неисчерпаемыми, а его театативную систему приятательной, вызывая в некоторых своих проявлениях ощущение общаца искусства.

© Марова Н. Д., 2012

О. Ю. Орлова

Екатеринбург, Россия, orlova_82@inbox.ru

Фоностилистичекий аспект заглавий англоязычной литературной сказки

Заглавие является одной из сильных позиций текста. Оно взаимодействует с самим текстом произведения и способно актуализировать тот или иной уровень художественного языка, который особенно важен для автора. Рассмотренные заглавия литературных сказок английских и американских писателей характеризуются типичной для англоязычной традиции начальной аллитерацией и некоторыми другими фоностилистическими приемами, которые, как правило, связаны с явлением повтора. Ритм также задается повтором определенных элементов и активно участвует в оформлении заглавий.

В аспекте перевода заглавия часто представляют собой довольно сложную практическую задачу. Адекватно передать на столь малом пространстве текста и смысл, и форму оригинала оказывается не всегда возможным. В тех случаях, когда язык перевода позволяет это, можно увидеть максимальную приближенность оригинального заглавия к заглавию на языке перевода. Фонетическое подобие встречается крайне редко, что объясняется объективными различиями между фонологическими системами двух языков. Однако сходный эффект может быть достигнут использованием в тексте повтора фонем в той же функции, в какой повтор был использован в оригинале, например, в звукоподражательной функции: «*The three stories about three ways the*

wind went winding» Карла Сендберга переведены Ольгой Бухиной как «Три истории о внезапных вихрях ветра». Невозможность передать аллитерацию вызывает к жизни различные приемы переводческой компенсации. «Many moons» Джеймса Тербера переданы как «Много лун»: отсутствие аллитерации компенсировано идентичностью ритма оригинального и переводного заглавия.

Фоностилистические приемы заглавий предсказывают определенную тональность всего произведения, настраивают читателя на дальнейшее восприятие фонетического компонента текста как значимого для автора. Адекватное воспроизведение особенностей фоностилистики заглавий, как и других стилистических приемов, во многом обеспечивает успех произведения в новой культуре.

© Орлова О. Ю., 2012

Н. Б. Подвигина

Воронеж, Россия, ya_witch@mail.ru

Понятие образности в поэтической речи

На сегодняшний день существует мнение, что писатели и поэты в своих произведениях должны использовать язык толпы. Но это точка зрения наводит на мысль, что есть тенденция подчинить язык истории.

Когда заходит разговор об отношении поэта к языку, то исходя из того, что «язык — мешок со словами», из которых поэт, подобно мозаике, складывает осмысленную картину; язык — дикое животное, поэт — всадник, пускающий его бежать в новом направлении. Так кто же пишет стихотворение — язык или поэт? Поэт может как-то ограничить язык, но не имеет права его калечить. Поэт без языка не может существовать, так же как язык без поэта. Только поэт знает, на что способен язык.

Пишущий стихотворение обрабатывает язык, его цель — звук, придающий слову единственно точное значение. Поэт «гнет, строгаёт и скоблит слово», он создает тысячи созвучий, в совокупности воспринимающихся, как песня. Язык не погибнет оттого, что поэт лепит из него, язык может сопротивляться, постоять за себя, как всякая стихия.

В исследованиях, посвященных языку художественных произведений, а также в работах лексикографического характера неоднократно отмечалось, что писатели часто обращаются к семантизации слов, и в тексте можно найти интересные образцы толкования лексических и фразеологических единиц.

«Толкования слов выполняют, прежде всего, метаязыковую функцию в художественном произведении, выступают как «метатекст в тексте», обращенный непосредственно к читателю. Они носят прагматический характер: сообщают читателю необходимые сведения, способствуют созданию у него добавочных ассоциаций, важных для автора, устанавливают общий для отправителя текста и его адресата код» (Якобсон Р. О., Сборник по теории поэтического языка, М., 1923).

Наиболее часто в художественном тексте подвергаются семантизации лексические единицы, которые содержат элемент новизны для читателя или допускают возможность различного толкования их смысла. Таковыми являются диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, термины, историзмы, архаизмы, новообразования.

Непонятные читателю слова в речи автора семантизируются в связи с ориентацией автора на определенную модель читательского восприятия, с учетом фоновых знаний читателя о той или иной реалии.

© Подвигина Н. Б., 2012

Н. В. Разумкова

Тюмень, Россия, 18nadezhda3@mail.ru

«И меня сравнением не смущая»: к вопросу о цветовой картине мира в лирических произведениях О. Мандельштама

Художественная речь О. Э. Мандельштама, представляющая собой богатейший пласт лексического, психологического, когнитивного материала, становится предметом систематического изучения, подвергается разноаспектным опытам научного анализа. К числу наиболее привлекательных объектов изучения относятся сравнительные конструкции, функционирующие в произведениях поэта, тем более что сам мастер придавал большое значение данной лингвофилософской категории, подчеркивая, что «нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть — сравнение» («Разговор о Данте»). Объемное постижение мира и человека посредством слова нашло воплощение в стихотворных текстах высочайшей пробы, и поэтому оно актуально а priori.

«Зоркий метафорист» (В. Ходасевич), Мандельштам поражает читателя свежестью и новизной образов. Традиционная тема цветowych обозначений приобретает в его творчестве оригинальный облик за счет неожиданных, удивляющих сравнений. В рамках заявленной темы поле исследования ограничено раскрытием экспрессивно-образного потенциала колористических эпитетов, смыслом которого является

реконструирование цветовой картины мира в стихотворном корпусе как когнитивно-поэтического феномена. В ходе решаемых задач принята попытка определить, с какой степенью глубины фиксируются посредством компаративных единиц «креативные мотивы» лирики Мандельштама.

В докладе на материале корпуса стихотворений (Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х т. М., 1991) рассматривается колоративная парадигма цвета в ситуации сравнения, характеризуется зона оттеночности, выявляются художественные реалии, которые потребовали специфического обозначения цвета, индивидуального знания, объективированного в слове.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о сравнениях, строящихся на колористических образах, как ярких манифестантах поэтической картины мира. Цветовые компаративы придают лирическому тексту индивидуальный слепок, отличающийся лингвистическими и культурно-эстетическими параметрами. Органично вписанные в ткань произведения, они привносят новые смыслы, формируют нестандартные коннотации, сквозь призму которых просматривается личность величайшего поэта XX века, творчество которого давно признано одной из вершин «серебряного века» русской словесности.

© Разумкова Н. В., 2012

Е. Г. Фоменко

Запорожье, Украина, clara8257@mail.ru

Текстотипологический инвариант индивидуально-авторской концептосферы

Текстотипологический инвариант индивидуально-авторской концептосферы в идиостиле писателя формируется взаимодействием с однокронными идиостильями писателей, концептуализации которых наполняются сходным содержанием в художественном дискурсе своего времени. Маркерами инварианта являются данные, первичные текстовые константы, вбирающие в себя базовые духовные (культурные) концепты, закрепленные в художественном дискурсе. Трансформируя вербализации базовых концептов, идиостиль писателя оперирует сквозными текстовыми константами как их комбинаторными вариациями, которые осваиваются индивидуально-авторской концептосферой. Текстотипологический инвариант интерпретируется в матрице текстостилевого концепта СОПРИКОСНОВЕНИЕ, который составляется противоборствующими сторонами ДЕЙСТВИЕ / НЕ-ДЕЙСТВИЕ,

ЕДИНЕНИЕ / НЕ-ЕДИНЕНИЕ. Каждая сторона обобщает сквозные текстовые константы путем индивидуально-авторского преломления НЕЧТО ПОДОБНОГО (например, *something* у Джеймса Джойса или *нечто, что-то, что-то такое, какое-то* у Андрея Белого), уже осознанного как концептуализация, но еще не получившего иной индивидуально-авторской вербализации. Наслоение НЕЧТО ПОДОБНОГО в индивидуально-авторской форме служит сигналом вхождения в интерпретативную перспективу, где выводится текстотипологический инвариант через СОПРИКОСНОВЕНИЕ НЕЧТО ПОДОБНЫМ.

Таким образом, индивидуально-авторская концептосфера содержит вербализации готовых базовых концептов, опирается на них, но не сводится к ним. Текстотипологический инвариант выводится из интерпретационных проекций двух видов. С одной стороны, интерпретируется СОПРИКОСНОВЕНИЕ множественных концептуализаций внутри данного идиостиля, совокупность которых составляет индивидуально-авторскую концептосферу. С другой стороны, выведенный текстотипологический инвариант для отдельного идиостиля проецируется в однохронные идиостилы писателей, становясь по отношению к ним индивидуально-авторским.

© Фоменко Е. Г., 2012

Теория и методика обучения языку и межкультурная коммуникация

М. В. Батюшкина

Омск, Россия, soulangeana@mail.ru

Лингвометодические основы построения акцентологического материала в учебном процессе с учетом теории речемыслительной деятельности

Акцентологическая грамотность является одним из важнейших средств повышения культуры и гуманизации образования, навыки ее совершенно необходимы как для удовлетворения потребностей в получении соответствующего образования, так и в социальной и профессиональной деятельности.

Возможности решения акцентологических вопросов при изучении основных разделов школьного курса русского языка определяются не только фонетическим и фонологическим подходами в способе и последовательности изложения учебного материала, то есть посредством освоения его основных свойств (фиксированности, размещенности, подвижности), акустических и артикуляционных параметров, но и работой с акцентными парадигмами и текстами. Другими словами, процесс обучения должен быть направлен на формирование языковой и речевой компетенций в их теоретическом и практическом аспектах.

Усвоение особенностей произношения в целом способствует ускоренному овладению нормами речи. Знание специфики акцентологической системы помогает освоить ритмическую звуковую организацию речи, что обеспечивает лучшее понимание и производство речевого текста. В свою очередь, умение пользоваться звуковой организацией помогает выделять и разграничивать в речи основные и дополнительные смысловые оттенки, основное содержание и подтекст, способствует овладению эмоциональными возможностями речи.

Современная система обучения, ориентированная на работу с текстом, интеграционные моменты — все это заставляет по-новому посмотреть как на известное понятие «ударение», так и на возможность обогащения того или иного материала акцентологическим комментарием. Повышение эффективности процесса обучения русскому словесному ударению возможно с учетом теории речемыслительного процесса: на основе построения опорных схем и приемов развертыва-

ния их в текст, дидактически связанного построения заданий, совершенствования умственных способностей на основе теории внутреннего плана действий.

© Батюшкина М. В., 2012

С. А. Безбородова

Екатеринбург, Россия, sun607@mail.ru

Средства новых информационных технологий и их возможности в процессе обучения иностранному языку

В процессе профессиональной подготовки специалистов возникает ряд противоречий: рост информации несовместим с ограниченным временем, выделяемым на изучение дисциплины; традиционные формы обучения исчерпывают себя, но ограничены и возможности современных технологий; и др. Ожидается, что именно широкое использование новых информационных технологий будет способствовать преодолению этих противоречий.

Информационная технология (ИТ) — часть научной области информатики, представляющая собой совокупность средств, способов, методов автоматизированного сбора, обработки, хранения, передачи, использования, продуцирования информации для получения определенных, заведомо ожидаемых результатов. (Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М., 1994)

Под средствами новых информационных технологий (СНИТ) будем понимать технические устройства, которые включают: компьютеры всех классов, устройства ввода речи в компьютер, сканеры, базы данных, системы мультимедиа, видео- и телетекст, модемы, компьютерные сети, информационно-поисковые системы, цифровые фотокамеры, экспертные обучающие системы, устройства ввода графической информации, гипертекстовые системы, телевидение, радио, телефон и факс, голосовую электронную почту, телеконференции, электронную доску объявлений, программные средства навигации в Интернете, электронные библиотеки, программные средства учебного назначения, системы распознавания текста, программные комплексы (языки программирования, трансляторы), синтезаторы речи по тексту, средства передачи данных, пейджеры, системы «виртуальной реальности», геоинформационные системы. (Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.)

Рассмотрим СНИТ, применяемые в обучении иностранным языкам: персональный компьютер, программные средства (системные программы, прикладные программы и инструментальные средства для разработки программного обеспечения), универсальные офисные прикладные программы и средства ИТ: текстовые процессоры, электронные таблицы, программы подготовки презентаций, системы управления базами данных, органайзеры, графические пакеты и т. п. Мировые информационные ресурсы (электронные библиотеки, базы данных, хранилища файлов, и т. д.). Электронная почта, списки рассылки, группы новостей, чат. ИТ — Интернет-телефония. Автоматизированные поисковые средства, сетевые средства ИТ. Видеозаписи и телевидение. Образовательные электронные издания.

Особого внимания заслуживает описание уникальных возможностей СНИТ: 1) незамедлительная обратная связь; 2) компьютерная визуализация учебной информации; 3) архивное хранение больших объемов информации с возможностью ее передачи, а также легкого доступа и обращения пользователя к центральному банку данных; 4) автоматизация процессов вычислительной информационно-поисковой деятельности, а также обработки результатов учебного; 5) автоматизация процессов информационно-методического обеспечения, организационного управления учебной деятельностью и контроля за результатами усвоения.

Рассмотрение СНИТ и их возможностей позволяет сформулировать выводы: применение средств обучения, функционирующие на базе новых информационных технологий, позволяет расширить спектр видов учебной деятельности и организовать: информационно-учебную деятельность, экспериментально-исследовательскую деятельность, разнообразные виды самостоятельной учебной деятельности, деятельность по обработке информации, деятельность по представлению и извлечению знаний, деятельность по созданию прикладных программных средств. По количественному составу и разнообразию видов новое поколение средств обучения, функционирующих на базе ИТ, по сравнению с традиционными средствами обучения, богаче. Возможности нового поколения средств обучения, функционирующих на базе ИТ, позволяют разнообразить виды учебной деятельности, направленной на развитие творческого потенциала индивида, на формирование информационной культуры — необходимой составляющей культуры члена современного информационного общества.

Е. А. Брылина

Екатеринбург, Россия, bryulina@list.ru

Первая переводная грамматика английского языка на русский — грамматика М. Пермского (1766 г.)

Связь культурной истории страны с изучением иностранных языков в России. XVIII век — эпоха «последовательной переориентации культуры на ценности государства» (Булкин А. П. Изучение иностранных языков в России. М., 1998). Возникновение потребности в людях, владеющих иностранными языками. Налаживание деловых и дипломатических контактов России.

Трудности на пути изучения английского языка: отсутствие словарей, грамматических руководств и носителей английского языка. Учреждение Екатериной II специального переводческого общества «Собрания старающегося о переводе иностранных книг» с рядом переводчиков английского языка (П. И. Жданов, А. И. Лужков, Л. И. Сичкарев, М. Пермский и другие). Разнообразие руководств для изучения иностранных языков. Создание большинства учебно-лингвистической литературы для «нужд преподавания в учебных заведениях» (Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1905).

Краткая биография Михаила Пермского, предпосылки создания учебного пособия «Практическая английская грамматика». Общее описание грамматики, особенностей строения, своеобразия грамматической терминологии. Привязанность грамматики М. Пермского латинскому образцу. Грамматико-переводной метод в качестве основы изучения английского языка.

© Брылина Е. А., 2012

Т. П. Ваганова

Екатеринбург, Россия, vaganova.85@mail.ru

Оценка и оценочность: в чем разница?

Антропоцентрический подход к изучению языковых явлений становится главной доминантой современной лингвистики. Именно на языковом уровне человек имеет возможность образно и ярко выразить свое отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии, иными словами выразить оценку. Языковая оценка является категорией антропоцентричной, ориентированной на отражении интересов человека и не может существовать отдельно от них. Как справедливо отмечает А. А. Шмелева, «когда речь идет об оценке, на первый план

выступает человеческий фактор» (Шмелева А. А. Оценочность в прагматике высказывания. Бирск, 2004). Учитывая значимость категории оценки, большинство исследователей предлагают определять ее через философско-логическое понятие ценности, т. к. именно система ценностей, по мысли А. К. Абишевой, составляет осевой смысл бытия человека в мире, его смысловой центр (Абишева А. К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002). Наиболее убедительным является определение, предложенное Р. М. Якушиной, где оценка понимается как «отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» (Якушина Р. М. Динамические параметры оценки. Уфа, 2003).

При этом несомненным представляется, что подобная ценностная ориентация субъекта проявляется в высказываниях им оценочных суждениях, рематические элементы которых содержат оценочные понятия. Как пишет С. В. Иванова, «ценностность как лингвокультурологическая категория предполагает реализацию в рамках дискурса ценностей того или иного лингвокультурного сообщества» (Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии. Екатеринбург, 2008).

Если говорить о соотношении понятий «ценность» и «оценка», можно отметить, что ценность относится к сфере идеального бытия, а оценка представляется собой «психический акт оценивающего субъекта». Ценность и оценка — понятия разного уровня, но при этом ценности лежат в основе оценок и через оценку проявляют себя.

© Ваганова Т. П., 2012

Е. Е. Горшкова

Екатеринбург, Россия, katyag@mail.ru

Сложности дистанционного языкового образования

Неизбежность развития дистанционного обучения (ДО) обусловлена современными тенденциями глобализации, компьютеризации и потребностью в непрерывном образовании, что нашло отражение и в последней редакции Закона об образовании. Плюсы данной формы обучения очевидны: экономия временных затрат учащегося, доступность для удаленных пользователей, гибкость учебного графика и индивидуальный подход к студенту, интерактивность обучения. В случае обучения иностранным языкам (ИЯ) можно говорить и о более широких возможностях для моделирования языковой среды.

Дистанционное обучение ИЯ понимается как форма обучения ИЯ на расстоянии с использованием специально разработанной обучающей среды. Какие же требования предъявляются такой среде? Е. С. Полат выделяет четыре критерия ее эффективности (Организация дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций. Открытое образование. 1998. № 1): 1) эффективность взаимодействия преподавателя и обучаемого; 2) используемые технологии; 3) эффективность методики обучения; 4) эффективность обратной связи. Таким образом, само по себе ДО не является решением всех методических проблем, т. к. это всего лишь форма обучения, в которой находят отражение все достижения и проблемы традиционных форм обучения, помноженные на достоинства и недостатки частных технологических решений.

В сфере языкового образования можно выделить два типа технологических решений. Первый тип среды связан с преподаванием теории языка и вполне может быть основан на универсальных и уже довольно широко апробированных разработках в области ДО. Например, традиционными компонентами обучающей среды на портале дистанционного образования УрГПУ distant.uspu.ru являются: 1) создаваемый преподавателем электронный учебник; 2) система обратной связи через тематическое тестирование, творческие письменные работы и вебинары; 3) дополнительные интерактивные учебные материалы (глоссарий, опросы, ссылки на другие ресурсы и т. п.) Наиболее распространенные проблемы, с которыми сталкивается преподаватель при работе в системе, — это низкий уровень технической поддержки образовательной среды, высокие затраты на разработку контента при почти полном отсутствии специальной методической подготовки, недостаточный уровень развития компьютерной и информационной грамотности студентов и их неготовность к интенсивной самостоятельной учебной деятельности в удаленном режиме.

Второй тип технологических решений дистанционного языкового образования связан с попыткой реализации практических занятий по ИЯ. При этом эффективность дистанционного языкового образования значительно снижается по всем четырем критериям. Во-первых, возникает ряд чисто технических сложностей: 1) не всегда предусмотрена возможность работы с национальными формами раскладки клавиатуры; 2) повышается нагрузка на телекоммуникации в режиме реального времени, при этом значительно возрастают требования к их качеству. Во-вторых, когда объектом усвоения являются не знания, а речевая деятельность, опосредованная коммуникация, даже в случае ее идеаль-

ного технического решения, становится определенной преградой на пути общения, моделируя неестественную коммуникативную среду, в которой, по нашему мнению, не может сформироваться полноценная вторичная языковая личность. Кроме того, методическое наполнение такого практического занятия по ИЯ в настоящее время мало отличается от простого сеанса связи по Интернет-телефонии.

Дело в том, что компьютерный дискурс обладает своими коммуникативными особенностями (Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций). Волгоград, 2001), такими как устно-письменный характер (снижение роли невербальной составляющей коммуникации), дистантность и опосредованность (затрудненная обратная связь), анонимность и виртуальность (снижение степени самостоятельности работы и вовлеченности учащегося в процесс общения и обучения) и др.

Таким образом, на данном этапе развития технологии дистанционного обучения и лингводидактики в целом нам кажется эффективным сосредоточиться именно на внедрении дистанционного образования для обучения теории языка, возможно, переводу. В практическом курсе иностранного языка посредством дистанционного обучения можно организовывать отдельные педагогические эксперименты (виртуальные страноведческие проекты, системы поддержки самостоятельной учебной деятельности, дополнительные творческие задания), интегрируемые в традиционную систему обучения и дополняющие ее.

© Горикова Е. Е., 2012

О. А. Дмитриева

Волгоград, Россия, dmoa@yandex.ru

Языковая мода как коммуникативная характеристика языковой личности

Языковая личность как многомерное образование, предоставляет широкое поле для исследовательской деятельности лингвистов. Коммуникативное проявление языковой личности возможно проанализировать с точки зрения языковой моды. Будучи социальным феноменом, «мода» представляет собой с одной стороны — поведенческий регулятив, с другой — характеристику языковой личности с точки зрения вербального и невербального проявления, и с этой точки зрения целесообразно говорить о языковой моде.

Мода представляет собой регулятив, определяющий коммуникативное поведение языковой личности.

Гипотетически, носителей лингвокультуры можно разделить на 3 группы, по признаку позиции моды в ценностной шкале предпочтений: сознательные модники, несознательные модники, уклоняющиеся.

Проявление моды в языке происходит на всех уровнях, начиная с фонетического, заканчивая синтаксисом. Кроме того, немаловажен анализ ценностной составляющей «модной языковой личности», поскольку в зависимости от приоритетов, носитель лингвокультуры может относиться к моде амбивалентно, однако, прослеживается неосознанное воспроизводство отдельно взятых элементов модного составляющего языка, в связи с их частым цитированием.

Обязательным условием моды является новизна и кратковременность, как только происходит частое цитирование модной языковой единицы, она теряет остроту и оригинальность, редуцируется до клише.

Говоря о частотности воспроизводства языковой единицы, необходимо разграничить моду и паразитарность, связанную с сверхчастотным употреблением какой-либо языковой единицы, возможно модной

Мода проявляет себя в большей степени среди молодежи, поскольку функции моды: подчеркивание своего статуса, стремление выглядеть современным, не отстать от других. У языковых личностей, занимающих высокий социальный статус, проявление моды должно носить регулируемый характер, т. к. слепое подражание и копирование модных единиц может привести к понижению статуса.

© Дмитриева О. А., 2012

М. А. Захарова

Новоуральск, Россия, zamaga@inbox.ru

Наглядность при обучении иностранному языку детей с нарушением костно-мышечной системы

Одним из главных принципов работы с детьми с нарушением опорно-двигательного аппарата, в частности при обучении иностранному языку, является наглядность, в основе которой находится процесс познания окружающего мира через органы чувств (непосредственно-чувственное познание) или с помощью предметов, например, моделей, фотографий, рисунков, видеофрагментов, звукозаписей, различных приборов (опосредованное). При работе с данной категорией детей необходимо создавать произвольно-наглядные образы с чётким предоставлением алгоритма действий учащихся, которые обеспечивали бы объект

усвоения. Обучение таким образом сформирует у учащихся понятие. Необходимо, чтобы предмет воспринимался ребёнком, и под руководством учителя ощущения превращались в слова (К. Д. Ушинский).

Наглядность имеет различные виды восприятия, без доминирующего положения одного над другим. При изучении лексики иностранного языка большое значение имеют натуральные образы и изображения, при предъявлении грамматики — выделение морфем или целых слов разными цветами и геометрическими фигурами, стрелки при изменении порядка слов в предложении, таблиц при сравнении образования форм прилагательных или глаголов, на фонеминутках — просмотр видео или прослушивание звукозаписей. Лучший вариант обучения — объединение этих видов.

Важно использовать наглядные средства целенаправленно, не перегружая ими урок, так как излишнее количество наглядности может помешать сосредоточиться учащимся при обдумывании. Наглядность и комментарии учителя должны сочетаться. Учитель сообщает сведения о предметах и процессах, ученики с помощью наглядности получают подтверждение. Более эффективный способ такого сочетания: учащиеся ведут наблюдение за предметом под руководством учителя, выявляя новые для них знания о внешнем облике этого предмета, о его строении — творческое применение.

Определены функции наглядности (Я. А. Коменский), при умелом использовании которых будут улучшаться процессы восприятия, мышления, памяти и воображения на уроках ИЯ: формирование слуховой и визуальной культуры, создание ассоциаций для подтверждения теоретических предположений, информирование учителя о понимании учащимися предъявляемого материала.

© Захарова М. А., 2012

В. Ю. Копров

Воронеж, Россия, koprov@mail.ru

Сопоставительный синтаксис в преподавании русского и английского языков как иностранных

Идея создания учебного пособия по сопоставительному синтаксису русского и английского языков родилась из практической необходимости.

Хотя русский и английский языки изучаются давно и широко, многие факты их грамматики до сих пор являются предметом научных споров и скупо представлены в национально ориентированных

учебных пособиях. При сложившемся положении дел студенту, аспиранту, преподавателю языков как иностранных или переводчику трудно найти достаточно полную и непротиворечивую информацию о типах, внутреннем устройстве и особенностях функционирования предложений того или другого языка. Результаты моих многолетних изысканий в данной области нашли свою реализацию в монографии (Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010), на основе которой было создано учебное пособие (Копров В. Ю. Сопоставительный синтаксис русского и английского языков: учебное пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2011).

Пособие состоит из трех частей. В первой части кратко излагаются основные положения сопоставительного синтаксиса разноструктурных языков. Во второй части проводится семантико-структурное сопоставление предложений русского и английского языков. В третьей части синтаксис двух языков сопоставляется в семантико-функциональном плане. Особое внимание уделено полям физического воздействия субъекта на объект, локализации и посессивности. Описана синонимия простых и сложноподчиненных предложений, выражающих причинно-следственные и временные отношения. Рассмотрены особенности синтаксиса официально-делового стиля русского и английского языков.

В конце каждой части даются вопросы и задания для самоконтроля. Имеется развернутый список современной литературы по изучаемым темам.

Материалы пособия применяются на занятиях по русской и английской грамматике и переводу с различными контингентами русских и иностранных учащихся высших учебных заведений.

© Копров В. Ю., 2012

К. I. Korepanov, V. K. Korepanov
Almetyevsk, Russia, vipcuore@gmail.com

Strategic prospects of Spanish as a world-wide language of business communication

Abstract. English, Chinese or Spanish: World Language Future Preferences (Ostler, Nicholas. Empires of the Word: A Language History of the World. New York: Harper Perennial, 2005. ISBN 0-06-093572-3) in a Modern Global Economic Environment are discussed in the paper.

The article examines the impact of economic globalization on the choice of the way language development continues (David Crystal, The

Cambridge Encyclopedia of Language // Cambridge: Cambridge University Press, 1987, p. 312), addressing the less saturated markets all over the business world. Our vision focuses on a 20-year term til 2030. The issue of prioritization of the «one of three» prospective languages [which are within the scope of interests and competencies of the author] is highlighted, subject to selection, on the author's view, from the following internationally spoken ones: English, Chinese or Spanish. Thus, language preferences of the coming business world are drawn up through the representation of tangible «pros and cons» of each of the so-called «communication tools» (Беловицкая Ю. Китайский — язык будущего // Журнал «Куда пойти учиться». [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <http://www.ucheba.ru/language-article/6945.html>), claiming the role of «lingua franca» (The Last Lingua Franca: English Until the Return of Babel. By Nicholas Ostler. Walker & Company; 368 pages) in the current global economic space, especially in finance and entrepreneurship (DeFrancis, John (1984). The Chinese Language: Fact and Fantasy).

On the prospects, by 2030, i. e. in two decades, I deem Spanish will gain a weight (Grijelmo, A.: Defensa apasionada del idioma castellano. Madrid: Grupo Santillana de Ediciones, 1998; V Congreso Internacional de la Lengua Española // [Web-resource]. — Mode of access: www.cervantes.es).

Furhermore, eventually the statistics is that, according to Firsova, in the last decade the world has been increasingly preferring the Spanish language and culture (The modern Spanish language in Spain and countries of Latin America // Manual. N. M. Firsova. — M., 2007. — 352 p.), while turning to the heritage of Latin civilization, being more close to its roots (Cano, Rafael (coord.): Historia de la lengua castellana. Barcelona: Ariel Lingüística, 2005).

© Korepanov K. I., Korepanov V. K., 2012

М. О. Куницкова

Екатеринбург, Россия, shamrock_8@inbox.ru

Искусственный билингвизм и языковая игра

1. «Билингвизм — способность отдельного индивидуума или народа общаться на двух языках, а билингв — носитель двух систем общения» (Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: 1969.)
2. «Билингвизм может варьироваться от элементарного знания контактного языка до свободного владения им» (Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.)

3. Объектом нашего исследования стал искусственный билингвизм (или classroom bilingualism) как лингвистический феномен, «обозначающий овладение инофонным лингвокультурным кодом в искусственно-моделируемых коммуникативных условиях с целью его потенциального использования для профессиональной или личностной самореализации в контексте межкультурного общения» (Черничкина Е. К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.)

4. «Усвоение иностранного языка идет путем противоположным тому, которым идет развитие родного языка... Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный — начиная с осознания и намеренности. Поэтому можно сказать, что развитие родного языка идет снизу вверх, в то время как развитие иностранного языка идет сверху вниз» (Хамраева Е. А. Билингвизм как итог организации современного языкового образования в школах России: Сайт Аллы Баркан и Международного Союза родителей. 2010. URL: <http://abarkan.ucoz.com/index/bilingvizm/0-55>).

Таким образом, мы можем констатировать факт «отсутствия эмоционального фактора» при искусственном билингвизме.

5. Материалом исследования послужили письменные работы студентов в условиях искусственного билингвизма (что составило 80 сочинений или шестьсот тысяч знаков) на английском языке, а также скрипты аудиторных занятий (60 академических часов или пятьсот тысяч знаков). В результате анализа нами были обнаружены примеры языковой игры на всех уровнях языковой системы (графический, морфологический, лексический, синтаксический)

6. Под языковой игрой мы, вслед Т. А. Гридиной, понимаем «вид речемыслительной деятельности, особую форму лингвокреативного мышления, основанную на способности говорящего к актуализации и переключению (ломке) ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков при использовании лингвистических операциональных механизмов» (Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996).

7. Анализ практического материала приводит нас к выводу, что языковая игра оказывается одним из проявлений «эмоционального фактора», отсутствие которого мы констатировали.

8. Характер языковой игры при искусственном билингвизме (при освоении иностранного языка) похож на процесс освоения родного языка, особенно в детской речи.

© Куницкова М. О., 2012

Ма Лиань

Тайпей, Тайвань, st.conference@rambler.ru

Произведения Анны Ахматовой как методический материал для филологического анализа для студентов, изучающий русский язык как иностранный

Филологический анализ текста является неотъемлемой составляющей языкового образования факультетов русского языка как иностранного. Изучая русский язык, студент часто выбирает автора, анализируя произведения которого, ему удастся вскрыть глубинные структуры изучаемой культуры.

С тех пор как я сроднилась с русским языком, мне понравилась поэзия Анны Ахматовой. В двадцатом веке, Анна Ахматова была одной из самых известных русских поэтесс. За время её долгой карьеры литературного творчества, она пережила Первую мировую войну, советскую власть, диктатуру Сталина, Вторую мировую войну и холодную войну. Она стала свидетельницей русской истории двадцатого века. Она отражала и страдающую судьбу всего русского народа в своих произведениях, описывая следы истории. После распада Советского Союза на работу Анны Ахматовой снова обратили внимание и дали ей справедливую оценку.

Люди называют её «Луна русской поэзии». Мне кажется, это звание соответствует её творчеству. Стиль Анны Ахматовой не такой ясный, как у Пушкина, наоборот, стиль у неё меланхоличный, как будто женщина, одетая в чёрное, рассказывает свою историю. Когда я не в настроении, я читаю её стихи, и это успокаивает меня, словно купание при свете луны. Недавно мы отметили Китайский новый год, называемый «Праздник Весны». На вечеринке я прочитала стихотворение Анны Ахматовой, в котором говорилось о предчувствии любви, о том, что, наверное, придёт что-то весёлое, как весенний ветер, который приносит нам свежесть.

*То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,*

*То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.*

*Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.*

Говорят, что русские люди скупаются на улыбку. Я считаю, что русские не скупаются на смех, только они не любят смеяться без причины. Когда я принимала участие в празднике Весны, все русские пели громко и весело. Смех у них был таким заразительным и искренним. Я люблю видеть улыбку у русских, которая сияет, как солнце.

Так, поэзия Анны Ахматовой не только помогла мне освоить мелодику русскоязычной речи, узнать больше о истории России, но и найти близкие моей родной культуре поэтические образы и через это лучше понять характер русского человека.

© Лиань Ма, 2012

М. С. Мысик

Екатеринбург, Россия, ms.msk@mail.ru

Место иностранного языка в высшем профессиональном образовании (в контексте стандартов нового поколения)

Образовательные стандарты нового поколения делают акцент на развитии у студентов компетенций: общекультурных, профессиональных и т. д. Модель специалиста представляется совокупностью личностных и профессиональных качеств, таким образом, компетентностный подход в образовании становится предпочтительным.

Образовательные стандарты нового поколения по всем направлениям подготовки бакалавров закрепляют за иностранным языком (ИЯ) статус обязательного предмета (он входит в базовую часть цикла гуманитарных, социальных и экономических дисциплин, и — в ряде случаев — цикла профессиональных дисциплин).

Что касается требований к освоению ИЯ, формулировки различаются: «уровень не ниже разговорного» (например, *Гостиничное дело, Физкультура*); «уровень, обеспечивающий эффективную профессиональную деятельность», либо «свободное пользование ИЯ... для выполнения профессиональных задач», либо «способность получать и использовать в своей деятельности знание ИЯ (*Менеджмент, Прикладная информатика, Физика* соответственно); «письменная и устная коммуникация» и «навыки делового общения» (*Туризм, Биология*).

Общим для подобных специальностей является то, что компетенции, связанные с освоением ИЯ, относятся к общекультурным.

Для тех специальностей, профессиональные компетенции которых предполагают овладение 1 или более ИЯ (например, *Международные отношения*), стандарт предусматривает развитие сразу нескольких профессиональных компетенций, тесно связанных с применением ИЯ. Более того, коммуникация, перевод и другие виды деятельности на ИЯ вынесены в разряд профессиональных задач для данной специальности.

Как видим, овладение ИЯ согласно стандартам нового поколения является обязательной и неотъемлемой частью учебного процесса, однако желательный уровень соответствующих компетенций определен довольно невнятно. И в ситуации, когда федеральная программа по ИЯ для вузов (факультетов) неязыковых специальностей по новым стандартам (пока еще?) отсутствует, а распределение часов отдано в ведение самих вузов, возможны варианты как увеличения часов на ИЯ, так и их сокращения (такие примеры тоже имеются). В этом и заключается основная проблема.

© Мысик М. С., 2012

Г. В. Походзей

Печора, Россия, g.v.pokhodzey@mail.ru

Роль внеаудиторной работы в процессе изучения иностранного языка (ИЯ)

Система образования, построенная на гуманистических принципах, на основе межкультурного диалога призвана способствовать преодолению «цивилизационного кризиса». Создание общеевропейского дома, расширение экономических, политических и культурных контактов, а также совершенствование системы народного образования на современном этапе требует нового подхода к преподаванию иностранного языка. В связи с этим возникает потребность в обеспечении такой организации учебного процесса, которая бы способствовала развитию личности обучаемого. Необходимость решения нестандартных задач, как в процессе учебы, так и в будущей профессиональной деятельности требует развития эвристичности (от греч «отыскиваю», «открываю») мышления, креативности (творческой силы), оперативности, целеустремленности, инициативности в решении проблем.

Внеаудиторная работа (ВР) по ИЯ имеет большое общеобразовательное, воспитательное и развивающее значение. Эта работа

не только углубляет и расширяет знания иностранного языка, но и способствует также расширению культурологического кругозора курсантов, развитию их творческой активности, эстетического вкуса и повышает мотивацию к изучению языка и культуры другой страны.

При организации и проведении внеаудиторного мероприятия от педагога требуется тонкое и умелое наблюдение и изучение интересов обучающихся, учет их возрастных и психологических особенностей, их интересов.

Выбор темы внеаудиторного мероприятия определяется, с одной стороны, объемом языкового материала, с другой стороны, уровнем общеобразовательной подготовки курсантов, возможностью реализации некоторых межпредметных связей. Необходимо максимально использовать знания и умения курсантов, приобретенные ими в процессе учебы и участия во внеаудиторной работе.

Внеаудиторную работу по ИЯ (Ляховицкий М. В., Миролубов А. А. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. — М: Высшая школа, 1982) можно определить как систему неоднородных по смыслу, назначению и методике проведения просветительно-воспитательных мероприятий, которые выходят за пределы обязательных учебных программ.

Внеаудиторная работа по ИЯ решает такие задачи:

- усовершенствование знаний, привычек и умений, приобретенных на уроках ИЯ;
- расширение мировоззрения курсантов;
- развитие их творческих способностей, самостоятельности, эстетичных вкусов;
- воспитание любви и уважения к людям своего родного края и страны, язык которой изучается.

Итак, ВР представляет собой необходимый компонент учебного процесса, раскрывающий систему взаимоотношений и связей обучающихся и курсантов и должен строиться таким образом, чтобы он способствовал не только развитию языковых знаний, умений и навыков у курсантов, но и был нацелен на формирование познавательности, самостоятельности и активности, развитие творческого профессионального мышления, воспитывая интерес к самостоятельной учебно-познавательной деятельности. ВР органически входит в общую дидактическую модель комплексного решения задачи повышения качества обучения.

© Походзей Г. В., 2012

Н. С. Роготнева

Екатеринбург, Россия, nadya_rogotneva@list.ru

Практикум перспективной самостоятельной работы как эффективная организационная форма процесса развития иноязычной лингво-нормативной учебной компетенции

В качестве целесообразных организационных форм процесса развития иноязычной лингво-нормативной учебной компетенции можно выделить: интегрированные модули в практическом курсе ИЯ и серию *практикумов перспективной самостоятельной работы*.

Под *практикумами перспективной самостоятельной работы* подразумевается серия заданий с отсроченным контролем, объединенных определенной тематикой, предназначенных для самостоятельного выполнения. При этом обговариваются общее содержание и объем работы, а так же сроки выполнения. Конкретное наполнение заданий и способы их выполнения определяются обучающимся в зависимости от индивидуальных дефицитов, предпочтений и стиля учебной деятельности.

На этапе ориентируемой учебной деятельности предполагается последовательное выполнение студентами двух блоков практикума перспективной лингво-нормативной самостоятельной учебной деятельности (СУД) (с управляющими занятиями контролируемой самостоятельной работы (КСР)): совершенствования устной и письменной речи с акцентированием лингво-нормативной СУД и совершенствования языковой правильности. Первый блок предусматривает самостоятельную проработку студентами устно-речевой тематики в рамках курса по практике речи по материалам современной англоязычной прессы с последующим выступлениями с докладами на занятиях и написанием эссе. В процессе подготовки докладов/эссе студенты заполняют бланки самооценки, которые позволяют им отслеживать ошибки и предполагают организацию работы по их коррекции. Второй блок включает работу над типичными индивидуальными ошибками в иноязычной речи студентов. Его содержание заключается в наблюдении студентами за собственной устной и письменной речью, отслеживании и фиксации ошибок, выявлении типичных ошибок, определении причин данных ошибок, подборе материала для преодоления ошибок после консультации с преподавателем, осознанном целенаправленном активном использовании грамматических явлений, представляющих трудности, в речи.

На этапе собственно самостоятельной учебной деятельности студенты работают по индивидуальному практикуму совершенствования языковой правильности. Данный практикум предполагает выявление типичных ошибок силами студента, самостоятельное планирование деятельности по работе над правильностью речи и не подразумевает занятий КСР, а только консультационные встречи с частично контролирующей функцией.

© Роготнева Н. С., 2012

Г. В. Романова

Лесной, Свердловская область, Россия, g34868@mail.ru

Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку в средней общеобразовательной школе

В современном обществе информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) приобретают главенствующий характер. Использование ИКТ в школьном образовании является одним из способов повышения эффективности и интенсификации обучения иностранному языку (ИЯ).

В связи с введением новых норм ФГОС учителю иностранного языка необходимо овладеть системно-деятельностным подходом в преподавании. Сочетание традиционных методов обучения и современных информационных технологий делает процесс обучения мобильным, дифференцированным и индивидуальным. При использовании ИКТ возможно оптимальное сочетание индивидуальной и групповой работы; коррекция учителем процесса обучения, учёт индивидуальных особенностей ученика, создание условий психологического комфорта и практически неограниченный объём содержания обучения.

В процессе использования ИКТ необходимо принимать во внимание возрастные особенности школьников. ИКТ помогают создать благоприятные условия с точки зрения развития личности: обеспечивают потребности детей в эмоциональном общении, свободе, потребности в самоуважении, общении и самовыражении, а также удовлетворяют их нравственные и эстетические потребности.

Несмотря на неоспоримые преимущества этих технологий есть и негативные факторы влияния ИКТ на учащихся: соматические нарушения (снижение остроты зрения, искривление позвоночника, быстрая утомляемость); психическая нагрузка; излучение, электростатические поля. Негативное влияние ИКТ возможно уменьшить при соблюдении

требований СанПиН, чередуя применяемые в обучении инструменты ИКТ и выполняя профилактические комплексы упражнений.

Несомненно, что преимущества ИКТ в образовательном процессе преобладают, и многочисленные исследования показали, что использование ИКТ в образовательном процессе может улучшить результаты обучения учеников и качество преподавания учителей.

© Романова Г. В., 2012

С. А. Рябинина

Новоуральск, Россия, lanar71@mail.ru

Проектная технология как механизм формирования функционально грамотной личности в ОС «Школа 2100»

Сегодня много говорится о необходимости перехода от образования, ориентированного только на знания, к образованию, ориентированному на формирование универсальных учебных действий. В Образовательной системе «Школа 2100» это равнозначно формированию функционально грамотной личности, способной достигать высоких жизненных результатов. Но эта цель останется только красивым лозунгом до тех пор, пока не будут созданы механизмы ее формирования. Регулярная проектная деятельность — один из таких механизмов.

К основным признакам, отличающим проектную деятельность от других видов работы, нужно отнести направленность на достижение конкретных целей, координированное выполнение взаимосвязанных действий, ограниченную протяженность во времени, неповторимость и уникальность. Педагогу важна не грандиозность проекта, а возможность научить детей добиваться поставленных целей в разумные сроки и с применением полученных знаний.

В отличие от учебных задач, нацеленных на достижение правильного результата, проекты первоначально могут быть выполнены неидеально. Но, получая новые знания, школьник стремится выполнить то же самое задание на более высоком уровне. Качественная повторная работа позволит ученикам лучше понимать смысл и значимость их деятельности.

Проект должен быть не только индивидуальным, но и групповым, что позволит включить в процесс общение — ведущий вид деятельности учащихся средней школы.

Последовательность работы над проектом состоит из нескольких этапов. На первом определяются тема, проблема и цели. На втором

этапе планируется работа групп: определяются источники информации, способы её сбора и анализа, представления итогов деятельности. На третьем этапе решаются промежуточные задачи, анализируются полученные результаты, формулируются выводы. Последний этап необходим для демонстрации плодов труда, анализа проделанного, самооценки и оценки со стороны.

Проблемы, связанные с сочетанием урочной и внеурочной работы, с оценкой деятельности школьников, с разрешением типовых конфликтов при коллективном творчестве легко решатся, если проектная деятельность станет традиционной.

© Рябина С. А., 2012

А. С. Соловьева

Екатеринбург, Россия, anna_soloveva87@mail.ru

Образ России в сознании европейской молодежи

Средства массовой информации являются неотъемлемыми компонентами социального бытия современного человека.

СМИ играют существенную роль в выявлении и формировании общественного мнения, и служат сильнейшим инструментом манипулирования и насаждения новых ценностей на сознание людей.

Кроме того, в практике СМИ сегодня широко используются методы подсознательного воздействия, когда отношение общества к тем или иным явлениям окружающего мира формируется с помощью стереотипных представлений, которые внедряются в поток новостей, автоматически вызывая в массовом сознании либо положительную, либо отрицательную реакцию на конкретное событие.

Каждая страна стремится к тому, чтобы о ней знали как можно больше, чтобы эта информация была позитивной, способствовала уважению к государству, как на внутренней, так и на международной арене.

В настоящее время в массовом сознании сформирован определенный образ большинства стран. У американцев существуют свои стереотипы. Люди США воспитываются так, что не верят в безысходность ситуации: они считают, что при соответствующем умении любая задача может быть решена. У них присутствует «оптимизм до последнего». У россиян в качестве стереотипа сохранилась «философия надежды» на реальность идеальных образцов (Мельник Г. С. Mass Media: психологические проблемы и эффекты. Спб.: СпБУ, 2002).

Во многом исторически и психологически объясняется стереотип восприятия России представителями других наций. Свой

«вклад» в формирование негативного образа России вносят СМИ. Это подтверждается, в том числе проведенным автором тезисов исследованием.

Исследование проводилось в Англии в августе 2011 года среди представителей различных стран: Германии, Украины, Великобритании, Италии, Румынии и Сербии. Молодые люди в возрасте от 13 до 25 лет имеют очень специфическое представление о России. У них сформирован образ России как сильной могучей державы, но страны несчастливой. У молодежи образ России ассоциируется со Сталиным, большевизмом, тундрой и матрешкой.

© Соловьева А. С., 2012

Л. В. Тарасова

Серов, Россия, tl.v. spk@yandex.ru

Реализация условий дифференциации процесса обучения английскому языку

Современные гуманистические тенденции в образовании, культивирование человека как высшей ценности образования выдвигают необходимость тщательного, научно обоснованного решения проблемы индивидуализации в обучении (Унт И. Индивидуализация и дифференциация обучения. — М., 1990).

В личностной парадигме дифференциация — это создание условий для самостоятельного выбора учащимися группы (а, следовательно, вида работы, сложности задания, состава группы...), в которой он будет обучаться (Унт И. Индивидуализация и дифференциация обучения. — М., 1990).

Внешними условиями для реализации дифференциации в процессе обучения являются: дифференциация целей и дифференциация содержания обучения.

Различные виды целей для учащихся обуславливают необходимость дифференциации заданий, выводящих ту или иную группу учащихся на соответствующий уровень усвоения учебного материала.

Условия дифференциации процесса обучения в зависимости от содержания обучения: учёт особенностей учеников, постановка целей различного уровня для разных учащихся, применение различных методов, подготовка заданий различного уровня или типа

Эти условия могут быть реализованы во внеклассной работе, которая является неотъемлемой частью системы работы учителя иностранного языка.

Условия дифференциации процесса а обучения рассмотрим на примере внеклассного занятия «История американской музыки». Основой разработки стали результаты апробации методической разработки «Let's speak about English songs» и опыт проведения внеклассных занятий.

© Тарасова Л. В., 2012

Е. Ю. Тумова

Нижний Тагил, Россия, Helen_The_Saint@mail.ru

К вопросу об усилении иноязычной подготовки будущих специалистов технического профиля

Сегодня профессионал в любой области должен владеть не только специальными знаниями, но и основами гуманитарной культуры, важной составляющей которой является иноязычная подготовка.

Преподаватели кафедры иностранных языков Нижнетагильского Технологического Института (филиал) УрФУ, разработали целый комплекс мероприятий, направленных на создание языковой образовательной среды в техническом вузе, в который вошли различные виды аудиторной, самостоятельной и внеаудиторной работы. Например, конкурс на лучшую презентацию на иностранном языке; выпуск газеты на иностранном языке; создание страницы на сайте института на английском языке; клуб технических переводчиков; встречи студентов с техническими специалистами, владеющими иностранным языком; включение в учебный процесс новых разговорных тем и разработка новых междисциплинарных учебных материалов; конкурс на лучшее публичное выступление на английском языке.

Одним из самых успешных мероприятий, которое вносит наиболее заметный вклад в формирование единого культурно-образовательного гуманитарного и технического пространства вуза, является проект «Художественная энергия индустрии». Проект реализуется в рамках дисциплин «Иностранный язык» (английский) и «Технический перевод». Он проводится с целью найти способы взаимодействия технического знания, ценностей культуры и иностранного языка.

Подобные мероприятия помогают осуществить переход кафедры и вуза в целом из состояния традиционно-формального восприятия иноязычного образования с явным отставанием от времени в инновационный режим, обеспечивающий создание нового единого образовательного пространства.

© Тумова Е. Ю., 2012

Тривисессорн Джираторн

Екатеринбург, Россия, jiratorn224@gmail.com

Отношения между Таиландом и Россией в области образования на русском языке

Язык является одним из важных факторов развития отношений между Таиландом и Россией. Кроме того, язык стал ключом и подходом к пониманию. На наш взгляд, тайская сторона старается решить проблему, связанную с проблемой языкознания, чтобы уменьшить препятствия в контактах между тайской и российской сторонами. В экономическом отношении существует много проблем среди тайских экспортеров и русских импортеров, им пока трудно проводить переговоры или подписывать соглашения и обсуждать их друг с другом. Подобная проблема появилась в области мелких и средних предприятий (SMEs).

Очевидно, что сегодня всем сторонам хочется преодолеть данный барьер. Очевидно, что сфера образования является важным и перспективным направлением российско-таиландского сотрудничества, которая может уменьшить. Ввиду динамического развития двусторонних контактов в сферах торгово-экономических связей, туризма и культуры, образование играет своего рода основополагающую роль в плане подготовки специалистов по российско-таиландским отношениям в обеих странах. Важную роль в развитии двустороннего сотрудничества играют студенческие обмены. В последнее время все большее число таиландских студентов изъявляет желание продолжить обучение в российских вузах, как на индивидуальной частной основе, так и в рамках программы по предоставлению Таиланду государственных стипендий по линии Рособразования. Ежегодно Таиланду выделяется 40 государственных стипендий на обучение в России. Основными специальностями, привлекающими таиландцев, являются русский язык и литература, технические специальности (авиация, информационные технологии итд.), право, медицина, туризм (URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/6668/ms-obraz.pdf>).

В Таиланде сохраняется стабильный интерес к изучению русского языка. В настоящее время русский язык преподается в трех крупнейших университетах Таиланда: Таммасатском, Чулалонгкорнском и Рамкамхенгском. Также в 2009 г. на экспериментальной основе появилось преподавание русского языка в пяти школах Бангкока с еженедельными занятиями. Кафедра русского языка в Таммасатском университете работает с 1975 г. Университет готовит специалистов по русскому языку и России по программе бакалавриата. Действуют курсы русского языка как факультативного для студентов университета и для всех

желающих изучать русский язык. В 2003 г. в университете открылся Центр российских исследований. Таммасатский университет имеет Соглашение о сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным университетом и МГИМО (У) МИД. Программа русского языка в Чулалонгкорнском университете, одном из престижнейших университетов Таиланда, действует с 2004 г. Русский язык преподается по программе магистра как второй и факультативный в Центре российских исследований для студентов университета. Кроме того, в 2010 г. открыта магистерская программа изучения русского языка. В июне 2010 г. в ходе визита президента Чулалонгкорнского университета им. П. Камонраттанакуна были подписаны соглашения о сотрудничестве с МГУ имени М. В. Ломоносова и СПбГУ.

Русский язык преподается также в Рамкамхенгском университете как основной язык по программе бакалавра и как факультативный. В качестве основного языка русский выбирают 5—10 человек ежегодно. Рамкамхенгский университет имеет соглашение об обмене преподавателями с ДВГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова. Кроме того, в первом квартале 2011 г. планируется создание «Русского Центра» в Чулалонгкорнском университете по линии Фонда «Русский Мир» (Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/6668/ms-obraz.pdf>). Открытие центра предоставит студентам, изучающим русский язык, а также всем, кто интересуется Россией, доступ к учебно-методическим и научно-популярным материалам о России и русском языке. В России хорошие традиции преподавания тайского языка и страноведческих предметов по Таиланду в таких вузах как Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и Дальневосточный государственный университет.

Именно поэтому механизмом развития сотрудничества между Таиландом и Россией в области образования является соглашение о сотрудничестве в области образования (Официальный сайт Посольства Королевства Таиланд. 2008—2012. URL: <http://ru.thaiembassymoscow.com/info/?section=d5>). Это соглашение было подписано в Бангкоке в Таиланде. Согласно данному соглашению министерство образования и науки Российской Федерации и Министерство образования Королевства Таиланд, далее именуемые Сторонами, учитывая взаимную заинтересованность в развитии сотрудничества в области образования, желая способствовать развитию, углублению и расширению сотрудничества в сфере профессионального образования, будучи убеждены, что укреп-

ление образовательных связей обоих государств будут содействовать взаимопониманию между народами.

Думается, что международное сотрудничество следует расширять. В уральском регионе имеются серьезные предпосылки для развития взаимных образовательных контактов с Таиландом.

© *Джираторн Тривиссесор, 2012*

А. А. Фетисова

Москва, Россия, anastasia_fe@yahoo.com

Формирование межкультурной компетенции учащихся (на примере способов выражения благодарности)

Кардинальные политические и экономические изменения последних десятилетий в мире оказали существенное воздействие на социальные процессы, происходящие в нашей стране. Так, активные тенденции глобализации, идеи создания «всемирной общей деревни» (global village), иммиграционные волны, «креолизация» общества (значительное увеличение числа браков между людьми, принадлежащими к различным расовым, этническим, религиозным группам) указывают на необходимость пересмотра требований к качеству профессиональной подготовки современного специалиста вне зависимости от сферы производства. На сегодняшний день большинство работодателей ждет от своих сотрудников помимо владения иностранным языком готовность осуществлять профессиональную деятельность в условиях ставшего привычным культурного многообразия.

Надо отметить, что довольно долго формирование иноязычной коммуникативной компетенции как в школе, так и в вузе происходило в условиях, когда эталоном, к которому стремились обучающиеся, являлся уровень владения языком его носителем. Однако любой человек обладает своей собственной национальной культурой, уникальными традициями, обычаями, историей, поэтому условием межкультурного взаимодействия должно стать адекватное, толерантное видение и восприятие другой культуры при сохранении своей собственной.

Представленные в докладе некоторые аспекты употребления способов выражения благодарности на английском и русском языках позволяют привлечь внимание обучающихся к тонкостям использования лексических и речевых единиц в иноязычном общении, что способствует развитию их межкультурной компетенции и помогает предотвратить возможные коммуникативные неудачи.

© *Фетисова А. А., 2012*

Хоу Синьфу

Баодин, КНР, hxhxf6688@163.com

«А зори здесь тихие» в Китае¹

Много книг я читала, но хочу рассказать о произведении, которое глубоко затронуло меня. Это повесть Борис Васильев «А зори здесь тихие». Борис Львович Васильев — русский советский писатель, повесть «А зори здесь тихие» была написана в 1969 году. На основе собственной повести писатель создал сценарий для фильма «А зори здесь тихие...», снятого Станиславом Росточким. За эту картину ее создатели были удостоены Государственной премии СССР, а в 1973 году она была номинирована на премию «Оскар».

Но очень жаль, что в то время отношения между Китаем и Советским Союзом ухудшились, китайские читатели и зрители не имели возможности ознакомиться с этим известным всему миру произведением вплоть до конца 1970-х годов. В начале 1980-х г. в связи с политикой открытости и экономических реформ в Китае небывало увеличилось количество переводной советской и западной литературы, и повесть и фильм «А зори здесь тихие...» были переведены на китайский язык, и получили высокую оценку китайских читателей и зрителей. С тех пор повесть «А зори здесь тихие» Бориса Васильева входит в школьную программу по зарубежной литературе во всех школах КНР. Читателям очень нравится эта повесть. В повести, показывая подвиг человека на войне, писатель особое внимание уделяет силе русского национального духа, нравственной стойкости, способности к самопожертвованию ради спасения Отечества. Кроме того, повесть «А зори здесь тихие» Бориса Васильева оказала определённое влияние на развитие китайской литературы о войне. Китайский военный рассказ «Предание на западном фронте» был написан писателем Сюй Хуайчжун в 1980-ом г. и имеет много общих черт с повестью «А зори здесь тихие», как в методе художественного выражения (показ духовного мира человека через его жизни), так и в описании жизненного пути и характера героев...

В Китае, возможно, многим людям неизвестен русский советский писатель Борис Васильев, но мало кто не знает «А зори здесь тихие». Выдающийся переводчик русской литературы на китайский язык, литературовед и художник господин Гао Ман в своей статье «Счастье писателя» описал такое событие: летом 1987-го года Васильев с советской делегацией посетил Китай, по пути на Великую китайскую стену каждый

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания провинции Хэбэя Китая в области исследований по социальным наукам. Номер работы: 201103081.

турист, с которым встретился Васильев, говорил, что знает о фильме «А зори здесь тихие». В ресторане Васильев спрашивал официантку, смотрела ли она «А зори здесь тихие». Официантка с энтузиазмом сказала: «Этот фильм я смотрела два раза, и он тронул меня до слез!» Итак, она начала рассказывать о своём впечатлении от фильма. Оживлённое выражение и голос официантки привлекли Васильева, у него даже слёзы полились от волнения. Он сказал господину Гао Ман: «Переводить не нужно, я понимаю!» В то время другой член делегации волновался: «На свете есть писатели, они известны всему миру, но мало кто читает их произведения, я жалею таких писателей. На свете есть много произведений, они известны всему миру, но мало кто знает, кто их автор, такие авторы счастливые. Вы, Васильев, такой писатель! Вам надо гордиться!»

В апреле 2002 года в Китайском государственном драматическом театре поставили драму «А зори здесь тихие», адаптированную китайскими сценаристами и режиссёрами (Тун Даомин и Ча Минчжэ) по одноименной повести Бориса Васильева. В мае 2005 года в эфире государственного телеканала КНР China Central Television (CCTV) был показан 19-серийный фильм «А зори здесь тихие». Идея создания фильма «А зори здесь тихие» по мотивам одноименной повести писателя Бориса Васильева появилась на CCTV в преддверии празднования 60-летия Победы над фашизмом. Сериал снимался в Приамурье и соседнем с Благовещенском китайском городе Хэйхе. Все роли в фильме исполнили российские актеры. Режиссер фильма Мао Вэйнин высоко оценил мастерство и талант российских актеров.

«А зори здесь тихие» (и повесть, и фильм, и драма, и телевизионный сериал) пользуются большой популярностью среди китайских читателей и зрителей. Можно сказать, что это бессмертное произведение сопровождает жизнь нескольких поколений китайцев. Из него мы узнали многое о войне и о русских. Мы желаем, чтобы культурное общение и сотрудничество между Китаем и Россией и дальше укреплялось. И мы ожидаем, что ещё больше произведений выйдёт на свет.

© *Синьфу Хоу, 2012*

Г. Н. Чиршева

Череповец, Россия, chirsheva@yandex.ru

Специфика определения родного языка ребенка-билингва

Вопрос о родном языке в ситуациях одновременного усвоения двух языков ребенком, особенно в биэтнической семье, ставится

таким образом: какой язык считать для него родным, если у матери и отца они разные, и они общаются с ребенком каждый на своем родном языке? Иногда говорят о том, что у ребенка в этом случае два родных языка, и между ними устанавливается определенная иерархия: многие билингвы в таких случаях родным называют материнский язык.

Дети, усваивающие одновременно два языка в биэтнических семьях, познают действительность на двух языках, оба из которых для них родные. Одновременное овладение двумя языками побуждается одними и теми же потребностями — познавательными. В этом аспекте наблюдается сходство статуса обоих языков при их одновременном освоении.

Совпадение гносеологической и коммуникативной функций двух языков при их одновременном усвоении наблюдается у большинства детей-билингвов до дифференциации языков. Следовательно, на ранних этапах билингвального развития нет оснований делить языки на родной, так как до тех пор, пока ребенок их не дифференцирует и не начнет отдавать явного предпочтения одному из них, их овладение идет одинаковыми путями, и они выполняют одинаковые функции. Осознание двуязычия пробуждает и дифференциацию функций двух языков. Некоторые дети начинают отдавать предпочтение одному из них как более надежному средству для выражения своих мыслей и эмоций. Отчасти это объясняется более эмоционально насыщенным инпутом на одном из языков.

Различия в освоении родного и неродного языков в одноязычном обществе начинают ярко проявляться в процессе социализации ребенка. Культурные стереотипы поведения с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом и в полной мере осознавать себя его членом.

Учитывая все вышесказанное, можно дать такое определение родному языку ребенка-билингва: это один из тех языков, который усвоен им в раннем детстве в семье, которым он владеет свободно и активно пользуется в наиболее важных сферах личной и общественной жизни. Родным может быть и материнский, и отцовский язык. Обычно это также тот язык, на котором осуществляется познание окружающей действительности, обучение в школе и социализация личности.

© Чиршева Г. Н., 2012

Э. Р. Шарифуллина, Н. Н. Сергеева
Нижний Тагил, Россия, elvirasharifullina@yandex.ru

Возможности мультимедийного учебника в развитии социокультурной компетенции

В связи с появлением социокультурного подхода к обучению иностранному языку задача современной школы состоит в подготовке учащихся к участию в межкультурном общении на иностранном языке в письменной и устной формах, воспитании толерантного отношения к культуре и обычаям страны изучаемого языка. Практика преподавания английского языка в школе позволяет говорить о том, что информация о фактах иноязычной культуры представлена в учебниках не в достаточном объеме и весьма разрознено, как следствие, процесс формирования иноязычной социокультурной компетенции происходит несистемно. В результате, фактический уровень сформированности социокультурной компетенции учащихся зачастую не соответствует выдвигаемым программным требованиям и является недостаточным для успешного межкультурного общения.

Думается, что разработка и внедрение собственного мультимедийного учебника по страноведению Великобритании в практику обучения английскому языку позволяет более эффективно, а самое главное систематически решать методические задачи. Организация учебника строится таким образом, что имеется возможность построения простого и удобного механизма навигации и развитого поискового механизма. Для педагога создается возможность адаптации изучаемого материала к уровню знаний обучаемого, дополнения и изменения текстовой или иллюстративной информации по мере появления новых данных, а также возможность встроенного автоматизированного контроля уровня знаний учащихся.

В силу того, что учебник содержит аутентичные аудио-видеотексты создается уникальная возможность восполнить отсутствие естественной иноязычной среды. Наглядность представления материала, быстрая обратная связь, возможность регулярной корректировки материала делает мультимедийный учебник незаменимым средством в развитии социокультурной компетенции учащихся.

Таким образом, систематизированная страноведческая информация в учебнике, базирующаяся на информационно-коммуникационных технологиях и отвечающая современным требованиям нашего времени, позволяет в полной мере решать методические цели и задачи.

© Шарифуллина Э. Р., Сергеева Н. Н., 2012

Уважаемые коллеги, учителя иностранных языков!

Институт иностранных языков ФБГОУ ВПО «УрГПУ» объявляет набор на магистерскую программу «Языковое образование (иностраннные языки)».

Цель — подготовка специалистов высокой квалификации, умеющих практически применять систему научных знаний, навыков научно-исследовательской работы и профессиональных умений высокой сложности, в т. ч. в сфере образовательной деятельности.

1. **Срок обучения** — 2 года.

2. **Форма обучения** — заочная (предполагается проведение сессий два раза в год).

3. **Стоимость** — 30 тысяч рублей за один год обучения.

4. **Занятия ведут** — доктора наук, профессора:

Е. Г. Доценко, З. И. Комарова, Н. Н. Лыкова, Н. Н. Сергеева, Е. В. Шустрова
кандидаты наук, профессора:

Н. А. Пирогов, В. П. Хабиров

кандидаты наук, доценты:

Е. Е. Горшкова, А. Е. Кустова, С. М. Мысик, Ю. А. Филипацци и др.

5. **Зачисление** — по результатам собеседования (запись производится по телефону: +79049877189 — Н. Н. Сергеева).

6. **Документы принимаются по адресу:**

г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 152, ст. метро «Машиностроителей», ост. трамв., трол. «Педуниверситет».

7. **Контактные телефоны:**

Приемная комиссия: (343) 336-12-43

По вопросам обучения (по собеседованию, программе, учебному плану) обращаться к руководителю программы — д. п. н., проф., зав. каф. немецкого языка и методики его преподавания Наталье Николаевне Сергеевой, email: snatalia2010@mail.ru.

Тел. (343) 336-12-96 (кафедра, ст. лаборант Ольга Викторовна)

По вопросам оформления договора на обучение и квитанций для оплаты обращаться к Ольге Александровне Добычиной (каб. 478)

Тел. (343) 336-13-42

С учебными планами и аннотациями дисциплин Вы можете познакомиться на официальном сайте ИИЯ <http://ifl.uspu.ru/magistratura>

Ждём Вас!

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УрГПУ основан в 1937 году. Является ведущим образовательным учреждением в области преподавания иностранных языков и повышения квалификации преподавателей вузов и учителей в Уральском регионе, а также готовит специалистов в сфере устного и письменного перевода. Лицензирован и аккредитован. Имеет давние и прочные связи с зарубежными образовательными учреждениями и центрами, многолетние традиции научного и культурного обмена с Германией, Австрией, Францией, Великобританией и США; тесно сотрудничает с факультетами иностранных языков и кафедрами С.-Петербурга, Москвы, Н. Новгорода, Н. Тагила и др. городов РФ. Имеет высокий рейтинг в научном мире.

В состав ИИЯ входят **7 специализированных кафедр**:

- английского языка; английской филологии и сравнительного языкознания; немецкого языка и методики его преподавания; немецкой филологии; романских языков; перевода и переводоведения; иностранных языков, а также:
- 4 ресурсных языковых центра (немецкий, французский, испанский, австрийский); магистратура; аспирантура, докторантура; центр дополнительного образования; подготовительные курсы (уровень ЕГЭ).

Научные школы

Научные исследования в институте проводятся в рамках комплексной темы **«Типологические аспекты функционирования и эволюции языков»**. Исследования проводятся двух направлений: 1) сопоставительное языкознание; 2) теория и методика обучения. Оба направления соответствуют профилю подготовки выпускников. Результаты исследования используются в учебном процессе в УрГПУ, в вузах Свердловской области и Уральского региона.

К настоящему моменту сформировались несколько научных школ института:

- профессора И. А. Гиниятуллина — «Методика самостоятельной учебной деятельности»;
- профессора З. И. Комаровой — «Сопоставительное терминоведение»;
- профессора Н. Д. Маровой — «Интерпретация текста»;
- профессора Н. В. Пестовой — «Сопоставительная лингвистическая поэтика»;
- профессора Н. А. Пирогова — «Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание»;
- профессора Н. Н. Сергеевой — «Методика обучения иностранным языкам в системе профессионального образования»;
- профессора В. П. Хабилова — «Креолистика и социолингвистика».

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики»
ПРОВОДИТСЯ ЕЖЕГОДНО В ПЕРВЫЕ ПЯТНИЦУ-СУББОТУ ФЕВРАЛЯ
<http://ifl.uspu.ru/nauka/18-konferencii/155-feb>

Материалы по итогам конференций размещаются в электронной библиотеке ИИЯ УрГПУ <http://ifl.uspu.ru/lib>

Мы всегда рады видеть Вас среди участников!

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ

ежегодной международной научной конференции

3–4 февраля 2012 года

г. Екатеринбург, Россия

Подписано в печать 20.03.12. Формат 60×84^{1/16}.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 500 экз. Заказ №

Оригинал-макет А. Б. Арабтанов

Тираж отпечатан в Уральском государственном

педагогическом университете

620017 г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

uspu@uspu.ru